

Пол
СТЮАРТ
Крис
РИДДЕЛ

Пол Стюарт, Крис Риддел

ВОЗДУШНЫЕ ПИРАТЫ

АКАДЕМИК ВОКС

АКАДЕМИК
ВОКС

ВОЗДУШНЫЕ ПИРАТЫ

Страшная засуха и каменная болезнь иссушили земли Края, превратили Каменные Сады в пустошь, погубили все воздушные корабли. Сантафракс на грани катастрофы. Одного Верховного Академика Вокса это не пугает. Всеми забытый правитель строит хитроумные планы на будущее, и важная роль в них отводится Плуту Кородеру, Библиотечному Рыцарю. Плут все отдал бы за то, чтобы воздушные корабли снова бороздили небо Края, и ему предстоит выдержать немало испытаний, опасных и неожиданных: рабство у Гестеры Кривошип, отвратительная роль предателя, решающая схватка с беспощадными шрайками в туннелях Тайнограда. Но настоящий воздушный пират всегда остается верным своей мечте!

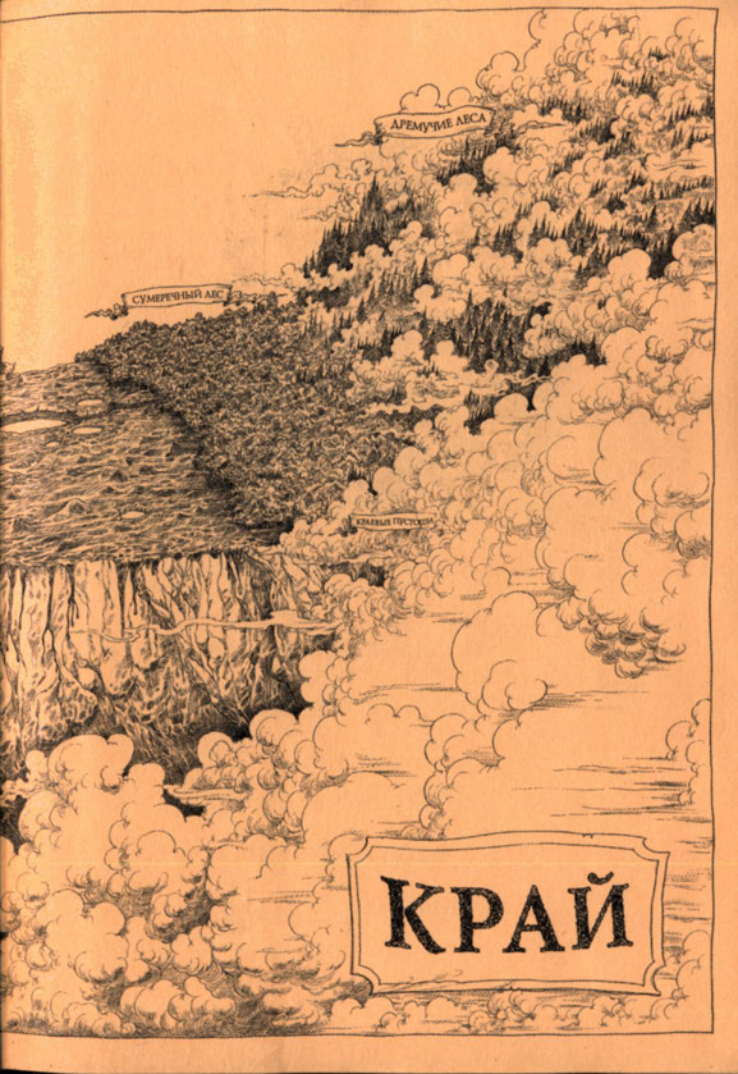

ISBN 5-352-01397-9

9 785352 013977

ДРЕМУЩИЕ ЛЕСА

СУМЕРЧНЫЙ ЛЕС

КРАЕВЫЕ ГОСТОКИ

КРАЙ

В серии
«Воздушные пираты»
выходят книги:

ЗА ТЕМНЫМИ ЛЕСАМИ

•

ГРОМОВОЙ

•

ПОЛНОЧЬ
НАД САНКТАФРАКСОМ

•

ДРЕВНИЙ СТРАННИК

•

ПОСЛЕДНИЙ
ВОЗДУШНЫЙ ПИРАТ

•

АКАДЕМИК ВОКС

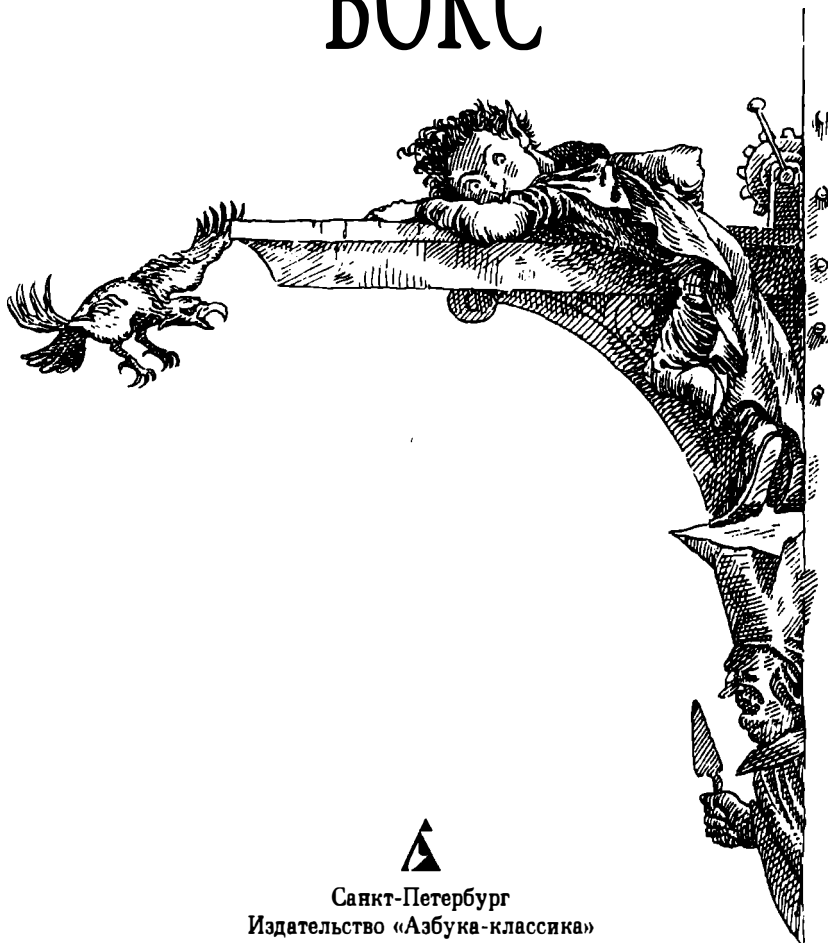
•

ВОЛЬНАЯ ПУСТОШЬ

Пол Стюарт • Крис Риддел

АКАДЕМИК ВОКС

Санкт-Петербург
Издательство «Азбука-классика»
2005

УДК 82-93
ББК 84.4 Вл
С 88

Paul Stewart & Chris Riddell
Vox

Text and illustrations copyright © 2004
by Paul Stewart and Chris Riddell
All rights reserved

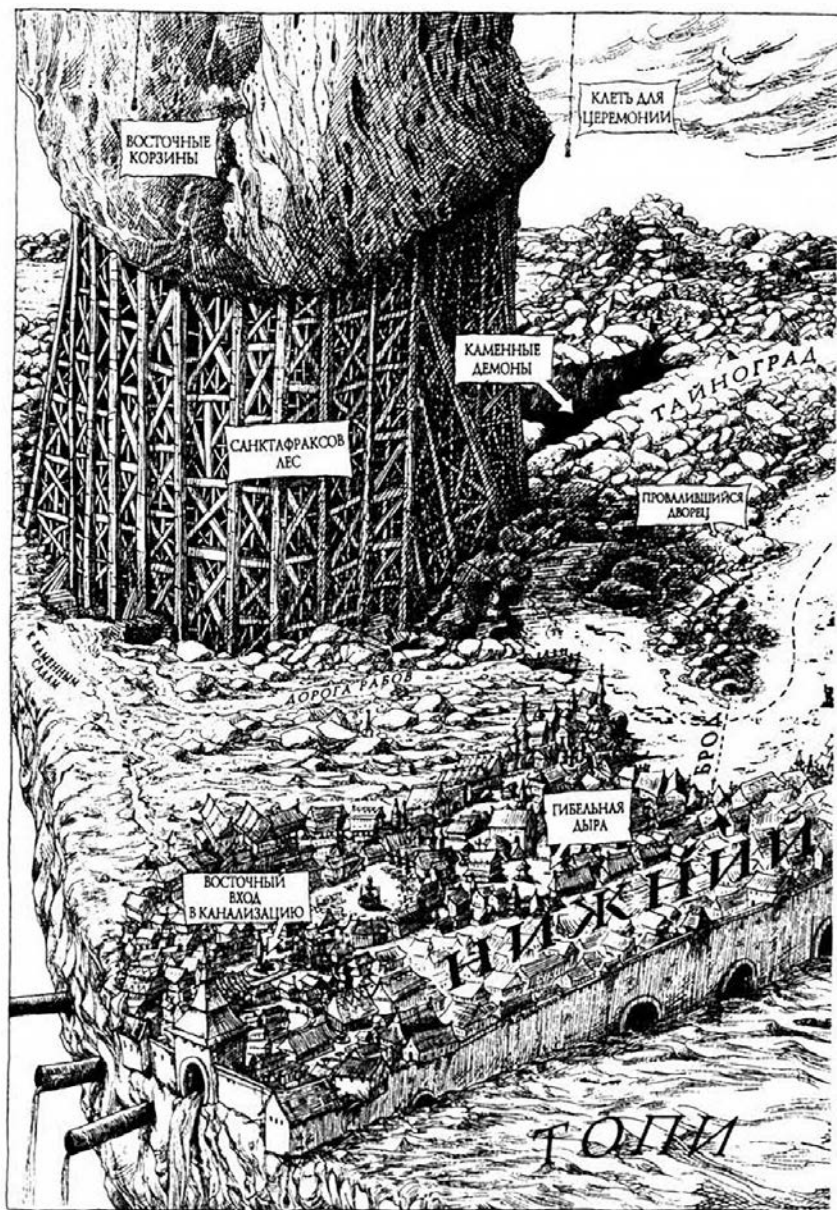
Права П. Стюарта и К. Риддела,
являющихся авторами данного произведения,
защищены в соответствии с законом
«Об авторском праве, дизайне и патентах» 1988 года.

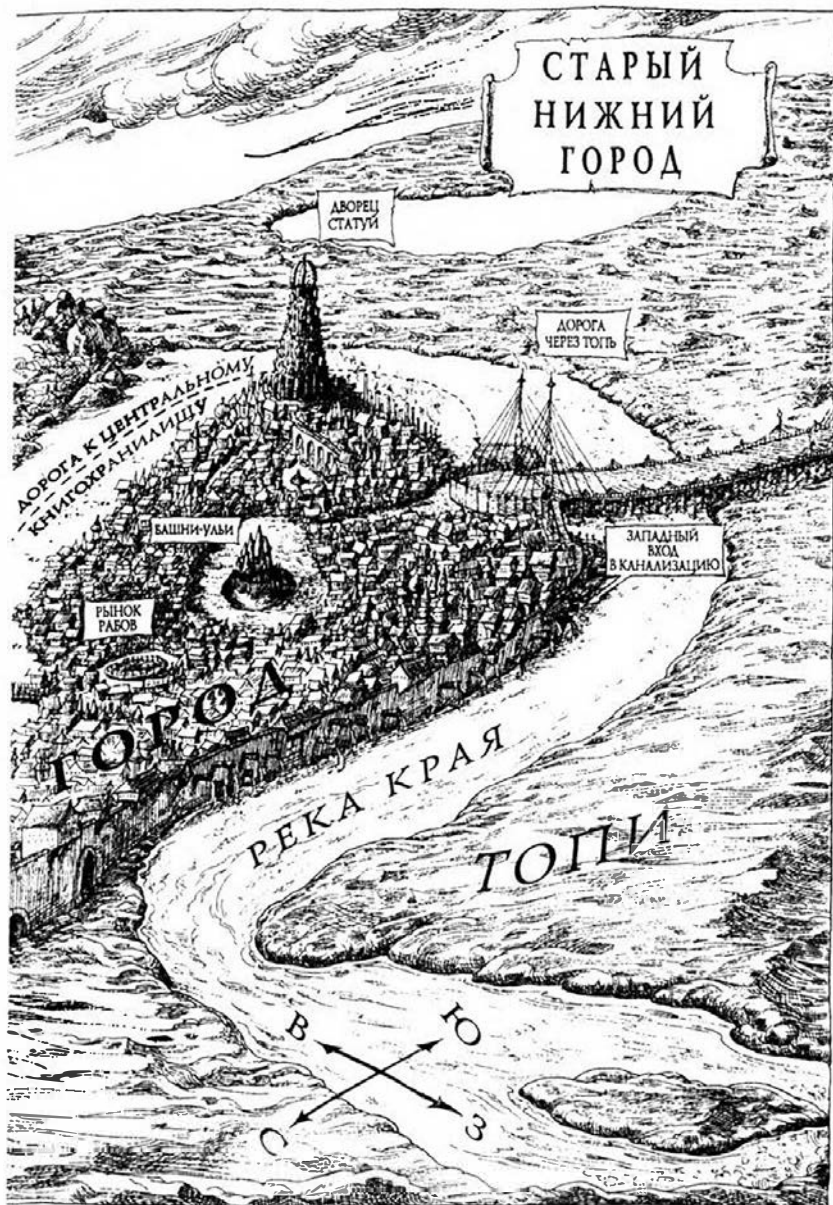
Публикуется с разрешения Random House Group Ltd,
отделения Transworld Publishers

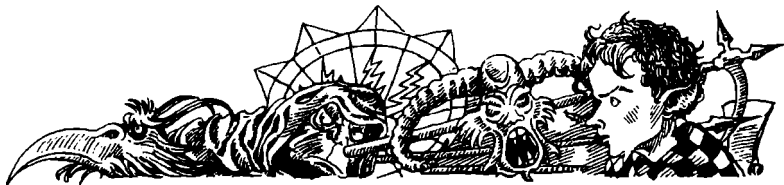
Издательство выражает благодарность
литературному агентству Эндрю Нюрнберг
за помощь в приобретении прав

Перевод с английского Юлии Шор
Дизайн серии Вадима Пожидаева
Оформление Сергея Гончарова, Валерия Макарова
~~Иллюстрации~~ Криса Риддела, Сергея Гончарова

*Посвящается Джеку,
Кэти,
Анне,
Джозефу
и Уильяму*

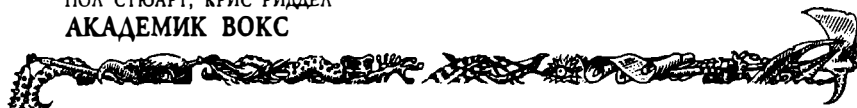

ВВЕДЕНИЕ

алеко-далеко, рассекая пространство, как огромная резная фигура на носу могущественного каменного корабля, простирается Край. Со скалы, нависающей над бездной, льется бесконечный поток — здесь кончается Река Края. Русло ее широкое, река медленно и лениво несет свои воды. Десятки лет на эту землю не падало ни капли дождя, но теперь, когда небо заволокло черными тучами, а тяжелый, горячий воздух пропитан влагой, можно ожидать перемен.

У самого обрыва Краевой Земли раскинулись Каменные Сады. Когда-то там зарождались летучие камни, без которых невозможны полеты небесных кораблей, и там же формировались великие скалы Санктафракса. Теперь Каменные Сады умирают: земли Края поразила ужасная каменная болезнь, она погубила все летучие корабли, разрушила скалы и превратила Каменные Сады в бесплодную пустошь с раздробленными осколками горных пород. Даже белые вороны, некогда охранявшие каменный заповедник, покинули эти места.

И только Стражи Ночи с безжалостным Орбиксом Ксаксисом во главе верили, что грозовая молния, которую принесет Мать Штормов, исцелит злой недуг. Много лет подряд, укрывшись в Башне Ночи на самой вершине крошащейся скалы Санктафракса, они с нетерпением ждали ее появления.

Но их противники Библиотечные Академики, вынужденные скрываться под мрачными сводами подземной канализации, считали, что молния не вылечит каменную болезнь. Собравшись под предводительством Верховного Библиотекаря Фенбруса Лодда, они спорили, гадали, высказывали предположения и гипотезы, ставили эксперименты, исследуя обломки зараженной странным вирусом скалы, в попытке найти иное целительное средство. Ученые не теряли бдительности: они должны были тщательно оберегать себя и свои секреты от любого, кто посмеет вторгнуться в подземное книгохранилище.

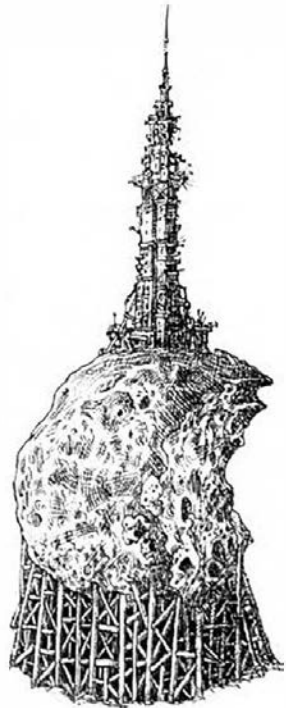
А недругов, не считая Орбикса Ксаксиса, у обитателей подземной канализации было предостаточно: одним из них был жестокий молотоголовый гоблин генерал Титтаг, мечтавший о том, как он железной хваткой возьмет за горло тех, кто ютится в подземелье Нижнего Города, и тех, кто живет наверху. Он бы с удовольствием осуществил свои намерения, если бы нападение не было столь опасным. Мамаша Ослиный Коготь, Предводительница шраек из Восточного Посада, также хотела бы уничтожить библиотеку и навсегда разорвать связь между Библиотечными Академиками и своими заклятыми врагами — учеными с Вольной Пустоши.

И днем и ночью Библиотечные Рыцари бдительно патрулировали небо. Плут Кородер, вчерашний подмастерье с Вольной Пустоши, опытный пилот, наравне со своими товарищами совершал рейды в одиночку или вдвоем с напарником. Пилоты на деревянных небоходах старались держаться в тени, облетая просторы над Нижним Городом, давно пришедшим в упадок. Они стремительно проносились мимо груды обломков и зияющих пустот Тайнограда, проскальзывали между громадных столбов и распорок Санктафраксова Леса, гигантского сооружения, которое не позволяло скале Санктафракса, пораженной каменной болезнью, окончательно развалиться.

После полетов рыцари возвращались в библиотеку с отчетами о наземном мире: это были странные, тревожные сообщения о шаровых молниях, пронзающих небесную ширь, о мутантах — чудовищах колоссальных размеров, населяющих Тайноград, и о знойной, душной погоде наверху, где от влаги становилось все труднее дышать.

Вокс Верликс, нынешний Глава Всех Лиг и Верховный Академик Санктафракса, хорошо разбирался в метеорологии. Когда-то этот юный гений, хулиган и задира был одним из самых многообещающих

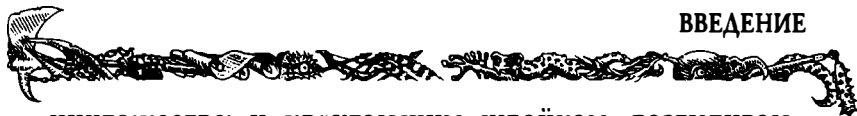

подмастерьев своего поколения, изучавших облаковедение. Ему удалось силой вырвать власть из рук Каулквейпа Пентефраксиса, Верховного Академика Нового Сантафракса, и самолично возложить на себя обязанности правителя. Именно он сумел подмять могущественные Купеческие Лиги, и он же затеял строительство Башни Ночи, Дороги через Великую Топь и Сантафраксова Леса.

Сейчас, несмотря на пышные титулы и грандиозные проекты, Вокс Верликс терял свое влияние. Его постоянно теснили. Орбикс Ксаксис захватил Башню Ночи, Мамаша Ослиный Коготь взяла под контроль Дорогу через Великую Топь, а генерал Титтаг, командовавший армией гоблинов, фактически встал во главе Нижнего Города и правил им железной рукой, оставив бывшего хозяина в качестве марионетки, дабы оградить себя от угрозы нападения шраек.

В итоге Вокс Верликс, спившийся, непомерно тучный, оказался едва ли не заключенным в рушащемся Дворце Статуй.

Закормленный и раздобревший от обилия продуктов, поставляемых эконожкой, он проводил время в полузабытьи, в моменты просветления (с трудом вспоминая, что с ним происходило днем раньше) думал о былой славе, и события минувших лет ясно вставали в его памяти. В эти минуты Вокс строил планы на будущее. Хитроумные, злокозненные планы. Он был одинок и беспомощен, но лелеял мечты об отмщении тем, кто был повинен в его нынешнем

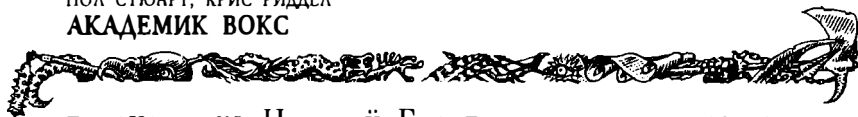
ничтожество: и квохтающим шрайкам, разгуливающим с важным видом по Дороге через Великую Топь, и гоблинам, чеканящим шаг по улицам Нижнего Города, и мрачным Стражам Ночи, постоянно дежурившим на верхушке башни.

Странные настали времена. В самом воздухе, раскаленном и влажном, витала опасность, — казалось, тебя сунули в кипящий котел, готовый взорваться с минуты на минуту. Рабы еле волокли ноги, задыхаясь от жары. Охрана постоянно вступала в перебранки. А чудища, обитавшие в Тайнограде и Санктафраксовом Лесу, становились нервными и непредсказуемыми.

«Что-то будет», — думали все. Но что?

По городу ползли слухи, подозрения усиливались. Ответов на бесконечные вопросы дать никто не мог. Чем занимаются Орбикс Ксаксис и Стражи Ночи? Зачем они каждую ночь разглядывают небо? Что замышляет генерал Титтаг, укрывшись в крепости с башнями, похожими на пчелиные ульи? Зачем Мамаша Ослиный Коготь собрала свою Шайку Шраек во временном дворце у края Дороги через Великую Топь? И что обо всем этом думают библиотекари, укрывшиеся в канализации, или они совсем перестали заботиться о тех, кто живет над ними?

И только одно имя никогда не звучало в досужих разговорах. Никто не вспоминал правителя, утонувшего в мареве мечтаний и сновидений, потерявшего ощущение реальности в крошащемся каменном

дворце, пока Нижний Город плавился от нестерпимой жары. Забыли только про него одного — Вокса Верликса.

Темные Леса, Каменные Сады, Река Края, Нижний Город и Санктафракс. Названия на географической карте.

Но за каждым из них стоит множество историй — историй, записанных на древних свитках, историй, которые переходят из уст в уста, от поколения к поколению, историй, которые рассказываются и по сей день.

Одну из таких историй мы и хотим вам рассказать.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

УТРЕННИЙ ПАТРУЛЬ

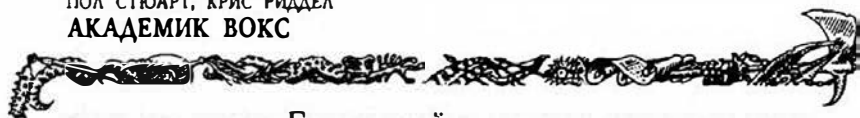

огромном зале было промозгло — холод пронизывал до костей. Сквозь переплеты подернутого изморосью стеклянного купола виднелось темное небо, на нем сверкали звезды, похожие на частицы пылефракса. Под куполом располагался массивный стол из железного дерева в форме кольца. За столом, скрючившись над ворохом небесных карт, застыла массивная неповоротливая фигура, перед нею красовалась тяжелая пивная кружка с открытой крышкой, а на полу, у ножки стула, валялся опрокинутый телескоп. Внезапно голова сидящего накренилась и легла на стол, на губах запузырилась розовая слюна, и громкий храп огласил помещение.

От чудовищного сквозняка карты звездного неба шуршали, как мертвые листья на ледяном ветру. Академик поежился во сне, и легкое позвякивание медальона из пылефракса, задевшего тяжелую металлическую цепь — свидетельство высокого титула, — слилось с могучим храпом.

Он подался головой вперед, щеки его раздулись от сопения, складки жира на шее подрагивали при

каждом вдохе. Болтавшийся на шее медальон звякнул о край опустевшей кружки, однако металлический скрежет не разбудил спящего; выводя рулады и трясая тройным подбородком, академик кренился все ниже к столу, пока медальон не попал внутрь сосуда.

И тут, издав пугающий рык, спящий, ткнувшись носом, ударился лицом о стол, резко выпрямился и открыл глаза. Он услышал потрескивание, затем хруст, затем легкий запах лесного миндаля — и кружка, взорвавшись, разлетелась на куски.

Академика выбросило из кресла. Он пролетел через весь зал, падая, подвернул ногу и сильно расшиб лоб о каменный пол.

Высоко под потолком эхо отозвалось звоном разбитого стекла, и последовал оглушительный звук, от

которого у академика чуть не лопнули барабанные перепонки: какой-то тяжелый предмет, проломив стеклянный купол, с грохотом рухнул на стол из железного дерева и раскололся надвое.

Академик глухо закашлялся, с трудом поднимаясь на ноги. В воздухе кружили тучи пыли, пахло гарью. У академика стучало в висках, уши заложило, в глазах рябило, и куда бы он ни бросил взгляд, всюду сверкали пурпурно-зеленые всполохи — последствия взрыва...

Постепенно конвульсии мучительного кашля прекратились, и он смог дотянуться до покрывала из паучьего шелка, чтобы вытереть воспаленные глаза. У себя над головой он заметил зияющие дыры: от взрыва стекла в куполе просыпались на пол и лежавшие у ног осколки мерцали в лунном свете. Нахмурившись, он огляделся и заметил какой-то предмет, валявшийся среди груды битого стекла и деревянных обломков. То была голова одной из статуй, украшавших крышу. Иней, покрывавший ее, растаял, и по полу растекалась грязная лужа.

Интересно, какой знаменитости был воздвигнут монумент, проломивший кровлю?

Академик нагнулся и взял в руки скользкую от влаги мраморную голову. Повернув ее к себе лицом, он ахнул от изумления, увидев собственную копию.

До полуночи оставалось несколько минут, грязно-желтая полная луна мелькала за сгущавшимися тучами. Было сравнительно тепло, и воздух был пропитан влагой. Верховный Страж Ночи Орбикс Ксаксис, выйдя на самую верхнюю площадку здания, беспокойно огляделся и стал поправлять противогаз, прикрывающий лицо.

Поскольку клапаны железной маски были затянуты сеткой из паучьего шелка, дышать ему было трудно — крупные капли пота катились по щекам, а голос приобретал неестественную хрипотцу. И все же противогаз служил надежной защитой от болезнетворных испарений ночи.

Верховный Страж приладил железную маску и защелкнул замок. Когда грянет долгожданная буря, с тихим удовлетворением думал он, воздух снова станет свеж и чист и можно будет свободно дышать, но пока не наступил этот славный день...

— Ваши верные слуги ждут ваших приказаний, — послышался чей-то сиплый голос.

Орбикс Ксаксис повернулся.

Перед ним стоял Моллус Леддикс, мастер по изготовлению клетей, а за ним высилось несколько громил стражников, плоскоголовых гоблинов, они крепко держали двух побледневших от страха юных библиотекарей. Один из них пытался храбриться, еле держась на ногах: спутанные рыжие волосы, прилипшие ко лбу, чуть прикрывали рану, а губы дрожали от страха. Его товарищ, ростом поменьше, сгорбился, не отрывая глаз от земли, голубые его глаза побелели от ужаса. Руки у пленников были связаны за спиной.

Орбикс сунул рыло своего противогаза прямо в лицо меньшему и принюхался. На глазах у юного библиотекаря показались слезы.

— Отлично! — воскликнул Орбикс Ксаксис. — Сладкие... Нежные... А где их поймали? В канализации?

— Одного мы схватили в сточной трубе, — подтвердил Леддикс, — а другого подстрелили в Нижнем Городе.

Орбикс Ксаксис поцокал языком.

— Вы, библиотекари, наверно, никогда не поймете, что хозяева здесь мы, Стражи Ночи. — Он кивнул плоскоголовым гоблинам. — Посадите их в клетку и уберите кляпы изо рта. Я хочу услышать, как они запоют.

Стражники бросились к пленным, вытащили веревочные кляпы у каждого и поволокли несчастных к краю площадки. Там на канатах, пропущенных через систему блоков, болталась тяжелая клеть. Охранники открыли дверь, запертую на щеколду, и впихнули пленников внутрь. Рыжеволосый юноша стоял не шевелясь и гордо подняв голову. Меньший последовал его примеру.

Орбикс сердито засопел. Все они такие, эти юные библиотекари. Делают вид, что им все нипочем, храбрятся, скрывая леденящий страх. И никогда никто не просил пощады ради спасения собственной жизни. Дикая злоба охватила Орбикса. Ну сейчас они у него запоют!

— Опустить клеть! — рявкнул Верховный Страж Ночи.

Леддикс подал сигнал освободить запорный болт на поворотном колесе. Качнувшись, клеть начала долгий спуск. Орбикс

Ксаксис, задрав голову, поднял обе руки вверх. Железная маска поблескивала при свете луны, блики играли на дымчатых стеклах противогаза.

— Так погибнет всякий нечестивец, осмелившийся вступить с нами в борьбу, загрязняя Великое Небо своими летательными аппаратами! — гремел его скрежещущий голос. — Мы, Стражи, очистим небо от скверны в ожидании Великой Ночи! Да здравствует Великая Буря!

Стражники на площадке подхватили клич:

— Да здравствует Великая Буря! Да здравствует Великая Буря!

Клеть опускалась все глубже. Она стремительно миновала темную угловатую Башню Ночи, промелькнула мимо крошащейся скалы Санктафракса с лабиринтом подпорок и нырнула дальше, в просторы Тайнограда. Юные библиотекари, стараясь удержать равновесие, испуганно озирались по сторонам.

— Не смотри вниз, — сказал рыжеволосый своему товарищу.

— Постараюсь, — ответил младший. — Я видел что-то страшное внизу, в темноте... Оно ждет нас...

Когда от рушащейся Санктафраксовой скалы отвалились гигантские глыбы, Нижний Город практически был уничтожен, пришел в запустение, и под ним среди развалин зародился Тайноград. Массивные валуны камнепада погубили улицы и дома, под тяжестью страшных лавин в земле образовались бездонные провалы.

Клеть с юными библиотекарями неумолимо опустилась в такой каньон. Вдруг движение прекратилось. Юноши прильнули к решеткам. Высоко над ними прогремел голос Верховного Стража Ночи:

— Выходите, Демоны Тьмы! Накажите тех, кто смеет загрязнять наше чистое небо! — Он повернулся к Леддиксу и злобно прошипел: — Открыть клетку!

Леддикс бросился выполнять приказ, плечом надавил на массивный рычаг — канат со свистом скользнул через блок и сразу же раздался глухой щелчок. Дно клетки раскрылось, и юные библиотекари, вопя от ужаса, кувырком полетели вниз по крутому, осклизлому склону.

— Вот они и запели, — удовлетворенно пробурчал Орбикс из-под железной маски, шагнул вперед и нагнулся, вглядываясь в мрачный провал.

Далеко внизу барахтались юные библиотекари, цепляясь за скользкие камни, хватаясь за уступы и неудержимо скатываясь все глубже в каньон. А там, в непроглядной мгле, выползая из всех щелей, трещин и расселин, их уже поджидали кровожадные монстры, выпустив острые когти и раскрыв крыла.

Юные пленники пронзительно кричали. Страшные черные тени обступили библиотекарей со всех сторон; круг сужался, как зрачок на свету. Из пропасти донеслись рычание, вой и — звук разрываемой плоти. Затем все стихло.

Орбикс опустил глаза.

— Какая хорошая песня, — задумчиво пробормотал он. — Никогда не устану слушать ее!

— Хозяин! — с ужасом выдохнул Леддикс, указывая на небо и падая на колени. — Смотрите!

Орбикс резко обернулся и увидел кроваво-красный пылающий шар, прочертивший небо. Описав дугу, он с диким ревом пролетел над головой Орбикса, пронесся мимо Каменных Садов и исчез в Открытом Небе. Верховный Страж провожал его немигающим взглядом, пока шар не превратился в сверкающую точку размером не более болотного драгоценного камня и наконец совсем не исчез.

Орбикс плотно сжал губы.

В следующее мгновение вдали послышался глухой взрыв с яркой вспышкой. Черные тучи закрыли собой тусклую желтую луну. Орбикс, чтобы успокоиться, крепко вцепился в деревянный ворот. Тяжелый воздух все сильнее сдавливал ему грудь.

— Это знак свыше, — промолвил он. — Посмотрите, как сгустились облака, и воздух раскален, как никогда. Небо готовится к наступлению чудесной ночи.

— Да здравствует Великая Буря! — гаркнул Леддикс, падая на колени.

Стража еще раз подхватила клич:

— Да здравствует Великая Буря! Да здравствует Великая Буря!

А в это время Ксант Филантайн, помощник Верховного Стража Ночи, находился в своей келье несколькими этажами ниже площадки. Оторвав взгляд от берестяного свитка, он содрогнулся при мысли о Церемонии Очищения. Сегодня в жертву были принесены два юных библиотекаря, которых он допрашивал накануне. И это после того, как он специально попросил Леддикса оставить их в покое! Ксант ударил кулаком по столу. Мерзкий слизняк! Как он смел через его голову пойти прямо к Орбиксу Ксаксису, хотя всем известно, какое удовольствие тот получает от милых ритуалов, выдуманных им самим!

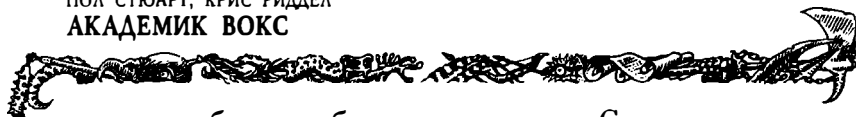
Ксант подошел к окну и выглянул наружу.

— Да здравствует Великая Буря! — горько пробормотал он.

* * *

Перегнувшись через седло «Буревестника», Плут посмотрел вниз и нахмурился. Что-то странное творилось у контрольно-пропускного пункта на Дорогу через Великую Топь. Обычно в такое раннее утро

у заставы было не более пяти шраек. Сегодня же там толпились сотни птицеподобных чудищ.

Умело опустив верхний парус и подтянув нижний, пилот опустился как можно ниже и сделал круг над территорией. Он рассчитывал, что густой туман поможет ему остаться незамеченным. Держась над самой землей, он облетел дровяные склады. Затем, зажав оба каната от парусов в левой руке, правой поднес к глазу подозрную трубу.

— О Небеса! — воскликнул он.

На Дороге через Великую Топь он увидел бесконечные колонны крылатых воительниц. В их сборище чувствовалось что-то зловещее. Судя по сверкающим нагрудным пластинам, начищенным шлемам с пышными плюмажами и множеству устрашающих орудий у каждой шрайки, это было не рядовое собрание клана. Похоже, шрайки объявили мобилизацию.

Плут понимал: ему немедленно нужно добраться до Центрального Книгохранилища и сообщить, что творится на дороге. И тогда уже Верховный Библиотекарь Фенбрус Лодд решит, как поступать в подобной ситуации. Рванув канат, управляющий верхним парусом, Плут развернул «Буревестника» и, продолжая держаться над самой землей, направился к Нижнему Городу.

Да, удивительные наступили времена. Распространялись упорные слухи о чудовищной жестокости гоблинов, наводнивших Нижний Город, о восстании ропщущих рабов в Санктафраксовом Лесу, поступа-

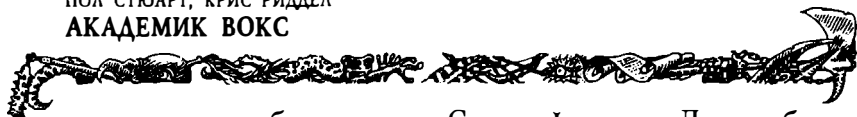
ли недостоверные сведения о чудовищах, населяющих расселины в пораженной каменной болезнью скале. И к тому же погода стояла какая-то странная. Как все Библиотечные Рыцари, Плут Кородер получил задание при патрулировании пристально наблюдать за изменениями в атмосфере.

Он недоумевал, что ему доложить. То, что утром было жарче, чем накануне? Или что воздух казался тяжелее, влажность повысилась и дышать стало труднее? А плотные тучи, сгустившись, нависли совсем низко над землей и солнца почти не было видно? Так? Но в чем тому причина? Плут понимал одно: восход окунул небосклон в грязно-желтую хмарь, яркие лучи солнца и окрашенные нежно-розовой акварелью легкие перистые облака стали воспоминанием.

Прокладывая путь в густом, обжигающем мареве, Плут облетел растрескавшиеся башни Дворца Статуй, совершил круг над Нижним Городом, где царили мерзость и запустение. Он увидел скудную утреннюю торговлю в полуразвалившихся лавках, мастерские, где еле теплилась жизнь, фабрики и литейные цеха, откуда валил удушливый дым... Гоблины-стражники вели рабов, скованных одной цепью, ночная смена заканчивалась и начиналась дневная.

— Бедняги, — прошептал Плут.

Сердце у него сжалось. От затхлости ему сделалось дурно. Однако, облетев город на небольшой высоте, он не заметил никаких перемен в поведении гоблинов, известных своей жестокостью, никаких следов недавнего восстания. Возле груды сваленных бревен

и подпорок, образующих Санктафраксов Лес, рабы трудились не покладая рук, а гоблины-надсмотрщики командовали, время от времени раздавая несчастным оплеухи и зуботычины.

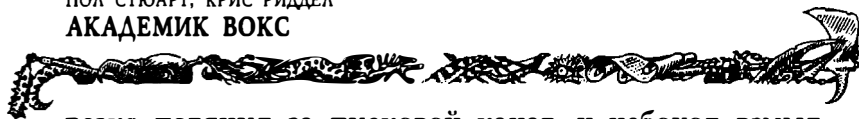
Там, где не видно было рабочих бригад, Санктафраксов Лес казался удивительно спокойным. И только несмолкаемый легкий треск нарушал тишину. Плут, охваченный тревогой, нырял вверх-вниз между распорками призрачного сооружения. Он никогда не любил это место, его населили малопривятные существа: стаи птицекрысов, колонии бешеных лягвожоров, бритвошпы и зубогрызы...

Продолжая держаться невысоко от земли, он отдался на волю стихии, и порывом ветра небоход перенесло через Реку Края. Плут задумался, вспомнив о подземном Книгохранилище, и порадовался, что долгие годы, проведенные им под мрачными сводами подземной канализации, позади... Ему нравилось ощущение свободы, когда солнце светило в лицо и ветер трепал волосы, а он взмывал все выше на своем «Буревестнике», не переставая удивляться бесконечности вселенной.

Плут глянул вниз и тревожно сглотнул слюну. Тайноград...

Под ним лежала каменная пустыня, земля была покрыта сетью глубоких трещин. Юноша вздрогнул. В развалинах мелькали неясные тени, причудливо мерцавшие огоньки напоминали чьи-то горящие глаза, алчно уставившиеся на него из мрака. Плут почувствовал себя неудобно: обстановка давила. Он

резко потянул за пусковой канат, и небоход взмыл в небо.

Плут набирал высоту — скала Санктафракса и Башня Ночи остались далеко внизу. Слева раскинулись Каменные Сады, превратившиеся в груды расколотых валунов. Поправив верхний парус, Плут развернул «Буревестника» и приготовился к долгому спиральному спуску, направляясь к самой дальней точке Земли Края.

Тайноград исчез, и у Плута поднялось настроение. Как хорошо парить высоко в небе, когда под тобой расстилается неизведанный мир, похожий на разлинованную географическую карту! Это была его стихия — необъятные небесные просторы. А рисковать, как пестрая крыса, под землей не его удел!

Неожиданно его мысли были прерваны тяжелым грохотом и ревом, оглушительная звуковая волна накрыла его со спины. В следующую секунду все смешалось: громыхание, всполохи света и неистовая жара. «Буревестника» потрянуло, и небоход вошел в штопор. Не было видно ни зги. Неистовый порыв ветра подхватил Плута, кружа и мотая взад-вперед, как осенний лист. В нос ударил ядовитый запах гари: пахло тлеющим паучьим шелком и пережаренным лесным миндалем.

— Да помогут мне Небеса, — пробормотал Плут, и слова его утонули в ураганном порыве ветра.

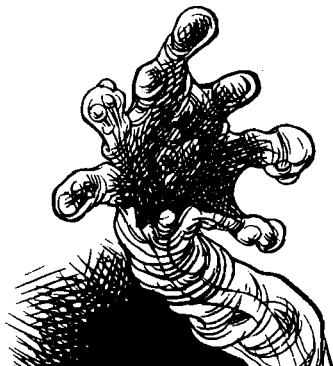
Небоход стремительно падал, Плут вверх тормашками летел на землю с такой же скоростью, как рушащиеся обломки Санктафраксовой скалы.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ТАЙНОГРАД

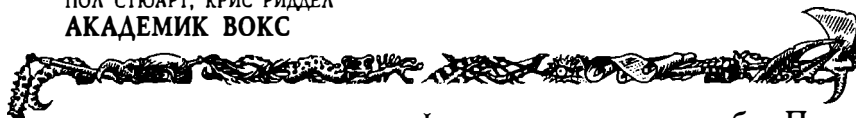

Плут пытался удержаться в седле, но «Буревестник» после крутого виража устремился носом вниз. Пилот привстал на стременах и, отклонившись назад, вступил в тщетную борьбу со стихией. Все усилия были напрасны. Небоход не слушался руля. Земля, усеянная каменными обломками, глубокими ямами и рытвинами, стремительно приближалась.

В последнюю секунду Плут подумал, что надо расслабить напряженные мускулы, — так его учили во время тренировочных полетов. Он отпустил гнутую шею деревянной птицы, вынул ноги из стремян, и «Буревестник» уплыл от него.

На секунду юноше показалось, что все кружится и несется кувырком. Завывал ветер, сверкали цветные всполохи, а затем — темнота. Больше он ничего не помнил.

Плут открыл глаза. В голове гудело, и что-то тяжелое придавило грудь. Рот был забит какой-то дрянью. Но он был жив! Смутные очертания скалистых облом-

ков вырисовывались на фоне грязно-серого неба. По форме они отдаленно напоминали сидящих на яйцах гигантских птиц. Где он? Куда подевался «Буревестник»? Он с трудом вспомнил, как облетал могучий утес, поднявшись высоко в небо, а в следующую секунду...

Тайноград!

Мурашки защекотали спину. Коварный ветер принес его обратно, в это гиблое место, где валялись обломки разрушенных зданий, а в дырах между валунами прятались камнееды, головоноги и прочая мерзость. Высоко над головой Плут услышал хриплое карканье белого ворона, мелькнувшего на фоне грязного, пыльного неба.

Самое главное — не поддаваться панике. Нужно успокоиться. Он хорошо помнил, чему его учили. Он же Библиотечный Рыцарь, в конце концов! Один из лучших учеников Варис Лодд! Он выживет! Он обязан остаться в живых! Варис и в голову не придет, что может быть иначе!

Прежде всего нужно было проверить, не ранен ли он. Плут осторожно ощупал голову, шею, ребра... Грудь придавило камнем, и поэтому трудно было дышать. Побагровев от натуги, Плут сдвинул тяжелый камень, и тот провалился в пустоту.

Замерев от ужаса, Плут посмотрел в зияющий черный провал. Он лежал на самом краю пропасти, а камень с грохотом катился вниз, задевая о выступы отвесной стены, каждый его удар отзывался глухим эхом. Потом из глубины каньона послышался вой и воздух зазвенел от зловещих голосов.

Плут поднялся и отступил подальше от края. Какие бы твари ни обитали на дне этой чудовищной расселины, они были разбужены падением камня.

Завывания усиливались, и Плуту показалось, что кто-то, царапая камни, приближается к нему. Он повернулся и торопливо, оскальзываясь и падая, стал пробираться между завалами. В воздухе клубились тучи пыли — было нечем дышать. Внутренний голос говорил ему: «Ищи место, где можно спрятаться».

Плут перелез через угловатый камень, поцарапав ладони и ободрал колени. Куда ни глянь, повсюду громоздились гигантские обломки зданий: полуразбитые арки, обрушившиеся стены, накренившиеся под опасным углом столбы и колонны, упавшие кровельные балки. На фоне иссиня-черного неба руины напоминали ребра громадного скелета.

Горячая волна воздуха окатила раскаленные камни со свистом, похожим на гнилостное дыхание беззубой старухи гоблинши. Солнце, еле проглядывавшее из-за туч, закатывалось за горизонт, небо темнело, но жара не спадала. Плут вытер пот со лба. Было очень трудно дышать. Голова раскалывалась от боли, ныла каждая косточка, он боялся остановиться хоть на секунду, чтобы передохнуть.

Вой приближался, голоса слились в зловещий хор. Визг и рев, завывания и урчание неслись со всех сторон. Нужно было срочно где-то спрятаться.

Впереди Плут заметил каменистую осыпь и остов разрушенной арки. Под обломками виднелась узкая щель, можно было попробовать вползти в нее, надеясь, что там никто не живет. Плут проверил свою экипировку: фляга с водой, крюк для скалолазания, записная книжка, целебный бальзам, нож...

Разноголосый хор слышался совсем близко, душе-раздирающий рев смешивался с шуршанием склизкой кожи о гальку. Плут нервно сглотнул слюну. Началась охота!

Вытащив нож, Плут бросился к щели. Встав на колени, он просунул голову внутрь и прислушался. В пещере никого не было. В нос ему ударил сухой пыльный дух раздробленной породы.

Кровожадные создания завывали еще яростнее...

— Да помогут мне Земля и Небо! — пробормотал Плут, ныряя в свое убежище.

Внутри щель оказалась уже, и чем дальше он пробирался во тьме, тем больше смыкались стены.

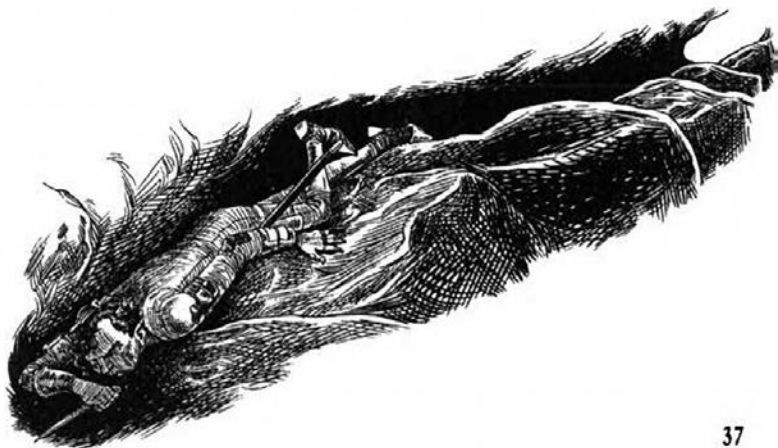

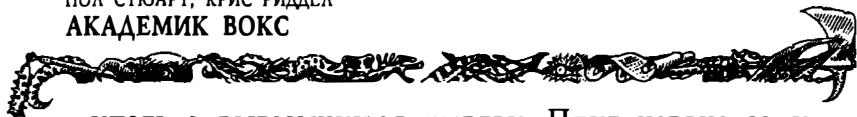
Вскоре Плуту пришлось двигаться ползком. Стены жали ему на ребра, полной грудью дышать было невозможно. От напряжения Плута била крупная дрожь, тело ломило, пот катился градом. Он чуть было не потерял надежду выбраться из гнусной щели.

— Еще чуть-чуть, — подстегивал он себя. — Еще капельку!

Но дальше путь преградили тяжелые глыбы. С невероятным усилием Плут развернулся, ободрал коленку и, забыв о резкой боли, попытался зарыться с головой, чтобы звери не учуяли его. Он пригребал к себе гравий, одежда его рвалась, пыль облепила потное лицо.

Не успел Плут спрятаться, как послышался топот и шарканье чьих-то ног: кто-то пытался влезть в щель. Плут замер. Шорох стал громче. Затем раздался каменный скрежет. То ли хобот, то ли коготь, то ли щупальце явно шарило внутри, пытаясь на-

щупать скрывающуюся жертву. Плут нервно закусил губу.

Шум прекратился, потом снова кто-то стал царапаться, и шорохи затихли. Издалека донесся глухой звук — какое-то крупное существо, тяжело топая и рыча от ярости, уходило прочь: добыча ускользнула от него. Яростный вой постепенно стихал, охотники за дичью переместились в другое место.

Убедившись, что опасность миновала, Плут начал потихоньку выползать из расселины, каждое движение давалось ему с трудом. У выхода он отодвинул валуны, набросанные его преследователем, и наконец оказался снаружи, в пыли с головы до ног. Смахнув едкую грязь с губ, он жадно вдохнул вечерний воздух и внимательно огляделся, готовый в любой момент нырнуть обратно в щель. Земля колыхнулась под ним, и от толчка поднялись тучи пыли.

«Пора уносить ноги», — мрачно подумал Плут.

За ним грозно нависала Сантафраксова скала, а перед ним врезались в небо башни северного района Нижнего Города. Справа и слева среди развалин торчали остовы зданий, похожие на деформированные скелеты. Каменные глыбы, наваленные как попало до самого горизонта, не позволяли нормально двигаться, разве что карабкаясь на четвереньках.

Плут хорошо помнил наставление: проверь каждый камень до того, как ты поставил на него ногу. Если соберешься прыгать, внимательно присмотришься, где ты сможешь приземлиться.

Взбираясь на первую грудку каменных обломков, Плут обливался потом и пыхтел, как загнанный шрайками живопыр после долгого патрулирования. Остановившись, чтобы распрямить спину, он увидел Северные башни, маячившие вдалеке. День клонился к вечеру, обещая малопривлекательную перспективу остаться на ночевку в Тайнограде. Плут с трудом сглотнул слюну.

Тут земля под ногами дрогнула, и мощный толчок свалил Плута с ног. Черная пыль закрыла закатное солнце, залепила глаза, забила рот. Съежившись, Плут ждал прекращения толчков.

Мало-помалу крошево, витавшее вокруг, осело. Во влажном, разгоряченном воздухе еще кружились облака пыли, но ураган миновал. Плут поднялся на ноги, коленки у него плясали.

Рядом с ним обнаружилась искореженная статуя одного из крупных ремесленников Нижнего Города: фигура стояла, накренившись под тупым углом, отбитый у запястья обрубок руки был направлен в небо. В развалинах лежал массивный кусок скалы, напоминающий сжатый кулак. Плут поднял глаза. Большая Санктафраксова скала, опутанная строительными лесами-подпорками, походила на изъеденное червями дубояблоко.

Плут совсем собрался двинуться дальше, но остановился, похолодев от горя.

— Нет! — воскликнул он. — Этого не может быть!

Только от правды никуда не денешься. В десяти шагах на земле валялся его «Буревестник». Мачта, сломанная пополам, обуглилась и почернела, паруса изодраны в клочья... Обрывок крепежного каната... А нос, нос небохода... Плут дотронулся до деревянного корпуса, и его худшие опасения подтвердились. Шея «Буревестника» была сломана пополам. На шесте гладкой древесины торчали острые щепки, а гордая голова, освещенная лучами заходящего солнца, болталась сбоку, еле держась на редких тоненьких волокнах.

У Плута комок застрял в горле. Паруса можно было бы заменить, канаты тоже. Даже мачту новую можно было бы поставить... Но шею починить невоз-

можно... Если у корабля сломан ростр, судно утрачивает свой боевой дух. «Буревестник» не сможет больше летать.

Плут опустился на колени. Он бережно приподнял деревянную голову птицы и крепко обнял свой искалеченный небоход. В памяти у него всколыхнулись дни, проведенные на Вольной Пустоши. Ему вспомнился лесной тролль, резчик по дереву Окли Граффбарк, который помог ему найти фигуру буревестника — его «Буревестника», скрывавшегося в бревне, потом долгий процесс изготовления лака для покрытия корпуса в Садах Света, установка парусов и такелажа... Мало-помалу ему удалось самому изваять эту птицу и научиться летать на ней...

— Я выточил тебя из дерева, — прошептал Плут сдавленным голосом. — Я дал тебе имя. Мы вместе бороздили небо — ты и я. — Он всхлипнул. — Прощай, мой друг. — Грудь у Плута сдавило, будто каменной плитой. — Прощай, «Буревестник».

Плут понимал, что душа покинула его гордую птицу. С тяжелым сердцем он поднялся и пошел прочь. Назад он не оглянулся.

Плут, выбиваясь из сил, медленно брел вперед. С каждым шагом ему становилось все труднее дышать, воспаленная слизистая оболочка во рту, кажется, уподобилась тем буграм и рытвинам, по которым он пробирался. Снова и снова ему приходилось преодолевать глубокие воронки среди нагромождения неровных глыб: он то спускался в каменистые ямы, то поднимался на гребень разлома и каждый раз, взлезая на новую кручу, надеялся, что башни Нижнего Города станут ближе.

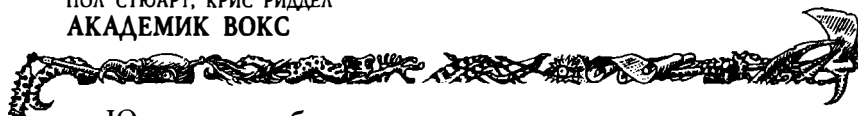
Однако башни не приближались ни на пядь. Кроме того, темнело, и это было хуже всего.

«Только не теряй головы! — говорил Плут себе. — В Тайнограде можно выжить, даже оставшись здесь на ночь. Главное правило тренировок — это спокойствие. Да помогут мне Земля и Небо!» Очередной грозный рев, эхом пронесшийся над каменной пустыней, возвестил: ночные жители Тайнограда отправлялись на охоту.

Плут достал флягу и, приложив горлышко к губам, вспомнил, что она давно пуста.

«Дурак!» — обозвал он сам себя. Варис была бы им недовольна, если б узнала, как нелепо он распорядился своими скудными запасами. Плут с огорчением покачал головой. Быть может, ему удастся обнаружить какой-нибудь источник и наполнить сосуд... А до тех пор...

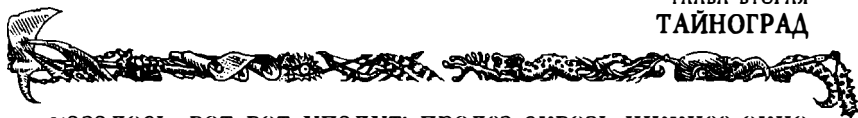
Юноша подобрал круглую гладкую гальку и сунул ее в рот. Он думал, что от камешка рот наполнится слюной и она освежит воспаленное горло. Но фокус не удался. Плут с отвращением выплюнул липкий камешек и отправился дальше. Безумная жажда мучила его, и он не знал, как ее утолить.

Было нестерпимо жарко. И душно. Плут вытер пот со лба и слизнул соленые капельки с пальцев. От этого еще больше захотелось пить.

Он знал, что в Тайнограде должна быть вода. Необходимо лишь найти источник. Наверняка под землей еще остались колодцы, влага где-то копится, и нужно обнаружить уровень грунтовых вод. Это не так сложно, основные приметы: мох, трава, чахлые низкорослые кустики, чьи корни, проникшие в водоносный горизонт сквозь трещины, были бы верным знаком того, что здесь течет подземная река, куда чудища Тайнограда ходят на водопой.

С усилием двигаясь вперед, Плут все явственнее слышал разноголосые крики ночных существ, их подхватывало гулкое эхо в духоте надвигающихся сумерек. Он миновал покосившуюся башню. Ее прекрасный купол был разбит, и одного сегмента недоставало, будто какой-то великан откусил кусок колоссального размера. Краем глаза Плут заметил, что кто-то шевельнулся слева от него и уполз в темноту. Плут поспешил дальше.

Он миновал упавшие колонны временного навесного моста, прошел под полуразвалившимся виадуком, быки и сваи которого, стоявшие в два ряда,

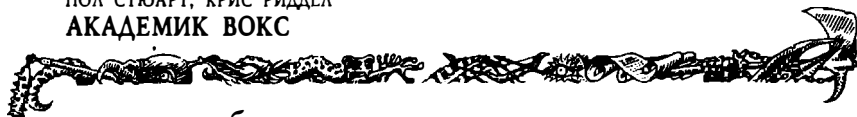

казалось, вот-вот упадут; пролез сквозь нижнее окно высокого шаткого дома, от которого остался лишь фасад, и попал на террасу из вздыбленных серых плит — когда-то из них была сложена кровля, теперь же они образовывали шаткий пол. Стоило поскользнуться — и он провалился бы в разверстую яму, открывшую свою жадную пасть, чтобы поглотить его навсегда. Если он упадет, никто не будет его искать, и только мусорщики, быть может, наткнутся когда-нибудь на его кости.

Башни Нижнего Города маячили перед ним теперь уже на фоне сумеречного неба. Пыхтя от напряжения, Плут, весь в ссадинах и синяках, оскальзывался и падал, обдирая коленки. Он думал, что дела обстоят хуже некуда, но горько ошибался. На сей раз Плут действительно попал в переплет. Что-то зашевелилось рядом с ним, и он понял, что в Тайнограде можно ожидать чего угодно.

Нечто лежало на плоской плите: ярко-синее, покрытое всклокоченным мехом. Плут медленно двинулся вперед, от страха в висках у него стучало. По

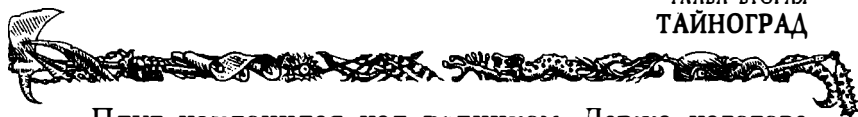
тонкому хоботку с клювиком на конце и загнутым коготкам юноша сообразил, кто это.

— Лемкин! — ахнул он, перевернув разорванное тельце кончиком сапога.

Из пустых глазниц и открытого рта мертвого животного посыпался мелкий песок. Плут отвернулся, и случайно взгляд его упал на пятнышко серо-зеленого мха, растущего на скале. Вода должна быть где-то рядом! Быть может, бедный лемкин пришел сюда на водопой и погиб, не сумев добраться до источника. Плут вытащил меч и настороженно вгляделся во тьму.

Слева от себя он услышал тихое журчание. Вода! Он слышал шум воды! Наверно, здесь был природный источник или разорвавшаяся водопроводная труба. Плут поспешил в том направлении, откуда раздавался плеск. Рот у него пересох от жажды, голова шла кругом. Мысль о прохладной, освежающей влаге притупила чувство опасности.

Он перелез через округлый валун, похожий на пасущегося ежеобраза. Рядом, вырываясь наружу меж двух поросших мхом серых камней, тек еле заметный ручеек: ненадолго показывался над поверхностью и снова прятался в землю. Растоптанные грязные лужи вокруг источника как бы подтверждали, что жители Тайнограда приходили сюда на водопой — и хищники, и их жертвы. Плут только что видел трупик бедного лемкина, и у юноши не было ни малейшего желания повторить его печальную судьбу.

Плут наклонился над родником. Держа наготове меч, он сложил горстью ладошки и зачерпнул воды — и раз, и другой, и третий...

Никогда в жизни вода не казалась ему такой вкусной!

Утолив жажду, Плут отвинтил крышку своей фляги и опустил ее в источник. Он посмотрел на булькающие пузырьки воздуха, пока фляга наполнялась чистой, свежей водой, затем тревожно огляделся.

«Что это там мелькает во тьме? — подумал он, и сердце у него ушло в пятки. — И откуда такой мерзкий запах? Удушливый, едкий... Надо поторопиться...»

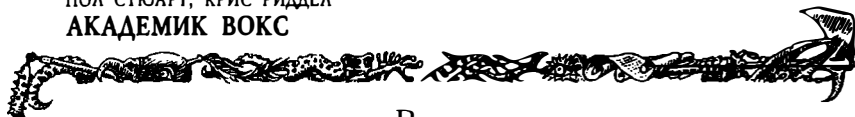
Плут уже собрался привязать флягу к поясу, как вдруг услышал странный шум позади. Кто-то, мягко ступая, подбирался к нему. Отвратительный запах ударил в нос.

Плут схватился за меч. Но поначалу никого не увидел, только камни и тени.

Юноша пытался убедить себя, что сзади никого нет. Что это игра больного воображения.

Он напрасно успокаивал нервы: в следующую секунду что-то блеснуло во мраке. Щупальце, влажное, прозрачное щупальце высунулось из щели и извиваясь шарило по поверхности камня. Пока Плут в оцепенении наблюдал за ним, из трещины высунулось второе щупальце. Присосавшись к плите, кто-то

пытался подтянуться. В тот же миг из щели показалась блестящая влажная голова желеподобного существа. Существо протиснулось сквозь отверстие, вытекая из щели как струйка тильдячьего жира из расколотого бочонка.

— Земля и Небо! — воскликнул Плут, отступая назад.

С хлюпаньем склизкое тело желеобразной твари выползло из щели целиком. Колыхаясь и подрагивая, бесформенная масса стала приобретать свои первоначальные контуры. К горлу у Плути подступила тошнота. Он узнал эту тварь: три выступа на лбу с кулак величиной, где прятались мерцающие во тьме глаза, скользкая прозрачная шкура, под которой видны пульсирующие вены, осторожные щупальца, болтающаяся складка с фестонами на брюхе, массивное тело, подрагивающее от предвкушения плотного обеда...

— Камнеед! — прошептал Плут.

Он много читал об этих тварях, и всегда описание этих монстров вызывало чувство тошноты. И теперь, когда он увидел склизкую прозрачную тварь воочию, его едва не вывернуло наизнанку.

С громким чвяканьем камнеед переползал через глыбу. Его сверкающие круглые глаза буравили тьму. Плут отступил еще на шаг. Чудовище уцепилось за край плиты, хлопнуло складкой с фестончиками на брюхе и легко встало на ноги, как будто вес для него ничего не значил. Тварь, содрогаясь, пульсировала при каждом шаге, делая вдохи и выдохи, похожие на мычание, — раз-два, раз-два, — она шум-

но всасывала и выпускала из себя воздух, горячий, как жар доменной печи.

Плут опять отступил. Тварь подошла ближе. Ее явно мучила жажда. И тут Плут вспомнил, что камнееды всегда страдают от жажды, но им не нужна пресная вода. Они напиваются свой организм влагой, высасывая кровь из своей жертвы — все, до последней капельки. Им все равно, какая добыча попадется им в лапы: лемкин или Библиотечный Рыцарь.

Плут сделал еще шаг назад и уперся в стену. Он попался. Перед ним колыхалась хлюпающая туша. Туда-сюда, туда-сюда. Горячий воздух обжигал лицо, дышать было нечем. От зловония Плут заткнул нос.

Продолжая пульсировать всем телом, чудище отклонилося, и взору юноши открылось огромное отверстие посреди подрагивающего брюха. Онемев от ужаса,

Плут смотрел, как оно расширялось. Из дыры вырвались веерообразные ярко-розовые щупальца с присосками и, извиваясь, как змеи, заплесали в обжигающем воздухе.

Плут побелел как полотно. Что он мог сделать?

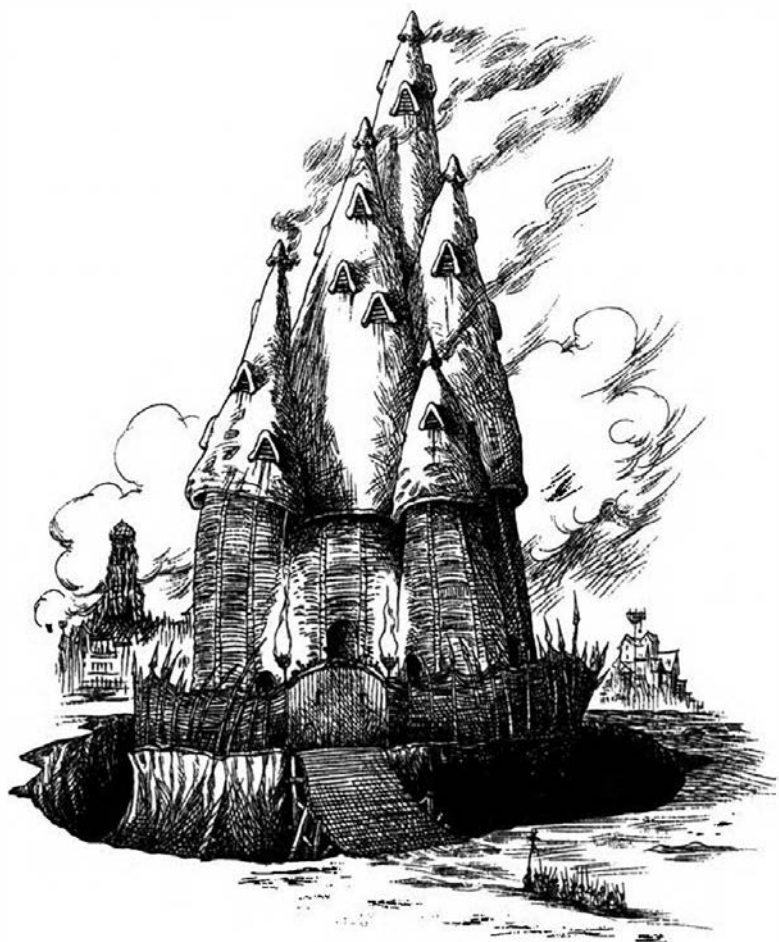
Как кучка ядовитых поганок, выросших на лужайке зловещего Нижнего Города, поблескивали похожие на улы башни: штаб генерала Титтага и его сподвижников — молотоголовых гоблинов. Фонари были зажжены, и внутри башен тоже горел свет. Тусклый, мерцающий огонь пробивался сквозь крохотные окна в стенах и конической формы крышах. Полыхали факелы, прикрепленные к опорам Врат Отчаяния, заслуживших дурную славу. Отвратительный запах горящего жира смешивался с общим зловонием — отовсюду несло плесенью, затхлостью и нечистотами.

Внутри этого мрачного сооружения располагался просторный, по-спартански обставленный зал. В центре его жарко пылал костер, сложенный из поленьев вонючего дерева, любимого топлива гоблинов. От неистовых всполохов в зале было жарко, от головней валил удушливый дым. Над жаровней висели клочущие котелки с каким-то варевом, вокруг которых сновали рабы-кучкогномы, прикованные длинными цепями к полу. Винтовые лестницы по внешним стенам соединяли башенные площадки на разных этажах, внутренних стен в Ульеподобных Башнях не было.

Повсюду все бурлило, кишели молотоголовые гоблины, буйные и громкоголосые, каждую секунду го-

товые затеять драку. Даже спящие в гамаках, подвешенных к стропилам, громко сопели, храпели и неистово бранились во сне.

Кто-то стоял в карауле, охраняя ворота, другие что-то жевали, устроившись в тихом углу, третьи,

усевшись на деревянные скамьи, чистили мундиры, чинили сапоги, смывали кровь с мечей и точили лезвия смертоносных боевых кос.

Когда худосочная рабыня из рода кучкогномов пробегала мимо с кружкой молока в руке, какой-то татуированный верзила с кольцом в носу подставил ей подножку. Рабыня споткнулась и упала ничком, уткнувшись носом в гнилую, затхлую солому. Кружка разбилась, и молоко ежеобраза растеклось по полу.

— Вылижи языком, вонючая дрянь! — рывкнул молотоголовый гoblin.

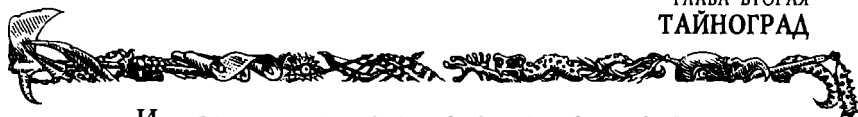
Снаружи, у стен башни, толпилось около десятка гоблинов, затеявших шуточную борьбу: их массивные тела были испещрены рубцами и шрамами, гоблины были увешаны оружием с головы до ног. Дрались они так свирепо, что сражение походило на настоящую бойню.

Только что вернувшийся батальон гоблинов-охранников протопал по лестнице к забитому до отказа арсеналу с солидными запасами трофейного оружия. Их торжествующие вопли огласили зал.

— Пусть это послужит им уроком! — гаркнул один из стражей. — Разве могут ублюдки из Нижнего Города тягаться с нами? О чем они думают, производя оружие у нас под носом?

Его сосед хмыкнул:

— А ты слышал, как визжал мастер с оружейного завода, когда мы его повязали? Ну прямо как резаная свинья!

— И кровящи с него натекло как из свиньи, — подхватил третий гоблин.

— Впрочем, трофейное оружие может нам пригодиться, — пробурчал первый гоблин, указав на охапку боевых кос, мечей, булав и арбалетов. — Говорят, ожидается пополнение из Гоблинова Гнезда.

Поднимавшиеся следом гоблины презрительно ухмыльнулись.

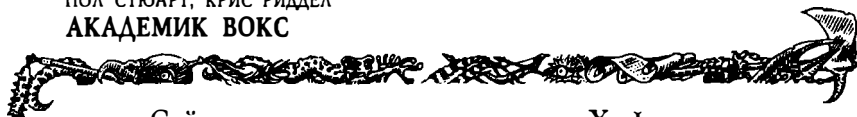
— Из Гоблинова Гнезда? — гоготнув, переспросил кто-то из них и смачно плюнул в лестничный пролет.

— Да они все мягкотелые недоумки, — отметил другой, — деревенщина. Живут на отшибе, как эти придурки с Вольной Пустоши.

Каждый уважающий себя молотоголовый гоблин гордился своей свободой и независимостью. С саблей на боку и заплечным вещмешком гоблин легко снимался с места, готовый к походу. По крайней мере, так было раньше. Некоторое время тому назад гоблины, соблазнившись оседлым образом жизни, основали постоянные поселения в Гоблиновом Гнезде: стали купцами, охотниками, а кое-кто даже занялся земледелием!

— Ничего, генерал Титтаг быстро построит всех по струнке! — раздался чей-то голос с верхней площадки, и веселая братия, предвкушая прибытие новобранцев, радостно загоготала. Гулкое эхо, отразившись от башенных стен, повторило их смех.

Генерал Титтаг не слышал ни хриплого хохота, ни топота сапог, чем солдаты высказали свое одобрение. На открытой площадке второго этажа он с пристрастием допрашивал пленного.

— Сейчас ты мне все расскажешь, Хафнот, — хриплым голосом прошипел генерал, так крепко дернув за волосы бедного дрыготролля, что у того захрустели шейные позвонки. — Иначе тебя ждет вот это, даю тебе честное слово. — Титтаг вытащил длинную ржавую булавку из лацкана своего кожаного френча и приблизил ее к лицу перепуганного насмерть дрыготролля.

— Да я... Я ничего... Я ничего не знаю... — пробормотал пленник, звеня цепями. — Совсем ничего. Клянусь. Я мальчик на побегушках и только исполняю приказы тех, у кого в подчинении...

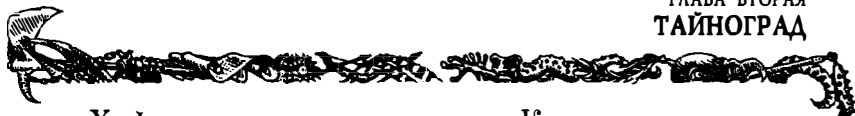
— Так-так-так, — поцокал языком генерал, качая головой. Он легко процарапал острием булавки толстый нос дрыготролля. — Ты меня разочаровал, Хафнот. Глубоко разочаровал. — Голос генерала приобрел железные нотки. — И мне это не нравится.

— Поверьте мне, я говорю чистую правду, — умоляюще произнес дрыготролля.

— Когда ты действительно будешь говорить правду, быть может, я тебе и поверю, Хафнот, — сказал генерал. Он обернулся и внимательным взглядом изучил три маленькие баночки, поставленные в ряд на ящике. Выбрав одну из них наугад, генерал откупорил крышку и понюхал густую оранжевую жидкость. — Интересно, как она действует?

Широко раскрыв глаза и дрожа всем телом, Хафнот наблюдал, как генерал погружает булавку в сосуд. Когда булавка была извлечена из банки, на острие застыла крохотная капелька оранжевой смеси.

— Дай сюда руку! — скомандовал генерал.

Хафнот подчинился приказу. Кандалы, сковывав-шие запястье, зазвенели. Генерал схватил пленника за руку и, вогнав булавку ему под кожу, отступил на шаг — посмотреть, что будет дальше.

От укола сразу же началось жжение, и бедняга беспомощно смотрел, как рука распухает все сильнее и сильнее.

— Интересно, — подытожил генерал. — Прости меня, Хафнот, но ты, кажется, сказал, что в этих баночках косметические средства для шраек. Бальзам для перьев, блеск для клювов, крем для лап... — Он ткнул пальцем в раздувшуюся руку. — Пожалуй, это скорее похоже на яд...

Лицо Хафнота исказилось от боли.

— Я... Я ничего не знаю... Она мне сказала...

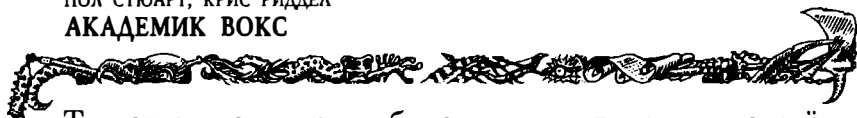
— Она — это кто? — грозно спросил генерал.

Молотоголовые гоблины, заполнявшие верхние и нижние площадки, разом замолчали, обернувшись на крик: громовый голос генерала перекрывал шум толпы.

— Я... я не знаю ее имени... — прошептал Хафнот.

Не говоря ни слова, генерал схватил вторую баночку, вытащил пробку и окунул булавку в раствор. На этот раз после укола кожа дрыготно покрывалась красными пятнами от плеча до кончиков пальцев. Через секунду сыпь превратилась в маленькие гноящиеся волдыри.

Титтаг снова опустил булавку в жидкость и на сей раз поднес ее к лицу Хафнота.

— Гестера, — выпалил тот. — Гестера Кривошип.

— Так я и знал, — торжествующе заревел генерал. — Гестера Кривошип! — Он со вкусом повторял ее имя. — Гестера Кривошип! Старая ведьма, которая прислуживает этому выжившему из ума паралитику, Воксу Верликсу!

Генерал обернулся и призвал к себе кого-то из молотоголовых стражей, — тот, расположившись на деревянной скамье, закалял над огнем железные болты своего арбалета.

— Эй, Головня, — гаркнул генерал, —ставляю тебе бочонок древесного грога! Этот малый подослан сюда из Дворца Статуй!

Молотоголовый боец ухмыльнулся беззубым ртом.

— Рад служить, сэр, — отозвался он.

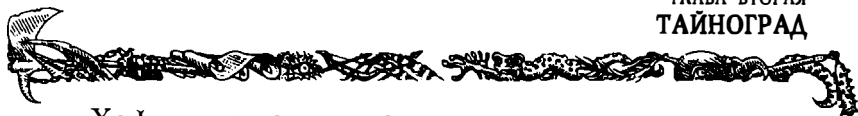
Генерал повернулся к Хафноту. Легкая улыбка заиграла на его тонких губах, обнажив редкие гнилые зубы.

— Похоже, с тобой я напал на золотую жилу, — хмыкнул он.

— Я ничегошеньки не знаю, честное слово. Я ее раб. Я делаю то, что мне велят, — хныкал дрыготроль. — Мне приказали отнести баночки шрайкам, а взамен получить флакон и доставить его обратно.

Генерала передернуло.

— Когда-нибудь я им всем сверну шею. Они свое получают... — Он поднял горящие глаза и уставился на пленника. — А что было во флаконе?

Хафнот пожал плечами:

— Откуда мне знать? Ваша стража схватила меня до того, как я...

Генерал сплюнул.

— Нет сомнений, это связано с Воксом Верликсом, — заревел он. — Я давно хочу нанести визит этой жирной туше. — Он пробежал пальцами по лезвию своего ножа. — Надо кончать с ним. Пора показать ему, кто истинный хозяин Нижнего Города. — Генерал нахмурился. — Если бы я только мог пробраться во дворец, в эту чертову крысоловку!

Титтаг замолчал и, насупившись, глянул на Хафнота.

— Постой-ка! — Зловещая улыбка заиграла на его тонких губах. — Ты говоришь, что ты раб Гестеры. Значит, ты отлично знаешь все входы и выходы во дворце Вокса. Тебе известно, где расставлены капканы и как избежать их. Если, например, — он хитро взглянул на несчастного дрыготролля, — какой-нибудь гоблин захочет нанести неожиданный визит так называемому Верховному Академику, как ему попасть в его личные покои?

— Неожиданный визит? — дрожа, переспросил дрыготролля. — В личные покои? Я... Я всего лишь кухонный раб...

Генерал взял третью баночку и вытащил пробку. В воздухе запахло чем-то едким: разило гнилью перезревшей дубосмакли и несло киселью тильдячьего молока. Дрыготролля стал белым как простыня, когда генерал погрузил булавку в черную жижу.

Трижды взболтнув баночку, он подошел к пленнику и стал размахивать дымящейся булавкой в нескольких дюймах от его носа.

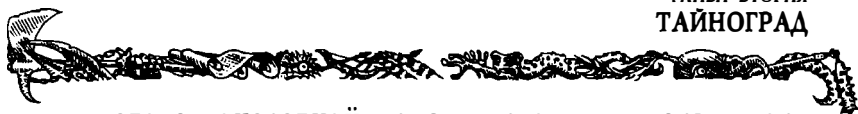
— Нет, нет! — завопил Хафнот. — Только не это! Умоляю вас! Ну пожалуйста, не надо! Я все скажу. Все — от начала и до конца.

Взмахнув мечом, Плут принялся хлестать желеподобного монстра, который возвышался над ним, широко разинув пасть с извивающимися, как змеи, присосками. Усилия были тщетны. Складка с оборками на брюхе чудовища задрожала, и камнеед, напав на свою жертву, проглотил Плута целиком. Ощущение было такое, будто его окунули в кипящую смолу.

Плут даже крикнуть не успел. Он едва дышал. Щупальца присосались к его лицу, опутали руки и ноги. Юноша пытался сопротивляться и не мог даже пошевелиться. Меч вывернуло из его слабеющих пальцев... Скоро сердце перестанет биться и присоски сделают свое гнусное дело. Камнеед высосет из него всю кровь, и он станет похож на подвешенную на крюке тушу ежеобраза.

Плут беспомощно озирался, глядя сквозь желейную плоть душащего его чудовища. Он с трудом различил башни Нижнего Города. Острый приступ отчаяния охватил его: башни казались еще дальше, чем прежде...

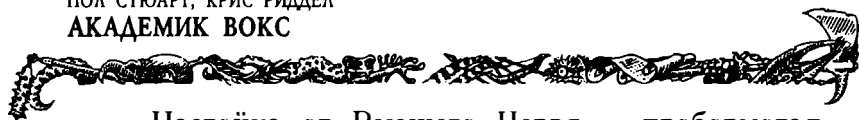
Вдруг раздалось шипение, камнеед затрясся, и рот его раскрылся от невольного спазма. Чудовище выплюнуло Плута с такой силой, что тот, вылетев из пасти, плюхнулся на гальку около ручейка. Затем

последовал очередной приступ рвоты, и тварь в корчах извергла из себя какой-то круглый кожаный предмет, который чуть не ударил юношу по голове. Плут посмотрел на землю. Рядом с ним лежала его фляга, в ней не было ни капли.

В ту же минуту камнеед, испустив душераздирающий вопль, посинел, затем покраснел, из глаз у него с пронзительным свистом потекли струйки пара. Прозрачное тело запузырилось и забулькало, как кипящая вода в огромном котле. Из пасти задыхающегося монстра выскочил стеклянный пузырек и разбился о камни.

— Настойка от Реющего Червя, — пробормотал Плут.

В походную аптечку Библиотечных Рыцарей обязательно помещали противоядие от укусов Реющего Червя, печально известного хищника из Дремучих Лесов. В Нижнем Городе эти твари практически не водились, и все же маленький флакончик считался здесь чем-то вроде оберега. Средство от укусов Реющего Червя, снимающее боль и воспаление, оказало смертельным для камнееда.

Испутив последний вздох, монстр плюхнулся на землю. Он испарялся, теряя свой облик, и вскоре от чудовища не осталось ничего, кроме тонкой сухой шкурки с мечом Плута, воткнутым посередине.

Плут вскочил и подошел к плоскому камню, на котором валялись останки камнееда. На жарком влажном воздухе от монстра не осталось ничего, кроме пригоршни пыли. Плут отвернулся, пошел прочь, но что-то привлекло его внимание, и он остановился.

Не что-то, а кто-то вырисовывался перед ним на фоне темнеющего неба. Плут рухнул на колени. Он ушел от погони, оставшись целым и невредимым, выжил, чуть не погибнув от жажды, спасся, когда его живьем проглотил камнеед, и теперь его снова загоняли в угол?

— Я больше не могу, — пролепетал он. — Сдаюсь...

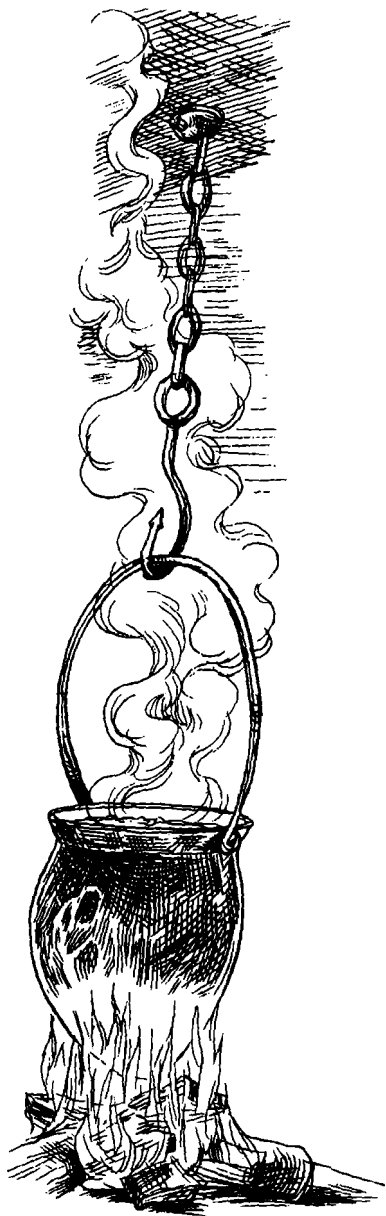
Перед ним возникла фигура с протянутой рукой.

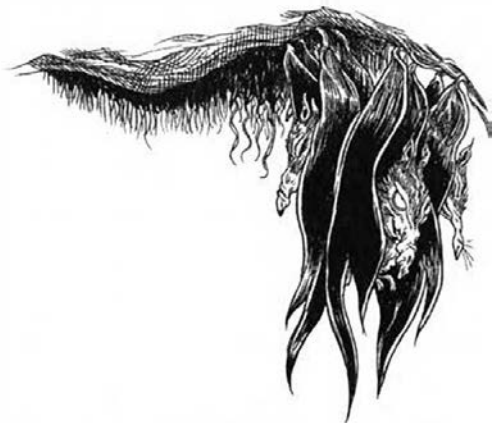
— Хорошо, что Варис этого не слышит, — раздался знакомый голос.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ПРОВАЛИВШИЙСЯ ДВОРЕЦ

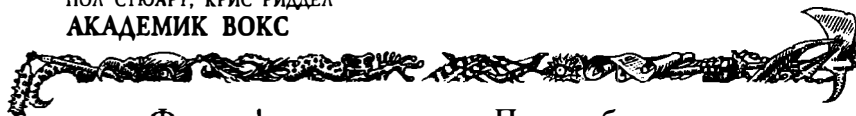
Плут не мог поверить своим ушам. Он узнал голос! Прикрывая глаза ладонью, юноша украдкой посмотрел на говорящего. Всклопоченный белокурый чуб, вздернутый нос, брови дугой и ярко-синие глаза.

— Феликс? — пробормотал Плут. — Ты? Не может быть...

Перед ним, в полном великолепии боевых доспехов — кольчуги из отбеленных костяных пластин и серых панталон из шкуры головонога, — стоял его друг Феликс Лодд.

К поясу у него были прикреплены кожаные патронташи и мотки кожаных ремней. На боку висел острый зазубренный нож, а рядом с ним зачехленный серой тканью увесистый арбалет. В мышино-пепельном мраке Тайнограда высокая фигура со светлыми волосами, облаченная в белесые одежды, казалась призрачной.

— Наверно, я похож на привидение, — засмеялся Феликс, будто прочел мысли Плута. — Однако я, мой друг, вполне реален.

— Феликс! — воскликнул Плут, обнимая товарища. — А я думал, ты давно погиб. Мы все так считали. Даже Варис. Она сказала, что никто не может выжить в Тайнограде.

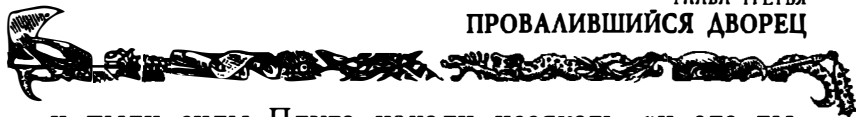
— Мне, конечно, неприятно разочаровывать свою сестру и вас всех, ученых библиотекарей, — ответил Феликс с улыбкой, — но в Тайнограде можно жить, конечно, если ты не будешь подолгу болтать с подружками у колодца, как две старухи прачки, затеявшие стирку. — Он подмигнул Плуту. — Ну, пошли отсюда, мой дорогой друг. Сегодня я приглашаю тебя на ужин в Провалившийся Дворец.

Плут, карабкаясь по валунам, поспешил за ним.

— Подожди меня, Феликс, — задыхаясь, крикнул он. — Не так быстро!

Ночь приближалась, тени растворялись во мраке, сливаясь с черной мглой, а Феликс уверенно прокладывал путь, хорошо ориентируясь на местности, заваленной горами камней. Плут старался не отставать, насколько позволяла ему сноровка, хотя и спотыкался, и падал, задерживая своего друга. Когда Плут безнадежно отставал от Феликса, тот, снисходительно улыбаясь, терпеливо дожидался его, облокотившись о валун или небрежно опершись о поверженную колонну. Переход был тяжелым: от жары

и пыли силы Плута начали иссякать, он еле дышал.

— Сейчас нас уже много, — пояснил Феликс, когда Плут нагнал его в очередной раз. — И мы не раболепствуем ни перед кем, будь то шрайки, Стражи Ночи или гоблины. — Он улыбнулся. — Мы называем себя Духами Тайнограда.

— Теперь мне понятно почему, — пробормотал Плут, еле переводя дух. — Чем же вы занимаетесь в этом ужасном месте?

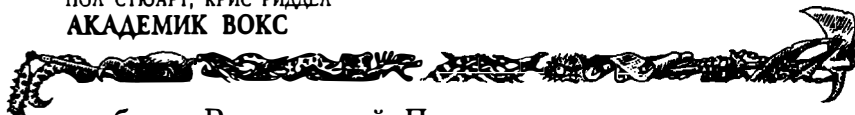
— Охотимся на головоногов, — со смехом отвечал Феликс. — И прочее.

— Что, например? — настаивал Плут, в изнеможении тащась за ним.

— Ну, — поразмыслив, откликнулся Феликс, — иногда мы, Духи Тайнограда, совершаем рейды, чтобы освободить несчастных бедняков из Санктафраксова Леса. Мы приводим их в Нижний Город к Библиотечным Ученым, и те помогают переправить их на Вольную Пустошь. Иногда, чтобы пощекотать нервы, я сижу в засаде, отслеживая патруль Стражей Ночи. А все остальное время охочусь или ставлю капканы. Мне все равно, на какого зверя идти — на диких лемкинов, прячущихся в руинах Тайнограда, или на головоногов, обитающих в канализационных трубах. — Сделав паузу, Феликс оглянулся. — Поосторожнее, Плут. Дорога здесь не очень надежная...

Плут мрачно кивнул. Он старался не вешать носа.

Они нырнули в глубокую расселину и оказались рядом с треснувшей рифленой колонной, лежавшей

на боку. Рядом с ней Плут увидел покосившуюся статую, обрубком руки она указывала в небо.

— Я знаю эту статую, — разочарованно выпалил Плут. — Значит, все время мы шли в обратную сторону и вернулись туда, откуда я начинал путь?

Феликс не ответил. Пройдя еще немного, он плечом отодвинул массивную глыбу и указал своему товарищу на узкий тоннель, открывшийся за нею.

— Нам туда, — сказал он.

Плут шагнул за Феликсом и подождал у входа в темный лаз, пока Феликс не вернул глыбу на место.

— Я поведу тебя, — прошептал Феликс. — Положи руку мне на плечо.

Плут подчинился приказу и, шаркая ногами, осторожно двинулся следом. Почва была неровной, и тоннель круто спускался вниз. Цепляясь за Феликса, Плут еле удерживался на ногах, тем не менее они двигались вперед. Стало прохладнее, а влажный воздух был пропитан отвратительными ядовитыми испарениями, и вонь усиливалась с каждым шагом. Если бы Плут был один, он бы непременно повернул обратно, но с Феликсом — в первый раз с момента крушения — он чувствовал себя в безопасности.

Под ногами Плут нащупал твердый гребень, похожий на звездный камень. Тут Феликс вдруг оторвался от Плута, и рука того провалилась в пустоту.

— Ты что, испугался? — слышался голос Феликса.

Плут почувствовал прикосновение руки друга, с благодарностью схватил ее и, робея, шагнул вниз. Даль-

ше была еще ступенька, за ней — еще... Потом длинный переход под завалы. Омерзительный запах стал нестерпимым.

— Какая чудовищная вонь! — прошептал Плут. — Что это?

— Гнездо птицекрысов, — шепотом отозвался Феликс. — И поверь мне, это еще самый приятный аромат в Тайнограде.

Плут прислушался к писклявым крикам над головой, и, когда поднял глаза, ему показалось, что стены и потолок ходят ходуном. Там гнездились сотни, тысячи гнусных существ.

— В каждом приличном доме обязательно должно быть гнездо птицекрысов, — сказал Феликс, и от звука его голоса тучи этой нечисти подняли тревожный гомон. — Если кто-нибудь из малоприятных аборигенов соберется нанести нам визит, птицекрысы обязательно предупредят нас.

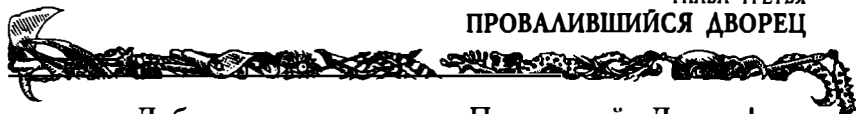

Ступеньки кончились. В полной темноте они теперь шли по какому-то древнему коридору. Феликс впереди, а Плут все так же семенил вслед за ним.

Вскоре они оказались рядом с занавесом из толстой звериной шкуры. Когда полог был отодвинут, за ним открылась резная поперечная балка, венчавшая дверной проем. Плут заглянул внутрь и ахнул.

Он стоял у входа в огромный зал. Широко раскрыв глаза от изумления, он прошел внутрь вслед за Феликсом. Несмотря на грязные стены и почерневшие от копоти перекрытия, зал сохранил былое величие. Мраморные колонны подпирали высокий сводчатый потолок, с которого свешивались старинные лампы, а на полу была выложена мозаика. Явно это здание когда-то принадлежало какому-то значительному лицу: или богатому купцу, или влиятельному члену Лиги.

Стены повсеместно были украшены дублеными шкурами головоногов, на загнутых вверх крюках было развешено охотничье оружие: кривые сабли, ятаганы, длинные тонкие копья и дротики, тяжелые ловильные сети, унизанные кольцеобразными грузилами. В одном углу были собраны охотничьи трофеи: бивни, рога, черепа и шкуры. В другом находилась ниша, и в ней, на высокой платформе, стоял древний резной чан, над ним горел мигающий факел. Плут подумал, что сосуд напоминает ему Купель Водгисса, вокруг которой лесные тролли собираются на празднества, только тот был выточен из камня, а не из дерева. И в этот резервуар из щели в скале тонкой *винтовой струйкой* текла кристально чистая родниковая вода.

— Добро пожаловать в Подземный Дворец! — произнес Феликс и сделал широкий жест. — Скромный дворец, я называю его домом. Ты, правда, вырос в канализации Нижнего Города, и любая халупа, где крыша не подтекает, покажется тебе раем.

Плут покачал головой.

— Поразительно! — пробормотал он.

Феликс хлопнул в ладоши.

— Ну, пошли, дорогой друг. Ты, должно быть, умираешь с голоду. Зачерпни ведро из бака, а я пока разведу огонь.

Плут радостно бросился исполнять просьбу. Он нашел котелок и опустил его в чан, наполнив до самых краев. Затем, держа котелок перед собой, пересек зал, неловко ступая по пыльным плитам и расплескивая воду, и подошел к кострищу, где когда-то горели тяжелые поленья.

Феликс стоял на коленях, разводя огонь. Он уже сложил костер из разрубленных балок, досок и обломков мебели и теперь развязывал кожаный мешочек у пояса. Потом извлек из мешочка кремь, железный стержень, горстку измельченной дубовой коры, моточек тильдячьей шерсти и разложил все эти предметы у очага.

Оторвав несколько оранжевых шерстинок от мотка, Феликс водрузил их на плоский камень. Поверх насыпал порошок из дубовой коры и, зажав кремь в одной руке и железный стержень в другой, стал высекать огонь. Ярко вспыхнула искра, и кора стала тлеть. Нагнувшись, Феликс подул. Сперва у

него ничего не получалось, затем повалил дым, горка коры вспыхнула со щелчком, и вверх взметнулось пламя.

— Самое главное — подсунуть огонь под дрова и ничего не нарушить, — пробормотал он, подвигая камень. Веточки и тонкие прутики сразу занялись. Феликсу удалось засунуть камень в самый центр, и костер разгорелся. — Вот так! — гордо улыбнулся он. — А где же вода?

— Вот, — ответил Плут, и они вдвоем подняли котелок и повесили на крюк.

Костер жарко пылал. Плуту было поручено подбрасывать в огонь дрова из поленицы у стены, а пока вода закипала, Феликс занялся приготовлением пищи. Что-то снял с крюков, что-то достал с полок и принялся колдовать над супом.

Сначала он крупно разрубил овощи, потом нарезал ломтиками и стал пригоршнями бросать крошево в котелок: корни и клубни, лесные луковицы и соевый чеснок, тонко измельченные черенки дубовых побегов, кору и зелень, дольки сочной болотной крыжалицы, которая росла по топким берегам Краевой Реки. Затем он разделал тушки трех зверьков: снежарика, скалистую ящерицу и еще кого-то, подозрительно напоминавшего пеструю крысу, — и, опалив мясо над огнем, бросил его в кипящий отвар, для густоты добавив горстку овса.

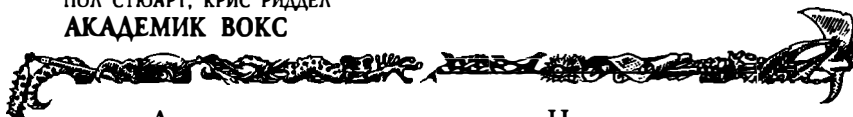
— И напоследок самое главное, — пробормотал Феликс себе под нос, отвязывая от пояса еще один мешочек. — Капельку приправы. — Он развязал ве-

ревку, стягивающую горловину мешочка, и запустил внутрь пятерню. — Чутьочку лесного перца, несколько штукеч сушеной колоколицы, щепотка пушистой полыни и... — он задумался, — молотые бродячие водоросли на кончике ножа...

— Нет, только не бродячие водоросли, — запротестовал Плут. — Ты же знаешь, я их ненавижу. Что сушеные, что соленые, что маринованные...

Феликс расхохотался:

— А мне они всегда нравились. Ну, если не хочешь, не надо.

Он выложил приправы — семена, листочки и горошинки — на камень и, растерев их рукоятью кинжала, опустил пахучую смесь в наваристый бульон. Дразнящий, пьянящий аромат немедленно распространился по залу, и у Плута, голодного и продрогшего, потекли слюнки.

Сосредоточенно хмурясь, Феликс ощупал свой пояс еще раз, открывая и завязывая мешочки. Плут заинтригованно смотрел на него.

— Куда же я его подевал? — пробормотал Феликс. — А-а-а, вот он где. — И, с торжеством вытащив штопор с костяной ручкой, Феликс потряс им в воздухе. — Давай, Плут, выпьем по бокалу доброго старого дубовина за нашу встречу!

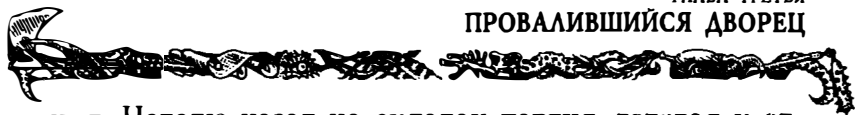
Он выхватил бутыль из плетеной корзины, кое-как смастеренной из прутьев летучего дерева, вытащил пробку и наполнил бокалы тягучим янтарным напитком.

— На, попробуй, — предложил он Плуту.

Плут поднес кубок к губам, глотнул и расплылся в блаженной улыбке. Сладкий фруктовый нектар обволокло ему нёбо, смочил пересохшую глотку. Живое тепло разлилось по всему телу. Плут снова глотнул, закрыв глаза от удовольствия.

— Чудесное вино! Никогда в жизни ничего подобного не пробовал!

— Еще бы! — усмехнулся Феликс. — Оно предназначалось для генерала Титтага. — Феликс хохот-

нул. Неделю назад на складах партия, готовая к отправке в Ульеподобные Башни, странным образом бесследно исчезла... — За Духов Тайнограда!

— За Духов Тайнограда! — подхватил Плут, залпом осушив бокал.

Было так здорово снова увидеть своего старого друга! У юноши кольнуло в груди при воспоминании о Церемонии Провозглашения, когда Феликсу дали понять, что ему никогда не суждено стать Библиотечным Рыцарем, в отличие от самого Плути. Он исчез сразу же, никому не сказав ни слова.

— Ты знаешь, они все скучают по тебе, — тихо проговорил Плут.

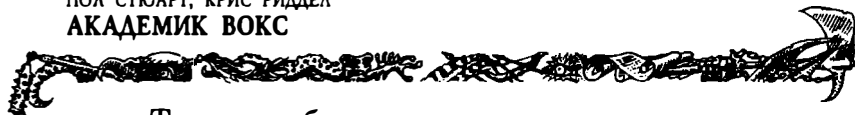
— Скучают по мне? — переспросил Феликс, уставясь в кубок.

— И отец, и твоя сестра Варис, — сказал Плут. — А ты никогда не думал вернуться обратно? Или хотя бы сообщить им, что ты жив?

Феликс помрачнел: лицо у него стало как грозовая туча.

— Конечно думал, Плут. Я часто думал о возвращении в канализацию, но... — Голос у него задрожал, и он с трудом сглотнул слюну. — Ты должен меня понять. Я сын Верховного Библиотекаря, и меня обошли! Меня никто не поддержал, и я не был избран Библиотечным Рыцарем! Я всех подвел! И отца, и Варис! И моих учителей! Даже тебя, Плут!

— Нет, — запротестовал Плут. — Меня ты никогда не подводил, Феликс!

— Ты всегда был мне хорошим другом, — сказал Феликс. — Ты всегда помогал мне сдавать экзамены, ты сидел со мной дни и ночи напролет. Но ты же знаешь, что я плохо разбираюсь в манускриптах, берестяных свитках и диссертациях. Я не гожусь в Библиотечные Рыцари. Мне было стыдно признаться в этом, и я позорно бежал. Теперь это пятно будет лежать на моей совести всю жизнь. — Он пожал плечами. — Кроме того, мне здесь нравится. Для такой жизни я, наверное, и был рожден, а не для того, чтобы гнить в промозглом книгохранилище в окружении нудных, покрытых плесенью фолиантов и еще более нудных, заплесневелых профессоров!

— А как можно любить Тайноград? — изумился Плут. — Здесь же кишмя кишат гнилососы, камнееды и прочая нечисть. — Он содрогнулся. — И кое-кто похуже...

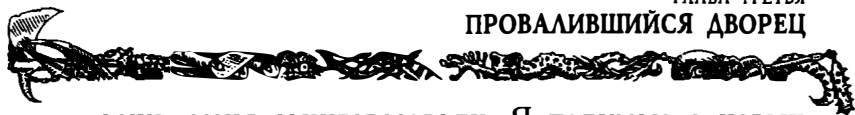
— Похуже? — Феликс поднял глаза.

— Хуже некуда, — подтвердил Плут. — Я потерпел аварию к северу отсюда и потревожил обитающих там чудищ. Я даже не видел их, но они так топали, что показались мне великанами. Скрежет огромных когтей, хлопанье гигантских чешуйчатых крыльев...

— Ну-ну... — протянул Феликс. — Это тот каньон под скалой, откуда Стражи Ночи сбрасывают вниз клетки с заключенными?

Плут кивнул.

— Дурное место... — произнес Феликс. — Я обычно обхожу его, но чудовища, о которых ты расска-

зывает, меня заинтересовали. Я подумаю о новых трофеях для украшения этого зала.

Лицо Плута озарилось улыбкой.

— Ты не исправим, Феликс.

— Зато мне никогда не бывает скучно... Хватит говорить обо мне. Давай-ка посмотрим, не готова ли наша похлебка. А пока расскажи мне о себе. Я хочу знать обо всем. Как, например, наш юный Библиотечный Рыцарь попал сюда, в Тайноград, и его чуть не сожрал местный камнеед.

Феликс помешивал булькающий наваристый суп, а Плут опять пригубил дубовино. В задумчивости он покачал головой. Как попал сюда?

— Было раннее утро, и я патрулировал местность. Я уже облетел Тайноград и направлялся к Каменным Садам, как вдруг что-то ударило по «Буревестнику», моему небоходу.

Феликс оторвал взгляд от кипящего котелка.

— Может быть, гарпун Стражей? — предположил он.

— Я не подлетал близко к Башне Ночи, — ответил Плут. — Это «что-то» было посильнее гарпуна. Я плыл по воздуху на раздутых парусах, с опущенными противовесами, а в следующую секунду...

В глазах Феликса мелькнула острая зависть: он сам до смерти хотел бы летать...

— А в следующую секунду, — мрачно продолжал Плут, — я услышал грохот. Оглушительный грохот. И — вспышка. И — запах горящего паучьего шелка. Меня потащило по небу. Я потерял управление.

Я судорожно вцепился в шею моего «Буревестника», пытаюсь удержать его в воздухе... — Он посмотрел на Феликса, и глаза его наполнились слезами. — Мы кувырком полетели вниз. «Буревестник» разбился насмерть. Ах, Феликс, я сам выточил его из куска отстойного дерева. Мы с ним...

Феликс отошел от огня и положил руку на плечо Плута.

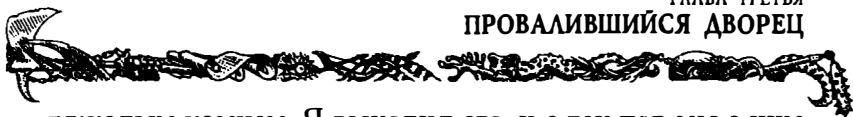
— Ну что поделаешь, дружок. Я тебя понимаю... Ты получил бесценный дар — умение летать. А потом у тебя его отобрали. Это сродни тому, что я чувствовал на Церемонии Провозглашения когда-то.

В этот момент раздалось громкое карканье и хлопанье крыльев: с верхней площадки, сверкая глазами, слетела белая птица с искалеченной лапой и уселась на плечо Феликса. Она с подозрением оглядела Плута.

— Белый ворон? — с изумлением воскликнул Плут. — А я думал, что они навсегда покинули Каменные Сады.

— Все улетели, кроме Гаарна, — ответил Феликс, почесывая грудку птицы со страшным острым клювом. — Когда его стая покидала родные края, с ним случилось несчастье. Я нашел его на земле полумертвым неоперившимся птенцом. Перья у него были подпалены, лапа раздавлена

тяжелым камнем. Я выходил его, и с тех пор мы с ним не расстаемся, правда, Гаарн?

— Карр! — подтвердил ворон. — Феликс — Гаарн — дружба.

— Он умеет говорить! — попятившись, обалдело воскликнул Плут.

— Я его научил, — ответил Феликс. — Может, я не умею летать, как ты, Плут, но Гаарн умеет. И он — мои глаза. По правде говоря, своим спасением ты обязан не мне, а ему. Он первым заметил тебя, пробирающегося по Тайнограду, и доложил мне.

Феликс вернулся к огню и помешал kloчующее варево солидной деревянной ложкой. Выловив кусочек мяса, он откусил половину, пожевал и протянул вторую половину ворону.

— Кажется, готово...

— Пора! Пора! — одобрительно каркнул ворон.

— Ты есть хочешь, Плут?

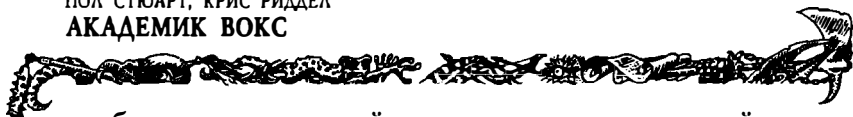
— Ты еще спрашиваешь! Да я могу и тильдера проглотить!

Феликс рассмеялся.

— И я тоже, — проревел он. — Боюсь, нам придется довольствоваться снежариком, скальной ящерицей и...

Над супом поднимался дразнящий аромат. И если в похлебке плавала пестрая крыса, Плут ничего не желал об этом знать.

Глубоко-глубоко, под Нижним Городом, тихо капала вода, стекающая по стенам канализационных

труб, и, подхваченный эхом, разносился низкий гул голосов. День кончался, хотя все — от профессоров до помощников библиотекарей — были заняты делом.

Фенбрус Лодд на мосту из летучего дерева беседовал с Олквиксом Венваксом. Когда они пришвартовались и поднялись на мост, их встретил дружный хохот плотогонов, смеявшихся над анекдотом. На одной из верхних площадок менялся караул стражников. А в читальнях, сцепленных в связки и привязанных к самому прочному из мостов — мосту из черного дерева, — завершали работу Библиотечные Ученые: с пылом и рвением вносили последние поправки в манускрипты, закрывали крышечками чернильницы и подзывали служителей, чтобы те, повернув лебедку, помогли спустить кабинки вниз.

— Эй, там, внизу! Нельзя ли побыстрее! — слышался чей-то раздраженный голос. — У меня назначена важная встреча с Профессором Света!

— Иду, сэр, — громким голосом отозвался большеухий дрыготрог. Он бегом пересек мост и, схватившись за рукоять, начал вращать массивное колесо. — Сейчас-сейчас, сэр... Простите меня, сэр...

В главном зале Центрального Книгохранилища, благодаря постоянно работавшим дровяным печам и вентиляторам, всегда было тепло и сухо. Сегодня и за его пределами, в мрачных сырых тоннелях, воздух тоже прогрелся выше обычного. Казалось, жара, обволакивающая Нижний Город, просочилась в канализацию; даже стены труб стали такими липкими и

клейкими от пара, что прикасаться к ним было омерзительно. Кроме пестрых крыс, млевших от удовольствия на жаре, все жители подземелья — от смотрителей, обслуживающих библиотечные подъемники, до Профессоров Света и Тьмы — задыхались от духоты.

Двое юношей, недавно избранных Библиотечными Рыцарями, вернулись к себе домой в спальные кабинки по боковому тоннелю, отвечавшему от Центральной Трубы, и в изнеможении плюхнулись в гамаки.

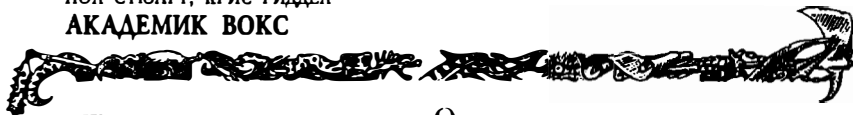
— Какая жара! — взмолился один из них.

— Что толку повторяться, Керн! — ответил другой. — А еще эти ужасные масляные лампы! Жар, дым и вонь... — Он вяло помахал рукой у себя перед носом. — Они должны разгонять мрак, а получается совсем наоборот: они так ча́дят, что ничего не видно!

Подальше в тоннеле была дверь в длинный сводчатый зал, где спертый, горячий воздух отдавал затхлостью теплого мшистого меха. По сырому каменному полу, не таясь, пробежала пестрая крыса, как будто заранее знала, что обитатели этого жилища не представляют для нее никакой опасности. Подобравшись к огромной когтистой лапе, она принюхалась и вонзила в пятку острые желтые зубы. Кровь потекла из ранки прямо в ее открытую пасть.

— Вух! — вскрикнул зверь, скорее от удивления, чем от боли, и добродушно дал хищнице пинка.

Это был толстолап, крупный самец с глубоким шрамом на плече, который просвечивал сквозь грязную, спутанную шерсть, — один из четверых, расположив-

шихся в углу помещения. Он грозно зыркнул на крысу, и пестрая охотница недовольно поспешила прочь.

— Вурра-волла-веера-вер, — застонал толстолап. — *Теперь мерзкие твари стали пить мою кровь. Жизнь моя стала мрачной.*

Его соседка, худая как щепка старая толстолапиха, ласково ухаживала за ним: вычесывала ему шерстку вытаскивала канализационных клещей из складочек на коже, щелкая зубами.

— Вух-вух-вурррума, — прошептала она. — *Терпение. Скоро полная луна снова озарит твои очи.*

— Вух? — буркнул третий толстолап, содрога-
ясь всем телом. — *Но когда?* Веера — вуур — вур-
рало...

Еще одна толстолапиха — странные отметины на
ее морде блеснули, озаренные желтым светом лам-
пы, — молвила:

— Вуррел — луррагул — вуррало. *Правдивы твои
слова. Если погиб тот, кого пронзила отравленная
палочка, что же будет со всеми нами?*

В эту минуту полог, которым был занавешен
входной проем, откинулся и в зал влетела девушка
из команды Библиотечных Рыцарей. Глаза у нее бы-
ли красные, слезы потоками стекали по щекам.

— Неправда, неправда! — выпалила она.

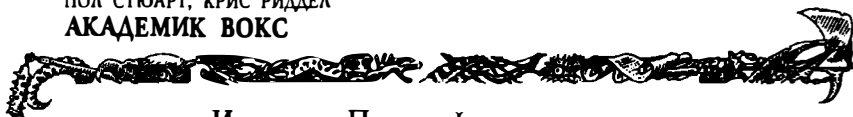
Толстолапы уставились на нее.

— Ну пожалуйста, скажите мне, что это не так! —
продолжала она. — Только не Плут! Такого не мо-
жет быть!

Вумеру, толстолапиха, с которой Плут подружил-
ся во время своей экспедиции, неловко встала и впе-
ревалку подошла к девушке.

— Вух-вух-веералах. Вуррало. Вурра-вух, — тихо
произнесла она.

Магда опустила голову. Она достаточно хорошо
знала язык толстолапов. Слова Вумеру только под-
твердили то, что Верховный Библиотекарь говорил
Олквиксу Венваксу в беседе, несколько их реплик
она случайно услышала... Поступили сведения о том,
что небоход юного Библиотечного Рыцаря потерял
управление при патрульном полете и камнем упал

на землю. И теперь Плут официально числился пропавшим без вести.

Магда всхлипнула, утирая слезы.

— Я... Я не могу поверить. Я разговаривала с ним накануне вечером. У нас в столовой. Он самый лучший пилот из всех, кого я знаю. Он бы никогда не допустил аварии... Он...

Вумеру нежно обняла рыдающую девушку своими меховыми лапищами и прижала ее к груди.

— Вух-веера-ло-вал, — печально произнесла она. — *Наши сердца тоже переполнены болью.*

— Бедный Плут, — пробормотала Магда, и звук ее голоса утонул в густом мехе. — Бедный Плут...

Занавес, прикрывавший вход, отлетел в сторону во второй раз. Магда оглянулась. В дверном проеме появилась Варис Лодд, мрачная как туча.

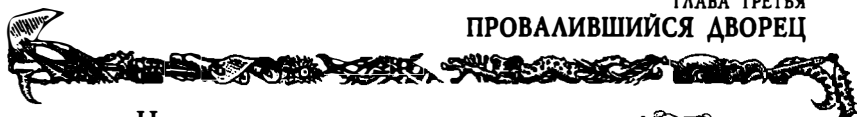
— Я вижу, вам уже известны печальные новости, — сказала она. — А я возлагала такие надежды на Плута, моего лучшего ученика. Ужасная потеря.

Магда вырвалась из объятий Вумеру.

— Вы говорите о нем так, будто он умер, — возразила она. — Он еще не занесен в список погибших. Он в списке пропавших без вести, он потерялся в Тайнограде, а не погиб.

Варис положила руку Магде на плечо:

— Поверь мне, я знаю, как тяжело терять друга, молодого Библиотечного Рыцаря... По сообщениям, которые мы получили, он мужественно старался удержать небоход в равновесии, когда тот потерял управление.

— Никто ведь не видел места крушения, — продолжала настаивать Магда. — Мы не знаем, жив он или мертв.

Варис отвернулась.

— Для него было бы лучше погибнуть, — тихо сказала она. — Потому что, если ему удалось выжить после крушения, в Тайнограде его ждет ужасная смерть.

— Нет! Нет! Нет! — закричала Магда. Заткнув уши, она стремглав выбежала из зала. — Я никогда не поверю, что это правда. Он не погиб! Он жив! Я верю! И буду верить, даже если вы все потеряете надежду!

Плут сонно приоткрыл глаза и осмотрелся, не понимая, как он оказался в этой роскошной спальне. Он лежал на мягком соломенном тюфяке, прикрытый покрывалом из шкуры тильдера. Над собой он увидел изящные колонны с прорезанными желобками, замысловатые масляные лампы и позолоченную лепнину на потолке, поблескивающую в мерцающем свете. Слева раздалось легкое посапывание: кто-то повернулся на другой бок во сне, — и Плут моментально вспомнил, как допоздна сидел с Феликсом, рассказывая ему о своих приключениях на Дороге через Великую Топь, о Вольной Пустоши, о полетах над Нижним Городом.

Плут посмотрел на приятеля, прикорнувшего у затухающего костра. Феликс спал: дыхание у него было ровным и спокойным, и знакомая легкая улыбка

играла на губах. Феликс всегда видел хорошие сны. У его постели устроился Гаарн, сунув голову под крыло. Плут решил не будить товарища. Он бы тоже охотно провалился в сон, но его одолели тяжелые мысли о будущем.

Они разработали план действий накануне за ужином. Плуту жаль было расставаться со своим другом после неожиданной встречи, но он оставался Библиотечным Рыцарем. Ему следовало вернуться в Центральное Книгохранилище и обо всем доложить. Библиотечные ученые крайне нуждались в сведениях, приносимых их юными помощниками, дабы быть в курсе того, что происходит на земле, над сточными трубами. Феликс хотел помочь Плуту выведать что-нибудь о подземной канализации.

— Я знаю канализационную сеть как свои пять пальцев, — возразил Плут.

— Ты всегда хорошо ориентировался под землей, — заметил Феликс. — Только мне жаль тебя отпускать. Я могу провести тебя через Тайноград, но ты забыл про серьезное препятствие.

— Какое?

— Краевая Река, — подытожил Феликс, — если эту выгребную яму со стоячей водой можно назвать рекой. Тебе нужно будет переплыть ее. Через канализационные трубы между Тайноградом и Нижним Городом не пройти. Как-то мне довелось там пробираться. Я тебе не завидую, Плут...

Плут тихонько вылез из-под тяжелого одеяла и потянулся. От вина, выпитого ночью, во рту все го-

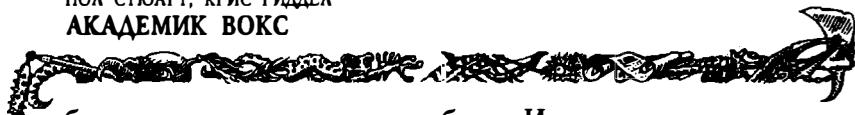

рело, горло пересохло от жажды. Он пересек зал, выложенный плитами, и, добравшись до чана, в который тонкой струйкой стекала вода, утолил жажду. Феликс, не просыпаясь, пробормотал что-то нечленораздельное, Гаарн растопырил перышки, отряхнулся и снова погрузился в сон.

Плут ополоснул лицо и, стараясь не шуметь, стал обследовать помещение.

Когда-то эти пышные подземные покои находились на верхнем этаже роскошного дворца. Из окон, ныне заваленных камнями и обломками породы, открывался прекрасный вид на Нижний Город — до того, как крошащаяся скала погребла все здания под собой. Резной потолок с искусно выточенными щитами и фигурками людей, вероятно, подсказал бы, кому именно принадлежало это здание, но Плут не мог рассмотреть детали орнамента. Ясно лишь одно: каменные палаты еще и пострадали от пожара. Точеные балки обуглились, плиты на полу растрескались, а стены почернели от копоти. Шкуры головоногов, развешенные по стенам, прикрывали чуть не дотла сгоревшие перегородки.

Плут провел рукой по стене. Ладонь сразу покрылась сажей, и юноша стер грязь о шкуру головонога, висевшую справа от него. Потянув за серую пористую меховую занавеску, Плут, присмотревшись, увидел покрытые копотью очертания пиратской треуголки, проступавшие на картине. Он вытащил платок из кармана и тщательно обтер картину. Под треуголкой открылось благородное лицо, с вьющимися бакенбардами и аккуратно подстриженной бородкой. Плут с лю-

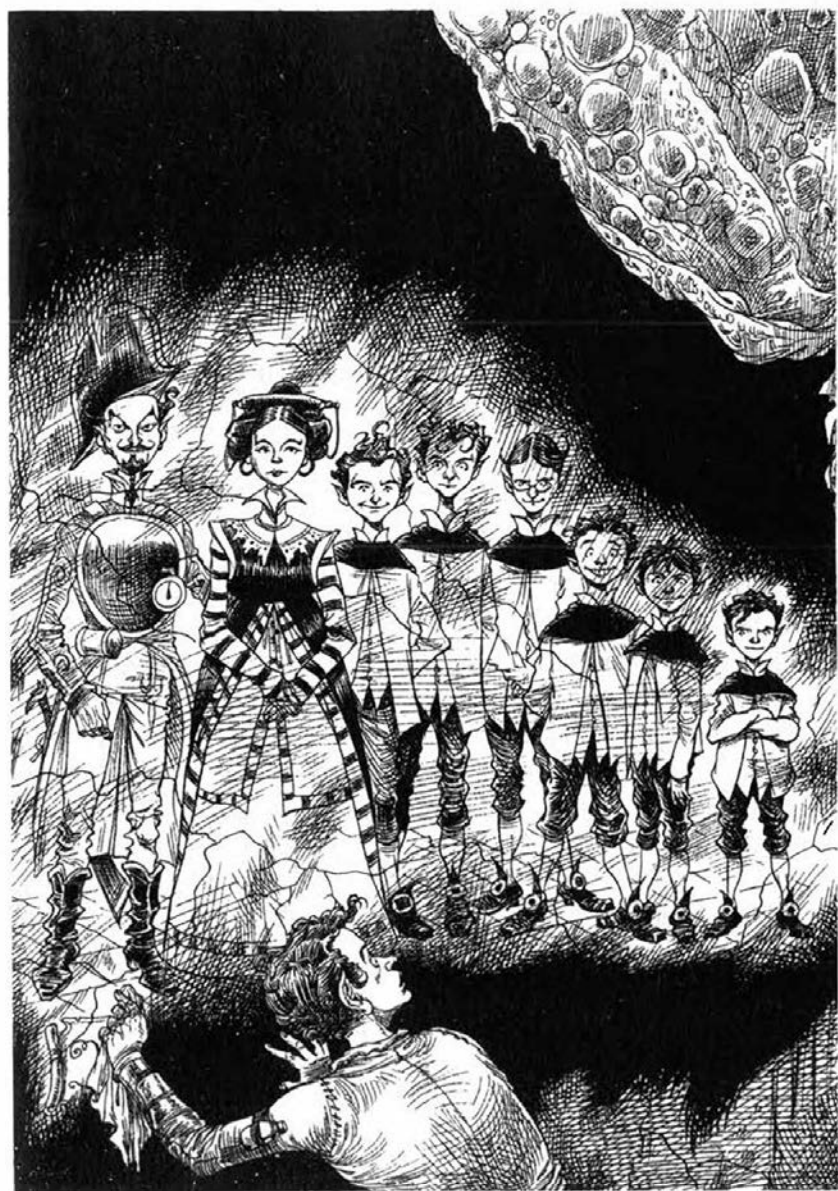
бопытством продолжил работу. Из-под копоты показался расшитый сюртук. Не болотным ли жемчугом с Великой Топи был разукрашен его воротник? А какие драгоценности на эфесе его шпаги? И что там вышито на кромке костюма: может, его инициалы?

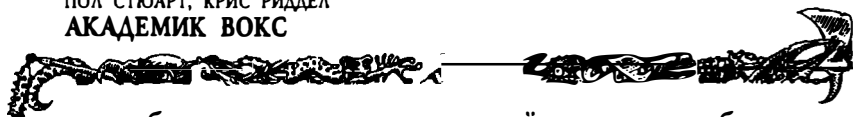
Плут стряхнул сажу, старясь не повредить отслаивающуюся краску. «В. Ш.» — прочел он, и предельно заинтригованный, занялся расчисткой... Гордый воздушный пират, как он выяснил, был изображен первым справа на семейном портрете. Его жена, высокая и элегантная дама, стояла рядом. За ней следовали шесть мальчиков — мал мала меньше, все похожие друг на друга. Когда-то они, замерев, смотрели на рисовавшего их художника, а теперь глядели на Плута.

Юноша продолжал расчищать залеplенную сажей и копотью стену, легкими движениями освобождая каждый сантиметр росписи, удаляя грязь с фигур. Постепенно на картине проявились старомодные жилеты и мешковатые штаны, высокие туфли с массивными пряжками. Члены семейства стояли, как обнаружил Плут, на выложенном плитам полу, на том самом полу, где теперь стоял он. Юноша продолжал работу, шаг за шагом снимая налет с картины, как вдруг...

— Что это? — ахнул Плут, когда из-под слоя копоты проступили буквы под ногами воздушного пирата.

Боясь дохнуть, Плут смахнул остатки пыли платком. На резной раме золотом были выведены буквы. Плут прочел имя: «Шакал Ветров»! Значит, так звали

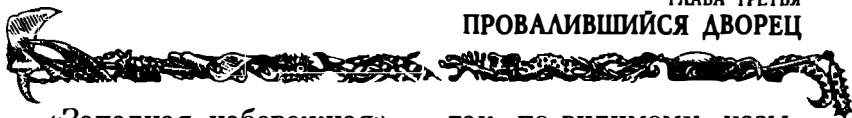
этого богатого человека, который построил себе роскошный дворец в фешенебельном районе Нижнего Города. Что стало с ним? Плут мог только теряться в догадках.

Пытаясь отыскать хоть какие-то подсказки, Плут обнаружил под каждой из фигур похожие на свитки таблички с именами членов семейства. Под изображением матери было выведено «Гермина», мальчиков звали Люциус, Центикс, Мьюрикс, Пеллиус, Мартилиус, а самого маленького — Квинтиниус. По самому низу картины в виде ленты, развевающейся на ветру, бежала замысловатая надпись: «Семья Орликса Верджиникса».

Как хорошо было бы иметь такую семью, подумал Плут, расти вместе с братьями, которые играли бы с тобой, гуляли по шумному старому городу, свободному от тирании гоблинов и Стражей Ночи. На секунду он задержал взгляд на портрете младшего сына. Как ни странно, ему показалось знакомым это лицо: темные глаза и упрямый подбородок.

«Жаль, что мы никогда не встречались с тобой», — сокрушенно подумал Плут и принялся расчищать остальную часть фрески.

Над залом, где позировала семья, изображалась крыша прекрасного здания с кручеными шпилями и округлыми минаретами. В перспективе смотрелись величественные ансамбли: вздымающиеся в небо башни, роскошные особняки и дворцы, раскинувшиеся по берегам Краевой Реки. На ленте, которую держала в клюве нарисованная Птица-Помогарь, значилось:

«Западная набережная» — так, по-видимому, назывался этот район прежде.

Плут перевел взгляд на верхнюю часть кровли. Его внимание привлек какой-то предмет, явно прикрепленный к одному из пилонов. Поняв, что ему не дотянуться до самого верха фрески, юноша на секунду прервал работу, схватил табурет, вскочил на него и, стерея грязь, ахнул! Под слоем копоти скрывалось тщательное изображение небесного корабля. Детали были прорисованы с удивительной точностью: Плут мог разглядеть каждый гвоздь, каждый рычаг и каждый узелок на канатах в оснастке летучего судна. Паруса раздувались, мачта сверкала, а медная табличка с названием корабля «Покоритель Бурь» блестела на солнце.

Плут с грустью подумал: «Придет ли время, когда в небо снова поднимутся такие корабли?»

— Кар-р-р! — отчаянно прокричал ворон, и эхо в зале повторило его крик.

— Ай-ай-ай! — завопил Плут, покачнувшись на табурете.

— Пор-р-р-а пр-р-р-осыпаться! Пор-р-р-а! — каркал ворон.

Плюх!

— Гром и молния, что тут творится? — послышался сонный голос из дальнего угла зала. — Плут, что с тобой?

Плут поднялся с пола, потер ушибленную голову. Феликс подбежал к нему и в изумлении глянул на картину.

— Ну и ну! — посетовал он. — Как это я сам не догадался расчистить стенку!

— Красиво, правда? — спросил Плут, отступая на несколько шагов и любуясь картиной. — Она была скрыта под глубоко въевшейся копотью и сажей. Посмотри на надписи, Феликс. Потрясающе. Мы сейчас находимся во дворце, который когда-то принадлежал знаменитому воздушному пирату, капитану небесного корабля Орликсу Верджиниксу, по прозвищу Шакал Ветров. А это его жена. И сыновья.

— Да, да, — проговорил Феликс. — В истории я не силен. Ты понимаешь, о чем я? Мне интересно то, что происходит сегодня, сейчас, а не то, что случилось тысячу лет назад.

— Но прошлое связано с настоящим, — возразил Плут. — Прошлое живет в нас, окружает нас.

— Ну если ты так считаешь, — зевнул Феликс. — А как насчет завтрака? Я умираю с голоду.

Спустя полчаса они выбрались из подземного дворца наружу, под яркие лучи солнца. Плута жара буквально обварила. Несмотря на раннее утро, влажный воздух казался раскаленным и от невыносимого зноя нечем было дышать.

Феликс, с Гаарном на плече, уверенно прокладывал путь среди завалов и нагромождений каменных глыб. Плут шагал за ним, стараясь успокоить нервы и думая о том, что ждет его впереди.

— Вот мы и пришли, — объявил Феликс, когда они взобрались на самый верх огромной каменной кучи. — Краевая Река...

Плут взгляделся в даль. Несмотря на палящую жару, его охватила дрожь. Река производила удручающее впечатление. Она медленно несла свои грязные воды, и над маслянистой, жирной поверхностью клубами вихрился туман. Они с Феликсом спустились к берегу.

— Ну, удачи тебе, Плут, — пожелал ему Феликс на прощание. — И передай привет моему отцу и Варис.

— Разумеется, передам, — отозвался Плут, глядя в глаза другу. — Послушай, сейчас еще не поздно все изменить — и пойти вместе со мной!

— Нет, — ответил Феликс. — Я... Я не могу вернуться назад. Мое место здесь. — Он указал на реку. — А теперь ступай, Плут. Будешь переплывать реку — поторопись, а то туман скоро рассеется и тебя могут заметить с берега.

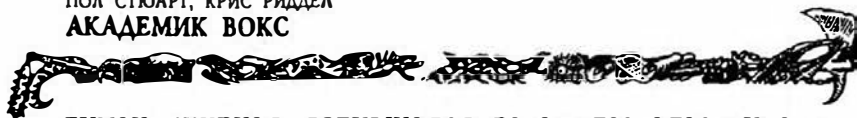
— Ну, Феликс, — вздохнул Плут, обнимая друга, — береги себя.

Феликс отстранился.

— Мы еще встретимся, — произнес он. — Я совершенно уверен.

Плут молча кивнул, пытаясь удержать слезы, и отвернулся. Клубился

туман, жирная, вздувшаяся река плескалась у его ног...

— Пр-р-рощай! — каркнул напоследок Гаарн, взмывая в воздух.

Плут обернулся.

— До свидания, Феликс, — печально всхлипнул он. — Ты настоящий друг.

Повернувшись спиной к Феликсу, Плут сделал шаг вперед. Затем еще один, и еще...

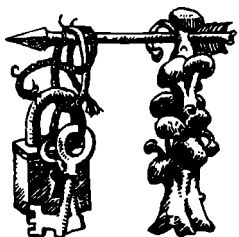

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ГИБЕЛЬНАЯ ДЫРА

лут осторожно ступал по липкой, чавкающей грязи, пузырящейся у него под ногами. Прибрежная отмель коварной Краевой Реки резко подавалась вниз. Он ощупал пояс, проверяя, все ли на месте, хотя вряд ли он мог что-то исправить, если чего-либо из снаряжения не хватало. Сначала бурая вода доходила до колен, потом он оказался по пояс в густой жиже. Дно исчезло под ногами, и дальше можно было пробираться только вплавь.

Выбросив руки вперед, Плут наклонился, оттолкнулся ногами и погрузился в воды медленно текущей реки. Вода была теплой и маслянистой, густое месиво с тяжелым плеском лениво расступалось, омывая его кожаную летную форму.

Делая взмах за взмахом, Плут целеустремленно плыл вперед, к другому, трудноразличимому за туманом берегу.

Плут никогда не увлекался плаванием. Грязная вода, текущая по канализационным трубам мимо Центрального Книгохранилища, дурно пахла, и было немыслимо даже подумать в ней искупаться — пере-

двигаться по каналам можно было только на плотях. С раннего детства он не любил занятий на плавающих цистернах, хотя его товарищи — помощники библиотекарей — получали удовольствие от таких поездок. Позже, попав на Вольную Пустошь, где кристально чистая гладь Большого Озера предлагала идеальные условия для купальщиков, он постепенно полюбил воду. Встав рано поутру, задолго до завтрака, бежал к озеру и, нырнув с высокого берега, переплывал его.

«Эй, Магда! — кричал он, будя свою подругу. — Пошли купаться! Вода сегодня прекрасная!»

О Краевой Реке такого сказать было нельзя. Юный Библиотечный Рыцарь сражался с застойной жижей. Вода обжигала, как в горячей ванне. Течение ощущалось слабо, и все же его слегка сносило влево. Плут, будучи опытным пловцом, надеялся, что беспрепятственно доберется до противоположного берега.

Его волновал густой туман. Он не видел ни куда плывет, ни сколько ему еще осталось плыть. Двигался вперед вслепую, колотя ногами по воде и ориентируясь по направлению течения реки.

«Еще немного — и я доплыву до цели, — сказал он себе. — Медленно, но верно я добьюсь чего хочу».

Плут почувствовал, что добрался до середины реки: течение здесь усилилось, волны плескали в лицо — теплая, мерзкая жижа. Туман, густым облаком витавший над поверхностью реки, был полон отвратительных гнилостных испарений. Руки у него слабели, ноги едва шевелились, но он плыл и плыл...

На минуту туман рассеялся, и Плуту стал виден противоположный берег. Сердце у него сжалось: до суши было еще очень-очень далеко, а плыть назад не имело никакого смысла.

Туман опять сгустился. Плут сбился с ритма, и поднимать руки и ноги ему становилось все тяжелее и тяжелее. Подозрительные сгустки спутанных водорослей неслись по воде рядом с ним, и какие-то непонятные предметы, твердые, мягкие, колыхавшиеся и на поверхности, и в глубине, постоянно задевали его. То ли пиявки, кишащие в мутной воде? А может, водяные упыри, шныряющие в поисках добычи по дну реки?

Стараясь отогнать тревожные мысли, Плут продолжал путь. Над головой у него промелькнула стая снежариков, в их веселом гомоне звучала насмешка. «Он не доплывет, — казалось, щебетали они. — Он обязательно утонет! Обязательно утонет!»

Густая дымка рассеялась во второй раз, глянуло солнце, а противоположный берег был еще далеко, но чуть ближе, чем раньше. Плут увидел высокие здания судоремонтных мастерских, пакгаузы и склады, портовых рабочих в защитных касках, орудовавших крюками на разгрузке барж, и темнокожего гоблина, спешившего по причалу с зазубренной пикой в руке.

И снова туман заволок все вокруг. Плут еле поднимал ставшие свинцовыми руки, силы у него убывали с каждой минутой. «Не напрягайся, — убеждал он себя, сражаясь с вязкой, как патока, водой. — Медленно, но верно. Взмах за взмахом...»

Туман рассеялся в третий раз и уже не ложился на воду. Плут отчетливо видел берег, до суши оставалось метров пятьдесят, и теперь его охватило новое волнение: он боялся попасться кому-нибудь на глаза.

Ноги стали тяжелыми, как гири. Опасаясь, что его заметит какой-нибудь докер или гоблин охранник, Плут не поднимал глаз и вдруг почувствовал, что сапоги волочатся по грунту. В следующий миг пальцы утонули в береговой тине, Плут потянулся и плюхнулся грудью на гальку. Так он долго лежал, наполовину в воде, наполовину на суше, издалека похожий на грудку мусора, прибитую волнами к берегу.

Передохнув, Плут, избегая резких движений, поднял голову и осмотрелся. Ему повезло. Очень повезло. Он лежал в тени причала, нависшего прямо над ним. Пристань стояла на массивных деревянных столбах, и ближайшая опора находилась справа, шагах в десяти. Плут хорошо слышал тяжелую поступь над

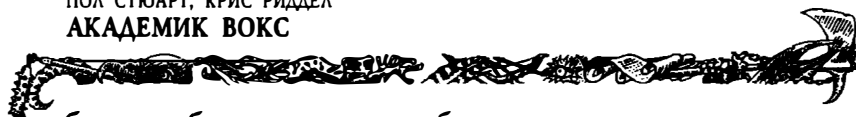
головой и сквозь щели между досками видел фигуры гоблинов и трогов, снующих по причалу.

Плут с облегчением вздохнул. Он переплыл Краевую Реку! Теперь надо найти лаз в канализацию. Он попытался встать и, к ужасу своему, понял, что не может подняться. Две костлявые рыбыны, раскрыв пасти, заглотнули его ноги почти по колено, как пара дьявольских сапог. На Плута смотрели холодные серые рыбы глаза, а вокруг ртов, исходящих слюной, шевелились розовые присоски.

«Болотные рыбы!» — задохнулся в отчаянии Плут.

Он знал про них все. Диссертация Петриса Филлита, посвященная болотным рыбам, стала классикой в области ихтиологии. Нерадивых младших помощников библиотекаря в качестве наказания силком заставляли учить наизусть это объемистое сочинение из двухсот тридцати двух страниц. О да, Плут хорошо изучил повадки болотных рыб! Они присасывались к жертве, если она была слишком велика и нельзя было заглотить ее целиком, топили ее, утаскивая под воду, ожидая, пока добыча начнет разлагаться и гнить, и потом рвали ее на части своими щупальцами. Эти хищницы обитали в водах Краевой Реки и на просторах Великой Тспи, у них

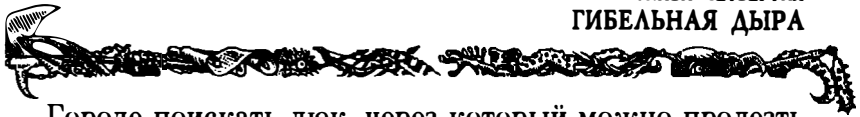
была особая структура жабр и третье веко на глазу — их особенность. И главное, что почерпнул Плут из пухлого тома, была инструкция о том, как следует себя вести, если болотные рыбы на тебя напали.

Плут приказал себе успокоиться, чтобы унять дрожь. Теперь он с благодарностью вспомнил старого брюзгу профессора, который наказывал его за болтовню в классе, заставляя читать диссертацию о болотных рыбах. Плут выхватил меч из ножен и, стараясь не повредить себе ногу, воткнул острие прямо во внутреннюю жабру, скрытую за внешним, выпирающим бугорком. Раздался тихий звук, похожий на щелчок, и присоски ослабили мертвую хватку. Болотная рыба, извиваясь рядом с освобожденной ногой, яростно шлепнула хвостом и исчезла в водорослях.

Плут, воспрянув духом и крепко ухватившись за рукоять меча, решил совершить подобную операцию во второй раз, но вторая рыба, вероятно предупрежденная первой об опасности, сама отпустила его ногу и удалилась прочь. Плут следил, как она уплывает, неистово мотая хвостом... Потом он встал, ватные ноги у него подкашивались.

Плут подобрал вещи и принялся обдумывать свое положение.

Если у него над головой располагаются цеха и мастерские, где трудятся рабы, а дальше плавучие доки, значит, чтобы проникнуть в систему канализации, нужно идти вверх по течению реки. Но рисковать не имело смысла: его запросто мог увидеть любой прохожий на берегу. Нет, лучше в Нижнем

Городе поискать люк, через который можно пролезть в сточную трубу. Попад в клоаку, без труда добраться до главного тоннеля, а оттуда — напрямик в Центральное Книгохранилище.

Плут направился по прибрежной полосе, стараясь держаться в тени, короткими перебежками от столба к столбу, останавливаясь лишь на мгновение перевести дух. Постепенно расстояние между настилом и землей стало сокращаться. Грохот сапог усилился, и к топоту присоединился громкий гул голосов: грубые окрики, брань и отрывистые команды. Плут закусил губу. Кончалась ночная смена, рабы прибывали для работы в дневную, и гоблины надсмотрщики следили за порядком. Было примерно семь часов утра.

И тут воздух зазвенел от рычания и воя. Плут замер. Гоблины были не только вооружены до зубов — они привели себе в помощь белогривых волков!

Пригнувшись, юноша стремглав проскочил под настилом, добрался до задней стенки и полез вверх по старой ржавой лестнице на торце причала. Шаткая лестница угрожающе раскачивалась и скрипела, — казалось, крепежные болты вот-вот вылетят из гнезд. Плут ощущал себя незащищенным, выставленным на всеобщее обозрение. Если кто-нибудь заметит его... «Никто тебя не заметит! — резко сказал он себе. — Смело вперед!»

На верхней ступеньке лестницы он задержался и потом бросился опрометью к ближайшим строениям: беспорядочно нагроможденным захудалым домишкам, складам, сушильням для парусов.

Плут бежал по улицам, и мрачные, без окон, стены домов давили на него. Пот градом катил по лицу. Мелькнула тревожная мысль: вдруг кто-нибудь появится, тогда его обязательно схватят. Ах, если бы он знал расположение улиц и переулков Нижнего Города так же хорошо, как подземные тоннели и канализационные трубы!

Издаലെка донесшиеся звуки подсказали ему, где он находится: скрип несмазанного ворота, приглушенный гул голосов. Плут замер, наострив уши. К скрипу добавились металлическое позвякивание и плеск воды. Плут улыбнулся. Сомнений не было: до Западного Колодца рукой подать! Сколько раз он

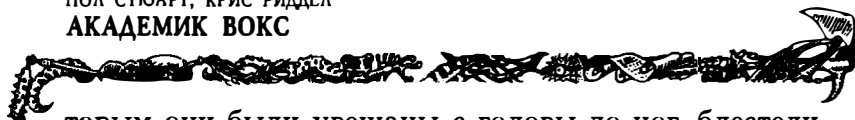
пролетал здесь и видел компанию гоблиновых жен, болтающих о том о сем в ожидании своей очереди, чтобы наполнить водой кувшины из колодезного ведерка! Сколько раз он замечал, что ворот ужасно скрипит и его давно пора смазать!

Плут крадучись пошел вперед, полагаясь больше на слух, чем на зрение, проскользнул в узкий проем между двумя деревянными домами с каменными цоколями. Выглянул из-за угла. Перед ним, как он и предполагал, был Западный Колодец — высокое, украшенное резьбой сооружение, единственный источник питьевой воды во всем районе, — а вокруг толпились пожилые гoblinиши. Плут оглядел мощенную булыжником площадь и вспомнил, что на той стороне площади берет начало улица, где есть главный сток, перекрытый решетчатыми воротами. Вопрос заключался в том, как туда попасть. Описать круг, прячась в тени узких аллей? Или броситься напрямик, через площадь? Наверняка гoblinиши не сумеют задержать его!

Он уже приготовился сделать бросок, но заметил, как одна из матрон подняла глаза, шепнула что-то на ухо соседке, и обе стали оглядываться вокруг. Они явно что-то услышали. Плут тоже услышал приближающийся топот тяжелых сапог.

По площади шагала стража — отряд гoblinов. И они направлялись к нему!

Плут вжался в нишу в стене и затаил дыхание. Шершавая стена царапала колени. Замирая от страха, он наблюдал, как первая пара охранников двинулась по аллее. Нагрудники, шлемы и оружие, ко-

торым они были увешаны с головы до ног, блестели в лучах утренней зари. Еще Плут увидел оборванца раба с опущенной головой и согнутой спиной, его тащили стражники. За ними плелась группа рабов: на шее у каждого было ярмо и все несчастные были скованы одной цепью. Два вооруженных гоблина замыкали печальное шествие. Плут сжался в комок. К его ужасу, охрана была усилена: каждый гoblin вел на поводке белогривого волка.

Молясь, чтобы его не заметили, Плут смотрел, как мимо прошел первый гoblin, с усилием удерживая на цепи страшного зверя, затем второй. Наконец они оба исчезли из поля зрения. Плут с облегчением вздохнул.

Они были так близко... Так близко...

— Что там такое, Таггер? — раздался голос первого охранника. — Кого ты там учуял, мальчик?

— А ты чего рычишь, Рэггер? — послышался второй голос. — Что там происходит? Ты кого-то нашел?

Сердце у Плути упало в пятки. Волки по запаху учуяли его.

Плут повернулся и помчался по узкому проходу так, что только пятки сверкали. Прочь, прочь от опасного места! Он оступался и падал. Оглянувшись, увидел освещенные солнцем фигуры гоблинов в конце аллеи: нагнувшись над волками, они возились с ошейниками. Сейчас они спустят волков с поводка!

Плут мчался не переводя духа.

— Он уходит, Слог! — выкрикнул один из гоблинов.

— Никуда он не уйдет, — отозвался другой. — Рэггер, по следу! Таггер, туда! Взять его! Вон он!

Сердце у Плута колотилось как бешеное, он опрометью бежал по аллее. До поворота оставалось несколько десятков метров. Он слышал волчий лай на параллельных дорожках. Перед его внутренним взором чередой мелькнули воспоминания детства, которые он никогда не мог забыть: работорговцы и волки, волки... Тогда он последний раз видел своих родителей живыми. Яростный лай становился громче и громче. Еще немного — и страшные звери загрызут его насмерть.

Нельзя медлить ни секунды! Он искал водосток, через который можно попасть в подземную канализацию. Люк! Нужно найти люк!

Пот градом катился по спине, волосы на голове взмокли. Из последних сил Плут сделал рывок, добежал до перекрестка и нырнул в мрачноватый переулок, кишмя кишевший торговцами и карточными игроками. В нос ему ударил запах горячего металла и паленого дерева из будок ремесленников. Он проскочил мимо визжащих циркулярных пил.

— Ты что, не видишь, куда прешь? — раздались сердитые голоса.

Внезапно народ на запруженной улочке мигом рассосался: тропы и тролли бросились врассыпную, расчистив ему путь для отступления. Плут решил было, что они расступились, желая дать ему дорогу, и тут же понял, что они спасаются бегством в поисках укрытия. Сердце у него остановилось.

— Волки! Волки! — кричали кругом.

Плут оглянулся. Вопреки всему, он надеялся удрать от своих злобных преследователей. Но, увидев

сверкающие глаза и истекающую слюной волчью пасть, потерял всякую надежду на спасение.

Не раздумывая, Плут заскочил в ближайшую мастерскую. Иссохший, покрытый морщинами лесной тролль с носом картошкой и косыми глазами с возмущением оторвался от токарного станка.

— Ах, дуб-кровосос, — по-местному выругался мастеровой. — Что ты делаешь? — взревел он, когда Плут проскочил мимо него, опрокинув стол и разбросав инструменты. — Вот я тебя сейчас... Ай-ай-ай! Волки!

— Простите, — крикнул Плут, распахивая дверь, ведущую в жилое помещение.

Оказавшись в каморке ремесленника, он вылез через окно, спрыгнул на землю, перекатился через голову и ловко вскочил на ноги. Волки с оглушительным лаем влетели в комнатку следом: жажда крови обуревала их. Плут дотянулся до окна, закрыл ставни и крепко запер их на засов.

Раздался протяжный яростный вой, волки пытались выломать деревянные ставни. Петли скрипели, доски трескали, выгибаясь под натиском зверей, но ставни выдержали напор.

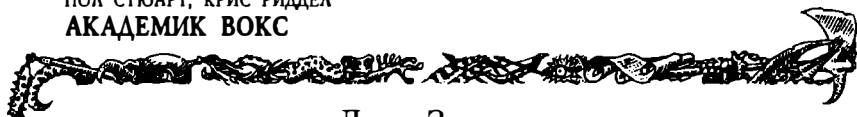
— Благодарение Земле и Небесам, — пробормотал Плут и снова припустился бежать.

Волки вылетели назад, на улицу. Они не собирались прекращать погоню.

«Я тоже не сдамся», — решил Плут.

Он метнулся в арочный проем между массивными зданиями, напротив которых, как он помнил, стоял Особняк Колесных Дел Мастера и Дом Собраний, где

встречались члены Лиги. Здесь он увидел замысловато расположенные водостоки, и большие, и маленькие. Промчавшись под аркой, он выскочил на площадь, размерами намного больше, чем та, где находился Западный Колодец. Слева он увидел Центральный Фонтан: когда-то там текли каскадом и переливались сотни струй, теперь же из водомета еле поднимался низенький столбик воды. А справа...

— Благодарю вас, Земля и Небо, — прошептал Плут.

Наконец-то он нашел водосток! Люк, обрамленный массивными каменными блоками, был смонтирован в стародавние времена. Он был круглым, и отверстие перекрывала решетка. Плут запустил пальцы в отверстие между прутьями чугунного переплета и потащил крышку на себя. Сцепив зубы и согнув колени, рванул решетку еще раз и застонал от напряжения. Скрипнул песок, покрывавший металл, и крышка подалась. Плут поспешно откинул ее и нырнул в темноту.

Он повертел ногой, чтобы нащупать первую ступеньку железной лестницы, — Плут был уверен, что лестница, прикрученная к внутренней стороне трубы, обязательно должна быть здесь, — и его попытка увенчалась успехом. Он повернулся, приподнялся и, дотянувшись до крышки люка, поставил ее на место прямо перед носом своих преследователей.

Тоннель был погружен во мрак. Над головой раздавался вой белогривых волков и скрежет когтей, тщетно царапавших металлическую решетку.

— Опоздали, опоздали, — злорадно ухмыльнулся Плут и стал спускаться ступенька за ступенькой. Вертикальная труба должна была привести его к подземному тоннелю. И если повезет, думал Плут, он окажется в Центральном Книгохранилище менее чем за...

— Ай-ай-ай! — вскрикнул он.

Ступеньки кончились, и левая нога повисла в воздухе. Плут этого никак не ожидал. Правая нога соскользнула с последней планки, и юноша от неожиданности разжал руки. Не успев опомниться, он кубарем полетел вниз.

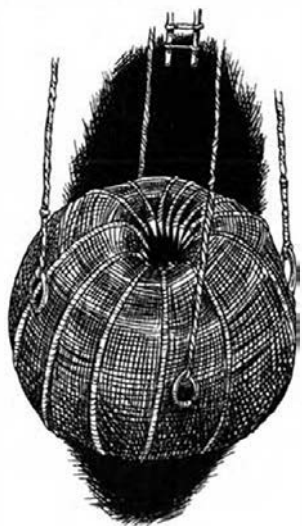
— Ух, — выдохнул он, тяжело плюхнувшись на спину, от удара у него заныли ребра.

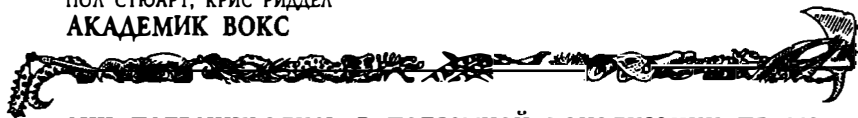
«Где это я?» — пытался сообразить Плут. Ужасная мысль промелькнула у него: «Этого не может быть! Этого просто не может быть!»

Плут осторожно приоткрыл глаза: вокруг царила кромешная мгла. Он пошарил руками и нащупал какую-то бочкообразную стенку из ивовых прутьев. На ощупь она напоминала плетеную корзину.

Стон вырвался из его груди. Теперь Плут точно знал, где находится.

Он провалился в ловушку для беглецов из Нижнего Города. Такие капканы назывались Гибельными Дырами. Похожие на гигантские корзины для ловли крабов,

они подвешивались в подземной канализации прямо под вертикальными стоками, и несчастные, оступившись на последней ступеньке коварной лестницы, оказывались в западне. Он, как Библиотечный Рыцарь, должен был помнить о капканах, должен был проявить бдительность! А вместо этого, забыв об осторожности, бесечно спускался по трубе!

Гибельные Дыры. «Отличное название! — с горечью подумал Плут. — И я, Плут Кородер, стал последней жертвой, по глупости попавшей в расставленные сети! Какой же идиот!» Волки не охотились — они загоняли в капкан для простаков, и он, как последний дурак, попался на приманку.

Он встал на ноги и изо всех сил принялся пинать ногами по стенке плетеной клетки, он пинал и пихал, колотил и молотил, он даже вытащил нож и попытался разрезать переплеты — все было без толку. Гибельная Дыра не желала отпускать свою жертву.

— Как же мне выбраться отсюда? — застонал Плут.

— Отсюда не выберешься, — раздался чей-то тихий, плачущий голосок из дальнего угла клетки. — Я уже пыталась, и не раз.

Плут вздрогнул.

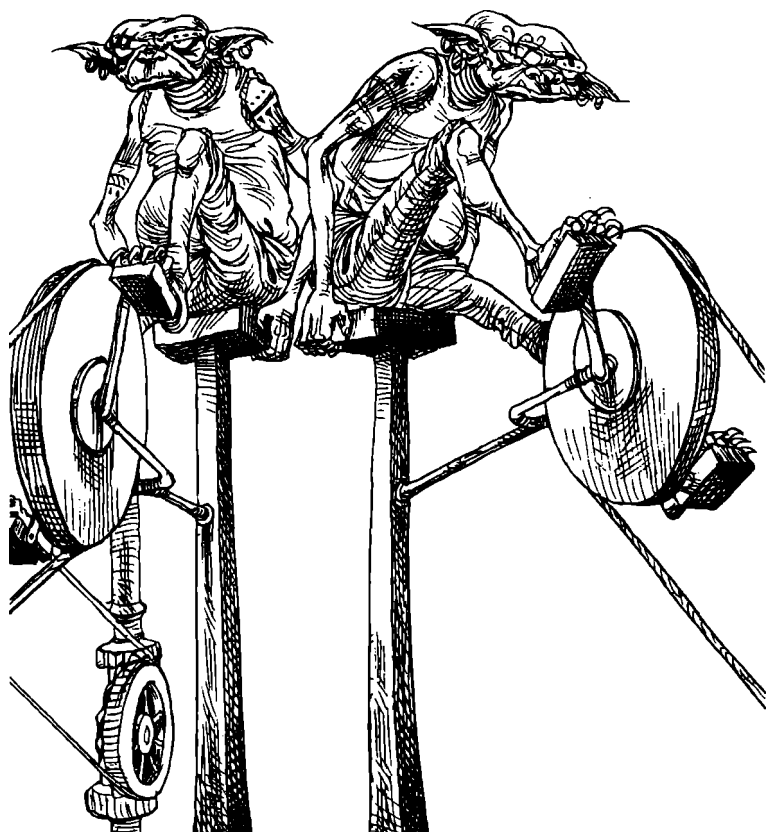
— Кто здесь? — еле слышно пробормотал он.

— Меня зовут Гильда, — прозвучал ответ. — Я очень боюсь. Я здесь уже давно: сижу и жду, пока они придут за мной. — Гильда всхлипнула. — Скоро нам конец.

ГЛАВА ПЯТАЯ

НОМЕР ОДИННАДЦАТЬ

Плут почувствовал, как волосы встали дыбом. В тихом детском голоске были страх, отчаяние и тоска.

— Есть хотите? — мягко спросил Плут. — У меня есть горстка сушеной колокольицы и горбушка черного хлеба.

— А воды у вас нет, сэр? — спросила Гильда. — Я умираю от жажды.

— Есть, есть вода, — с готовностью отозвался Плут. Проведя рукой по ремню, он нащупал фляжку. — Держите, — сказал он, протягивая бутылку в темноту, в том направлении, откуда раздавался тоненький голосок.

Сначала Плут почувствовал прикосновение дрожащих пальцев, и тотчас же его собеседница, выхватив флягу у него из рук, жадно прильнула к горлышку: до юноши донеслось громкое бульканье. Плут улыбнулся. Он был рад хоть чем-то помочь несчастному созданию.

— Спасибо, сэр, — минуту спустя поблагодарила Гильда. — Огромное вам спасибо.

Плут снова протянул руку, чтобы забрать флягу, но, когда он уже прикоснулся к ней кончиками

пальцев, баклага выскользнула и со звоном упала на дно клетки.

— Ах, боже мой, — заголосила Гильда. — Какая же я неловкая! Простите меня, сэр!

— Ничего страшного, Гильда, — успокоил ее Плут. — Все в порядке.

Он пригнулся и, пошарив в карманах — и в правом, и в левом, — вытащил два круглых камешка. Когда Плут сдвинул их на ладони, клетка озарилась теплым желтым светом. Гильда открыла рот от изумления.

— Боже мой! — воскликнула она. — Магические кристаллы!

Плут улыбнулся.

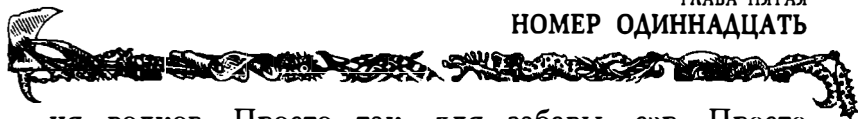
— Да, небесные кристаллы, — пояснил Плут. — Мне их подарил сам Профессор Света из Центрального Книгохранилища!

— Так, значит, вы Библиотечный Рыцарь? — трепеща, спросила Гильда.

Голос у нее дрожал от благоговейного страха перед собеседником, изумленные глаза были широко раскрыты. Мерцающие кристаллы отбрасывали свет на ее остроконечные ушки, тугие навощенные косички и широкий нос.

— Так ты из рода гоблинов-утконосов? — догадался юноша.

— Ну конечно! — отвечала Гильда. — Я бедная-несчастливая гоблинша с Восточной Аллеи. Меня послала по поручению бабушка, и, когда я вышла на улицу, началась облава, стражники спустили на ме-

ня волков. Просто так, для забавы, сэр. Просто так... — Крохотная гоблинша, утопая в слезах, закрыла лицо руками.

Плут ласково погладил ее по плечу.

Гильда подняла заплаканные глаза.

— Бабушка моя портниха, сэр. Она всю жизнь работала, обшивая других. А сейчас она слаба и немощна, и глаза у нее испортились. Она во всем полагается на меня, сэр, честное слово, сэр. Она просила меня отнести готовую работу по адресу... Ах, боже мой, что будет, если я не вернусь обратно!

— Все будет хорошо, Гильда, — утешил ее Плут.

Бедная гоблинша, сотрясаясь от рыданий, схватила Плута за руку.

— А эти ужасные волки! — дрожа, сопела носом Гильда. — Они лаяли, рычали. Они гнались за мной,

сэр. И я... я подумала, что спрячусь под крышкой люка... — Гоблинша с шумом втянула в себя воздух. — А теперь еще и это! — Слезы ручьями побежали по ее щекам.

— Ну, ну, не плачь, — уговаривал Плут. — Я тебя понимаю, я сам прошел через это...

— Ах, сэр! — всхлипнула Гильда, бросаясь к юноше и обвивая его шею костлявыми руками.

Корзина качнулась, и где-то глубоко в сети подземных тоннелей раздался визг: пестрые крысы затеяли грызню.

— Я верю в вас, сэр, — молвила гоблинша. — И теперь все будет хорошо. Вы настоящий Библиотечный Рыцарь, у вас есть магические кристаллы. — Она крепче прижалась к нему.

— Конечно, теперь все будет хорошо, — неуверенно ответил Плут, похлопывая ее по спине.

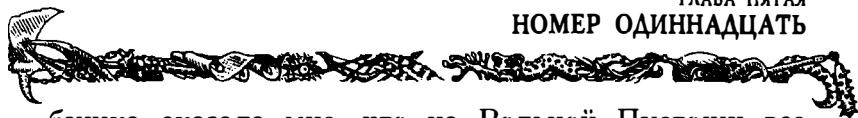
Он посмотрел на потолок, утыканный шипами: все они были направлены острием вниз. Провалиться в Гибельную Дыру оказалось проще простого, а выбраться невозможно. Они попали в западню.

Мало-помалу Гильда успокоилась. Утерев глаза тыльной стороной ладони, она присела на покатое дно клетки.

— Ну и как там? — спросила она тихим голоском.

— Там — это где? — недоуменно отозвался Плут.

— На Вольной Пустоши, — пояснила Гильда. — Вы Библиотечный Рыцарь, значит, вы были там. Расскажите мне о ней. Говорят, там очень красиво. Ба-

бушка сказала мне, что на Вольной Пустоши все свободны и равны, там нет голодных и никто никого не бьет. Это самое прекрасное место в мире.

— Так оно и есть, — мечтательно протянул Плут. — Это как свет маяка посреди Дремучих Лесов. Вольная Пустошь действительно самое прекрасное место во всех Краевых Землях. Там растут сосны-великаны, вода в озерах кристально чистая и прозрачная, а по ночам на небе высыпают звезды — мириады ярких, светящихся точек.

Гильда робко глянула на него:

— Как вы думаете, я когда-нибудь попаду туда?

Плут наклонился и крепко взял ее за руки.

— Я в том уверен, — ответил он.

Гильда счастливо улыбнулась.

— Я тоже, — серьезно сказала она. — Раз вы здесь, все будет хорошо.

Наверху что-то загрохотало, послышался скрежет железа и топот сапог. Гильда замерла от страха.

— Они явились, — прошептала она.

Плут быстро нащупал карманы и положил назад небесные кристаллы, один — в левый карман, а другой — в правый. Потом поднял глаза. Высоко над ними крышка люка приоткрылась, и узкий лучик света проник в дыру. Потом щель, как ночное светило, быстро прошедшее все фазы — от тонкого серпа до полной луны, — расширилась, превратившись в круг. В дыре показалась чья-то крупная голова.

— Ну кто там у нас, а? — недовольным голосом пробурчал стражник. Головой он заслонял свет, сквозь

щели бивший в глаза пленников. — Похоже, их двое. — Он хлопнул в ладоши. — Неплохой улов!

— Давай тащи их наверх, — раздался более высокий голос с властными нотками. — Надо посмотреть на них поближе!

Плут повернулся к Гильде.

— Все будет в порядке, — произнес он. — Обещаю тебе.

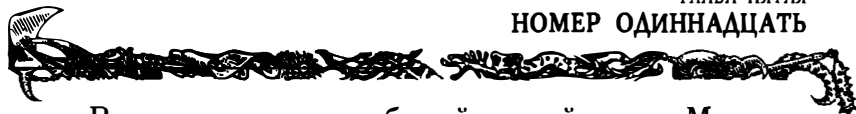
Гильда кивнула, глядя на него доверчивыми, широко раскрытыми глазами.

— Спасибо, сэр, — прошептала она.

Тут клеть дернулась и опустилась на несколько метров вниз. Гильда замерла, открыв рот. Плут схватил ее под локоть одной рукой, а другой вцепился в плетеную стенку темницы. Сверху донеслась отборная брань, затем щелчок хлыста. Клеть перестала падать.

— Ты что, не понял, Крат? Тащи клеть наверх! — снова прозвучал рассерженный высокий голос. — Клянусь Небом, я тебя сварю на холодец! Тащи, придурок!

Эхо разнесло ругательства по подземным тоннелям. На крик отозвался нестройный хор летучих мышей и пестрых крыс, поднявших тревогу. Гильда захныкала, крепко вцепившись в стенку клетки. Сквозь отверстия между прутьями Плут смотрел, как клеть поднимается вверх по ржавой трубе, проплывает мимо предательской лестницы, рассчитанной на олухов. Наконец клеть остановилась у выхода на поверхность, возле люка.

В клеть опустили обитый кожей шест. Миновав нацеленные вниз шипы, он остановился над головой Плуто. Раздался щелчок и шест превратился в тяжелый, повернутый куполом вниз зонт. Пыхтя от усердия, стражник вытащил из клетки раскрытый зонт вместе с шипами, напоминавшими лепестки ядовитого цветка.

В отверстие просунулась гигантская лапища. Плуто схватили за шиворот и подняли в воздух. Гильда, уцепившаяся за его колени, тоже повисла над землей. Плут смотрел в налитые кровью глаза громадного пучковолосого гоблина с поросшими шерстью ушами и массивной челюстью. Его лицо было испещрено глубокими шрамами — следами яростных битв, а тело прикрывали тяжелые доспехи. Он все еще держал под мышкой крышку люка, которая была для него легкой как пушинка.

Позади стражника Плут разглядел фургон — напоминавшую птичью клетку маленькую крытую таратайку, сколоченную из дубоивовых досок. В колымагу были впряжены два живопыра. Тощий кучер на козлах — по всей видимости, кучкогном — в одной руке держал вожжи, а в другой карандаш.

— Ну, кого поймали на сей раз? — просипел кучкогном и, облизав грифель, с готовностью занес огрызок карандаша над обрывком коры.

Пучковолосый гоблин посмотрел на парочку пленников, зажатых в его кулаке.

— Большая рыбка и маленькая, — утробно гоготнул он.

— А нельзя ли поточнее, Крат? — проговорил кучкогном голосом, полным сарказма.

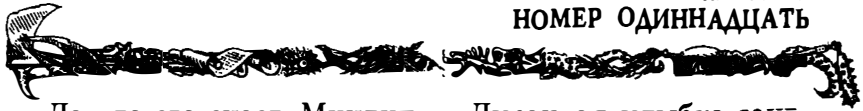
Крат задумался, нахмутив брови.

— Гоблина-утконоса поймали, — крикнул он вознице, который чиркал огрызком по куце му берестяному свитку, записывая сведения о пленниках.

— Мужской пол или женский? — спросил кучкогном.

— Вроде девочка, — ответил Крат. — А второй... — Он приблизил свою зверскую, тупую физиономию к лицу Плути, обдав пленника зловонным дыханием. —

Да кто его знает, Миндип. — Дурацкая улыбка заиграла на толстых губах гоблина. — Может, парень, а может, девка. Ежели глянуть на одежду, мы вроде словили Библиотечного Лыцаря.

Кучкогном соскочил с козел и торопливо подошел к гоблину.

— Ты уверен? — спросил он. — Библиотечный Рыцарь, говоришь? Дай-ка я сам погляжу.

Крат повернулся к напарнику и разжал кулак. Плут и Гильда грохнулись на землю к ногам кучкогнома.

— Не торопись с выводами, Крат, дурная ты голова. В торговле ты вообще не разбираешься. Если он Библиотечный Рыцарь, его можно дорого продать, понял?

Миндип нагнулся и принялся изучать Плута, пока тот лежал, скрючившись от боли, на грязной, заваленной булыжниками дороге.

Когда ухмыляющийся кучкогном оказался лицом к лицу с Плутом, пленник решил не упускать последний шанс. Он вскочил на ноги и вытащил меч.

Но кучкогном только рассмеялся.

— Ну-ну, — хохотнул Миндип. — Теперь я и сам вижу — Библиотечный Рыцарь. Можно не сомневаться, Крат. Бери его, и поаккуратнее, это ценный товар. А я позабочусь о девочке.

За спиной у Плута раздался утробный гогот пучковолосого гоблина. Грозно размахивая плеткой, Миндип двинулся влево. Хлыст просвистел в воздухе — вззык! — и Гильда взвизгнула от боли: конец плетки плотно обернулся вокруг ее шеи.

— Сэр, помогите, — прошептала она, когда гоблин, затянув плеть потуже, потащил ее к себе.

Оглянувшись, Плут увидел, как громоподобный гоблин поднимает руки, готовясь схватить пленника.

— Сэр, уххррр... — задыхаясь, хрипела гоблинша.

Стоны Гильды не трогали кучкогнома. Плут понял, что надо действовать. Оглянувшись через плечо, юноша увидел, как Миндип тащит гоблиншу-утконоса к фургону.

В ту же секунду Крат набросился на пленника... Плут, отчаянно сопротивляясь, прыгнул в сторону и занес меч над головой. Одним ударом он разрубил кожаную плеть, потом, атакуя Миндипа, вонзил клинок ему в живот.

Кровь обагрила каменные плиты мостовой.

Крат застыл, уставясь на раненого Миндипа, на мгновение воцарилась мертвая тишина. Через секунду он, подняв голову, страшно завыл, глядя, как кучкогном, согнувшись пополам и хватаясь за живот, падает на мостовую.

— Миндип! — заорал он. — Ты ранил Миндипа!

Поросшие шерстью уши гоблина дрожали от ярости, глаза налились кровью.

— Беги, Гильда, — успел крикнуть Плут, снова поднимая меч.

Гоблин двинулся на пленника, размахивая тяжелой крышкой люка: металлическая решетка со свистом разрезала воздух, описывая дугу. Плут вздрогнул, ноги его будто приросли к земле...

Хрясь!

Гоблин ударил Плута крышкой люка, и юноша упал наземь. Яркая вспышка света, затем холодный пот и наконец кромешная мгла.

Плут очнулся от толчка. Его куда-то везли: дребезжали колеса и колымага подпрыгивала, попадая в рытвины. Тело ныло, от качки раскалывалась голова. Плут оказался запертым в каком-то рыдване. Вокруг раздавались оханья и стоны.

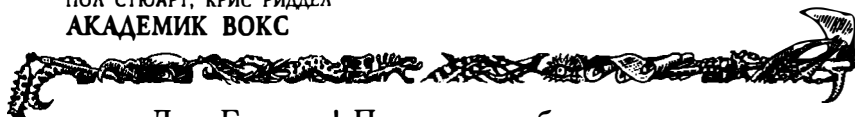
Он медленно открыл глаза. Свет пробивался через плетеную крышу фургона, отбрасывая косые тени на арестантов.

— Эй ты, дубина! Смотри, куда прешь! То яма, то кочка! — послышался грубый голос. — У меня от каждого толчка сердце замирает и кровь хлещет на новый плащ! Это ты во всем виноват, безмозглый тупица!

— Прости меня, Миндип. Я все же поймал его! — ворчливо ответил возница.

Плут приподнялся, опираясь на локти. Голова трещала от боли — он чуть не вскрикнул. Рядом с ним на дне повозки лежал пожилой душегубец, его рыжие волосы давно поседели. Плут осмотрелся. Лица других пленников расплывались, превращаясь в блеклые пятна. У двоих эльфов ушки трепетали, как крылышки лесных мотыльков; громко храпел увалень-дуркотрог; чуть дальше сидело странное существо с чешуйчатой кожей, крохотными трубчатыми ушами и напоминавшим резиновую шину гребнем — от макушки до середины спины.

— Он очнулся, — пробормотал кто-то в фургоне.

— Да... Бедняга! Пришел в себя как раз вовремя: сейчас ему покажут его новый дом. Санктафраксов Лес...

— Если только шрайки не доберутся до него первыми...

Плут вздрогнул, неловко повернувшись. Над головой, высоко в небе, с хриплым карканьем одиноко кружил белый ворон, будто веслами разрезая плотный, густой воздух. Было непереносимо жарко и душно. Плут прикоснулся к левому виску, и пальцы сразу же окрасились полузапекшейся темной кровью.

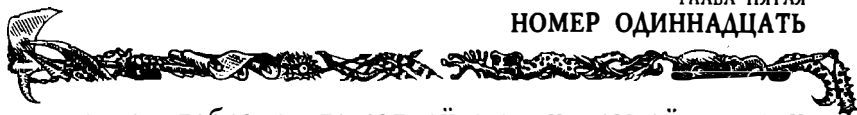
Повозка гроыхала по оживленным улицам. Полуоткрытыми глазами Плут смотрел сквозь поперечные рейки фургона на купцов, разносчиков, вооруженных солдат. Слышался разноголосый шум: грохот колес, какой-то звон, глухие стоны, громкие выкрики и ежеминутный рев клаксонов, от которого у Плута стучало в висках.

— Налево! Налево! — гаркнул кучкогном. — Давай сюда!

Пучковолосый гоблин натянул поводья, и бричка вкатилась в приземистую узкую арку, за ней раскинулась просторная площадь. Движение толпы, резкие звуки, пестрые краски — даже воздух, казалось, дрожал от такой сумятицы. Фургон остановился, и гоблин-возница повернулся к арестантам.

— Поднимайтесь, лентяи! Шевелись, крысиное отродье! — заревел он. — Приехали!

Кучкогном, держась за живот, спустился на землю. Переваливаясь с ноги на ногу и болезненно кри-

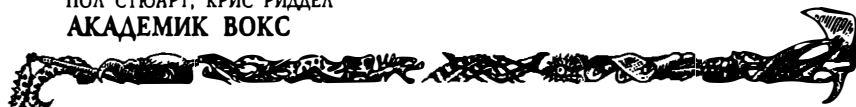
вась, он добрался до задней стенки крытой повозки и отпер дверь. Пучковолосый гоблин, зажав в кулаке огромную палицу, забрался внутрь фургона. Плут беспомощно смотрел, как он вытаскивает за ноги старика душегубца.

Потом пучковолосый гоблин занес волосатую лапищу над ним, но Плут отстранился.

— Я сам выйду, — пробормотал он.

Однако, встав на ноги, Плут почувствовал сильное головокружение, кровь струей потекла из раны на голове, и он потерял сознание.

— Не будь ты таким ценным экземпляром, я бы давно перерезал тебе глотку, — гавкнул кучкогном, морщась от боли. Поставив галочку против имени Плути в берестяной ведомости, он позвал гоблина: — Эй, Крат, давай тащи его!

Пучковолосый громила схватил Плути за грудки и поволок. Когда гоблин вынимал его из колымаги, он ударился головой о притолоку. Потом Плути бросили на землю. В висках у него пульсировало, ноги не слушались.

— Этого — туда! — рявкнул кто-то, и два плоскоголовых гоблина схватили юношу под руки и повели прочь.

Мостовая горела у Плути под ногами. Гул на площади разрастался. Он слышал гневные окрики, вопли отчаяния, беспрестанный вой клаксонов все перекрывал.

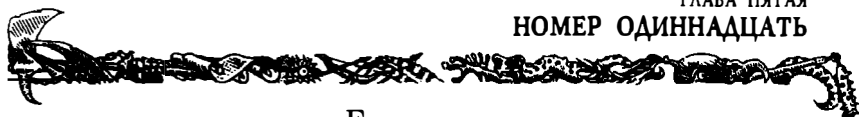
Стражники остановились.

— Вот и пришли, — громко сказал тот, что был слева. Плуту показалось, что в его голосе прозвучали уважительные нотки. — Библиотечный Рыцарь!

— А по нему не скажешь, — добавил другой. — С ним что-то не так...

— Оставьте его мне, — вмешался кто-то третий.

Пытаясь сконцентрироваться, Плут изучил фигуру, возникшую перед ним. Это был молотоголовый гоблин. Его лицо, покрытое шрамами, постоянно меняло свое выражение: оно то расплывалось, то как-то концентрировалось. Глаза бегали, а складки кожи на ушах дергались взад-вперед. Плут едва держался

на нетвердых ногах. Его мучила изжога, голова кружилась. Площадь мельтешила перед глазами.

Молотоголовый гоблин потащил Плута за руку.

— Это Крат его так обработал, точно тебе говорю, — произнес кто-то.

— Не знаю, что он с ними делал... — сказал другой.

Какая-то гора нависла над Плутом, он различил занесенную над ним руку и вздрогнул. Ему показалось, что в кулаке громилы зажат кинжал — с кинжала капала кровь! Неужели ему перережут горло?

Плут хотел закричать и не смог издать ни звука.

Нож опустился. Это не было холодное оружие, а всего лишь кисть, с которой стекала красная краска. Два взмаха — мазок по груди, потом другой, — и на летной форме Плута появились вертикальные огненные полосы.

— Номер одиннадцать, — раздался голос, и Плута грубо толкнули в спину.

Земля, завихряясь и раскачиваясь, плыла перед глазами. Плута куда-то тащили. Он слышал странный звук — металлический скрежет и звяканье. Подняв глаза, увидел нависшее над ним какое-то хитроумное приспособление, расплывающееся радужным пятном. Ряд изогнутых крюков ослепительно сверкал на полуденном солнце: идущие ровной чередой по кругу, они были прикреплены к мощной цепи, она кольцом обегала вокруг деревянных столбов на высоте трех-четырех метров. На высокой скамье сидели плоскоголовые гоблины и крутили педали. Когда гоблины нажимали на педаль, цепь вместе с крюками начинала вращение.

Жесткие лапищи схватили Плута и рывком подняли в воздух. Он почувствовал, как трещит кожа летной куртки, когда ему за шиворот сунули крюк, острый конец которого чуть не продырявил ему затылок. Лапищи разжались, и он понял, что висит на крюке, болтая ногами в воздухе, а цепь совершала свой оборот вокруг столбов.

До ушей Плута доносились оскорбительные выкрики, нецензурная брань: зрители в толпе толкались, награждали друг друга тумаками, протискиваясь поближе к площадке, где на цепи вращали пленников. Лес рук, множество клювов, шпор и когтей... Цепь, дернувшись, перестала вращаться, и Плут увидел, как озверелое скопище зрителей бросилось к кому-то из пленников.

— Номер девять. Продается дрыготрог. Плечи широкие и сильные, зубы короткие. Идеально подходит для гужевых работ: можно впрягать и в телегу, и в бричку, и в дилижанс. Всего пятнадцать золотых...

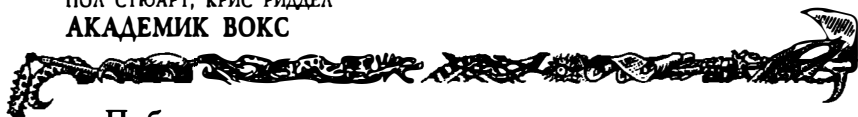
— Я беру его! — заорал кто-то.

— Продано! Он ваш, сэр. — И сразу взвизгнул клаксон.

Рывок — и цепь снова двинулась. Плут беспомощно болтался в воздухе, как плохо выстиранная рубашка на веревке для сушки белья.

— Номер десять. Кто купит плоскоголового гоблина? Хорошее приобретение для дома: самец, в самом расцвете сил... Можно использовать на тяжелых строительных работах.

Публика заволновалась.

— Продано! — Пронзительный гудок разнесся по площади. — Продано гоблину с повязкой на глазу!

Плут поежился. Через несколько секунд и он пойдет с молотка. Работоторговец, подвесивший его на крюк, расхваливал свой товар.

— Номер одиннадцать. Молодой, здоровый, крепкий. Академик. Библиотечный Рыцарь, ни больше ни меньше. Отличный экземпляр, высшего качества, посмотрите сами!

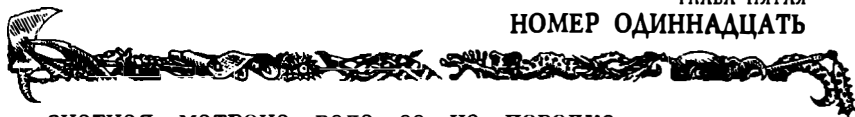
Навозные мухи роем кружились вокруг головы Плута, садились ему на губы, ползали вокруг глаз, жадно присасываясь к капелькам пота. А Плут, висевший на крюке, даже не мог отмахнуться, будучи не в состоянии поднять руку. Он морщился, отплевывался и ничего не мог поделать — злые насекомые терзали его. Плут устало закрыл глаза.

— Ну как тебе он? Нравится? — слышался чей-то скрипучий голос.

— Да не знаю, хозяйка, — прозвучал визгливый ответ. — Не будет с него никакого проку. Он и так уже еле дышит.

Плут с усилием разлепил веки и увидел двух долговязых шраек: одна — элегантная дама с пурпурным хохолком и костяной плеткой, другая — по виду компаньонка или служанка, с коричнево-серым оперением,

знатная матрона вела ее на поводке. Повернувшись прочь, роскошно одетая шрайка задрала клюв и принялась.

— Пошли, Марл, — сказала она, дернув за поводок. — Слишком дорого.

Плут с облегчением вздохнул, наблюдая, как пышнотелая шрайка со свирепыми желтыми глазами и острыми когтями удаляется прочь. Но юноша рано успокоился. Когда птицеподобные чудовища покинули торги, перед Плутом предстала мрачная фигура в черном плаще с белой эмблемой, на которой был изображен скалящийся Хрумхрымс.

— Сколько? — спросил Страж Ночи тонким дребезжащим голосом.

— Только для вас, сэр, семьдесят пять, — откликнулся торговец.

— Тридцать, — объявил Страж. — Он полуживой, а мой хозяин, Верховный Страж Ночи, предпочитает здоровых Библиотечных Рыцарей.

— Шестьдесят, — твердо ответил торговец. — Меньше не возьму.

— Ну что ж... — задумался Страж Ночи, лицо которого тонуло в складках капюшона.

У Плута холодный пот выступил на лбу. Его продали Стражам Ночи! Нет, не может быть! Только не это! Что угодно, только не это! Реальность уплывала от него все дальше и дальше. В изнуряющей духоте Плуту казалось, будто все это происходит не с ним,

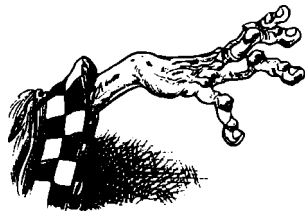

а он, Плут, лежит в гамаке, уютно завернувшись в теплое одеяло...

— Семьдесят! — сказал кто-то.

— Продано!

Плут приоткрыл глаза. Рядом с работорговцем стоял покупатель, одетый в расшитый плащ с капюшоном. У него были крупные уши и печаль-

ные глаза, ладонь с растопыренными костлявыми пальцами напоминала жука-богомолы. Он поочередно рассмотрел руки Плута — сначала левую, потом правую, — задумчиво поскреб мозоли, изучил ногти, исследовал каждую косточку на пальцах и даже пощупал манжеты кожаной куртки.

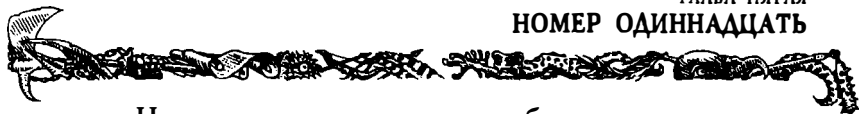
— Годится, — объявил покупатель. — Пусть его доставят ко мне.

Послышался звон золотых монет, и работорговец надавил на клаксон.

— Номер одиннадцать! — крикнул он. — Продан Гестере Кривошип!

Тотчас же Плута сняли с крюка и опустили на землю. Ноги у него подгибались, но теперь он хотя бы мог свободно дышать: ворот кожаной куртки уже не впивался ему в горло.

Не успел Плут глазом моргнуть, как его подхватили дюжие детины, бросившиеся к нему по зову клаксона. Они проволокли его сквозь толпу и бросили наземь перед начальником колонны, таким же молотоголовым верзлой, как и они.

— Номер одиннадцать, — объявил начальник, возглавлявший караван рабов, оглядев Плута, и сделал пометку в блокноте. — Полный комплект. Поставьте его в самый конец цепи.

Плута потащили вдоль колонны несчастных созданий, скованных одной цепью и с деревянными колодками на шее. Когда замок на колодке защелкнулся, Плут понял, что он потерял свое «я». Он стал никем. Кто-то купил его как вещь, и он, Плут Кородер, перестал существовать. Теперь он имел только номер. Раб на цепи...

Начальник колонны щелкнул плеткой.

— Вперед! — гаркнул он.

Колонна рабов двинулась. Сначала они шли, спотыкаясь и шаркая, но мало-помалу их поступь обрела ритм. По обеим сторонам растянувшейся цепи пленников маршировали вооруженные охранники, отдавая громогласные приказы и щелкая хлыстами. Плут плелся вслед за остальными, еле переставляя ноги; шею стиснула деревянная колодка. Шум невольничьего рынка постепенно затихал, а впереди грозно маячила Санктафраксова скала с остроконечными пиками Ночной Башни на вершине.

Плут застонал. Его опять тащили туда, откуда он пришел. В Санктафраксов Лес. Скорее всего туда.

На него накатила тяжелая волна дурных предчувствий: что ждет его впереди? Как и всех невольников, шагавших в караване, его заставят трудиться до полного изнеможения на строительстве подпорок для крошащейся Санктафраксовой скалы. Плут

судорожно ощупал замок на деревянной колодке, пытаясь открыть его, но тщетно. Спасения не было. С того самого момента, как он принял решение уйти от преследователей через люк, где попал в ловушку, жизнь его полетела кувырком.

Земля была сухой от жары, воздух раскаленным. Плут бросил взгляд на прохладное голубое небо, где он еще недавно летал на своем верном «Буревестнике». Сердце было переполнено восторгом от вольного полета, свежего ветра, дующего ему в лицо, и тогда он даже представить себе не мог, как туго тем, кого вели на цепи.

«Теперь я один из них. Точка на поверхности земли», — мрачно подумал Плут.

Погруженный в печальные мысли, Плут не заметил, как невольничий караван свернул с центральной дороги, ведущей к реке. Только когда надсмотрщик заревел «Стой!», юноша понял, что находится в одном из самых богатых районов Нижнего Города. Здания были высокими и нарядными, и хотя пора расцвета безвозвратно миновала, здесь явно чувствовались следы былой роскоши и красоты.

— Пришли, — рявкнул надсмотрщик. — Отцепите одиннадцатого.

Плут сморщил лоб. Одиннадцатый? Да это же он! Кто же купил его?

Рабы жалобно стонали, звеня цепью.

— Стоять смирно! — заревел надсмотрщик, угрожающе поднимая хлыст.

Несчастные замерли.

Плоскоголовые гоблины отомкнули замок на колодке и поволокли Плута к маленькой двери в глухой стене высоченного сооружения. С первого взгляда Плут узнал здание. По фасаду гигантского строения, облупившегося и исцарапанного, на каждом выступе, на круговом цоколе, в каждой нише стояла статуя — десятки фигур на каждом этаже.

Дворец Статуй. Он выглядел совсем иначе, чем с воздуха: более величественным и более зловещим, — но ошибки быть не могло.

— Шевели ногами! — пробурчал плоскоголовый, ткнув Плута кулаком в спину.

Плут споткнулся о камень, лежавший у него на пути, и распростерся на жесткой мостовой.

Стражник схватил Плута за шиворот и рывком поднял на ноги. Дав пинка, препроводил к двери, и все же Плут успел разглядеть, обо что он споткнулся.

На земле валялся раздробленный памятник одного из старейших членов Лиги, статуя упала с площадки верхнего этажа, тесно уставленной каменными изваяниями. Пустые, незрячие глаза патриарха глядели на Плута.

«Ты похож на меня, — подумал Плут. — Я тоже упал с высоты на землю».

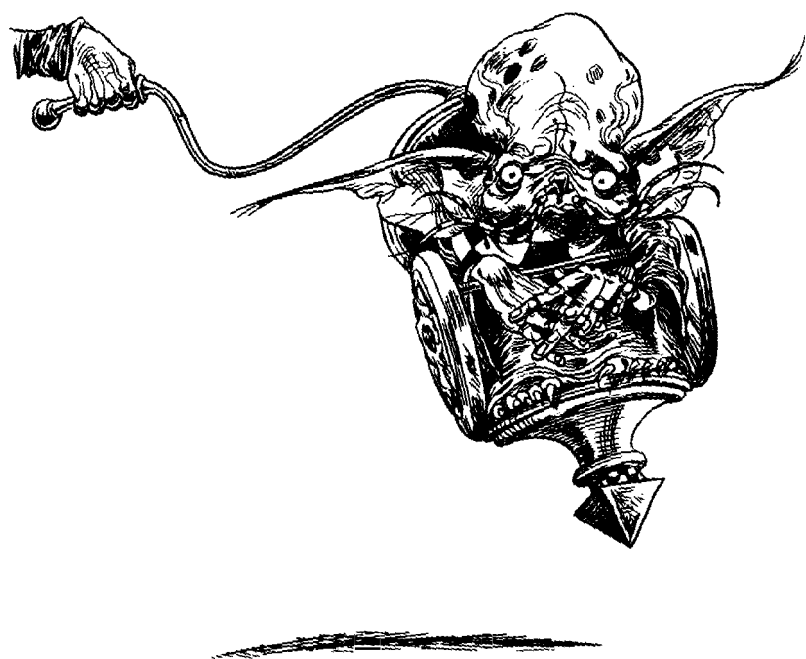
Со скрипом отодвинулись засовы на внутренней стороне двери. Сперва нижний. Потом верхний. И дверь распахнулась с мягким щелчком.

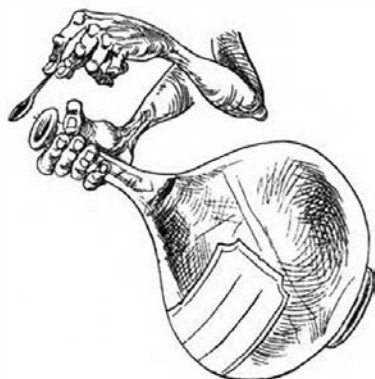

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ГЕСТЕРА КРИВОШИП

а дверью, перед которой стоял Плут, зиял черный проем. Почему его привели сюда, в старинный Дворец Статуй?

Из крошечной тьмы высунулась костлявая рука с узловатыми пальцами и зазубренными желтыми когтями. У Плути комок застрял в горле, когда его схватили за запястье и потащили... Вокруг царила мертвая тишина. Противоестественная, давящая, она стучала у Плути в ушах, после ослепительного солнца глаза никак не могли привыкнуть к полумраку напоминающего пещеру зала. После изнуряющей жары и духоты на улице воздух здесь был прохладен и свеж.

Плута держали за руку железной хваткой.

Перед ним стоял гоблин преклонных лет, тощий, сутулый, с глубокими морщинами на лбу и седыми кисточками на ушах. На первый взгляд старик еле держался на ногах, но он явно обладал силой и властью.

— Номер одиннадцать, не так ли? — пробормотал старик, разглядывая цифры, намалеванные на куртке Плути. — Сейчас Костоглот отведет его на кухню.

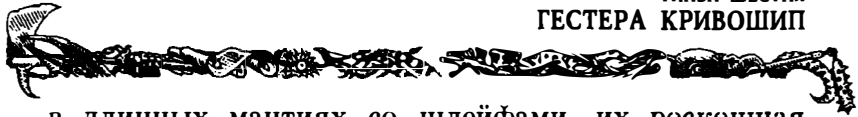
Костоглоту не нужны неприятности. Костоглот делает то, что ему велят.

Гоблин махнул рукой, жестом приказав Плуту следовать за ним, и зашагал по прохладным мраморным плитам, выстилавшим приемный зал.

Когда глаза Плути привыкли к призрачной игре теней в полутемном помещении — лучики света проникали сюда лишь сквозь щели наглухо закрытых ставней, — он увидел статуи, сотни статуй, изваянных мастерами разных эпох. Несметное полчище фигур, водруженных на рифленые пьедесталы и фестоначатые постаменты, теснилось по всем четырем стенам зала; скульптуры прятались в альковах и нишах, украшали парадную лестницу, маячили на высокой балюстраде.

Каждый монумент здесь, подобно тем, что размещались на фронтоне, был создан в честь какого-либо члена Лиги. Возле Плути стоял низенький тучный купец, сжимающий в руке обрывок выточенной из мрамора веревки, — вероятно, она символизировала товар, на котором предприимчивыйделец нажил свое состояние; другая скульптура изображала звездочета, приставившего к глазу подзорную трубу, третья — охотника с ежеобразом у ног. Все как на подбор были

в длинных мантиях со шлейфами, их роскошная одежда с пуговицами из драгоценных камней, меховыми воротниками и кружевными манжетами сверкала белизной. Идолы уставились на Плута немигающими глазами, и юноше показалось, что статуи насмешливо прищуриваются, кривя губы в ухмылке.

— Они следят за стариком Костоглотом, — проворчал гoblin себе под нос, подталкивая Плута. — Они следят за тобой, старик, поджидая удобного момента, чтобы свалиться тебе на голову, когда ты этого совсем не ждешь. Только Костоглот не дурак. Его на мякине не проведешь. — И гoblin из всех сил пихнул Плута в спину.

На теряющихся во мраке статуях, догадался Плут, были вовсе не плащи и не мантии — все фигуры были опутаны серой паутиной, на которую осела стародавняя пыль. Паучья сеть оплетала пальцы, свешивалась, как истрепанная кисея, с простертых рук, густой вуалью укутывала лица.

Они с Костоглотом добрались до противоположного конца зала, гoblin приблизился к обитой панелями двери, врезанной под приземистой аркой. По обе стороны ее возвышались каменные стражи, плотно укрытые паутиной. Костоглот нащупал ручку и из всех сил навалился на тяжелую дубовую дверь. Наконец дверь поддалась.

— Проходи, номер одиннадцать, — хмыкнул гoblin. — Нехорошо заставлять ее ждать! Гестера Кривошип этого не любит! Костоглоту это хорошо известно! Да, да, очень хорошо...

Плут, оступившись, шагнул вперед и оказался на площадке лестницы, круто сбегающей вниз.

— Ступай туда, — скомандовал Костоглот, — по ступенькам. Гестера тебя ждет.

Дверь захлопнулась. Юноша глянул в проем лестницы. Там теплился ядовито-оранжевый свет. Вцепившись в перила покрепче, Плут на подгибающихся от страха ногах стал спускаться вниз.

Все ниже и ниже уводили его ступени в мрачные дворцовые подземелья. Он шагал по осклизлым, истертым деревянным доскам — грубым поперечинам, вмонтированным в каменные подпорки здания. Ступени скрипели, вибрируя под ногами, и Плуту приходилось идти очень осторожно, чтобы не потерять равновесие. Чем ниже он спускался, тем горячее становился воздух, насыщенный странными испарениями. Едкие, пахучие ароматы менялись с каждым шагом: то несло кислятиной, то веяло металлом, — и каждый новый запах смешивался с дымом, закрывавшим густой пеленой еле тлеющий оранжевый огонек.

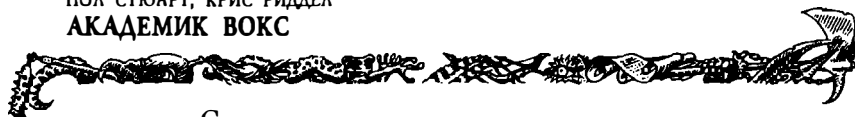
Дойдя до последнего пролета, Плут глянул наверх и изумился, как глубоко он спустился по шатким ступеням. Верхняя площадка лестницы терялась в темноте, и дубовой двери не было видно. Просто чудо, что он не сломал себе шею. С замиранием сердца Плут миновал последнюю ступень и оказался в просторной кухне, где что-то варилось на огне. В подземелье потолок был укреплен замысловатым арочным перекрытием, опирающимся на кирпичные ко-

лонны, жарища была невыносимая. В дальнем углу кухни полыхало желто-оранжевое пятно.

Плут увидел длинный разделочный стол, поверхность которого была безобразно изрезана и исцарапана ножами многих поколений поваров. Стол был беспорядочно заставлен всяческой кухонной утварью. Ложки, половники, ступки с пестиками, груды подносов, весы, ножницы, пузырьки с настойками и баночки с жирными мазями, коробочки, мензурки, вертела и шпажки для мяса, большие ножи и сечки, линейки, воронки, свечи и пипетки...

В кухне тоже был страшный кавардак. Пол был завален мешками и заставлен корзинами с дарами Дремучих Лесов — от сушеных крылышек зубогрыза до скукожившихся шарообразных плодов гнойничкового мха. Пучки трав, связки листьев, сухие букеты из ветвей цветonoсных кустарников были развешаны по стенам. Повсюду громоздились буфеты, шкафчики

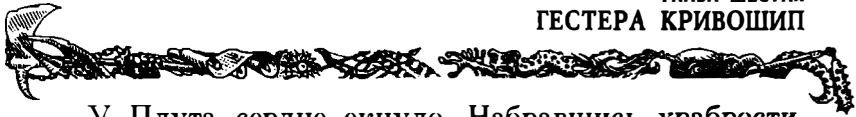

и горки. Стеллажи, полки и этажерки ломились от заполненных по самое горлышко бутылей, флаконов и фляг, все они были запечатаны или закрыты пробками, и на каждой красовалась наклейка. В одних сосудах хранилась нарезанная кусочками кора, на наклейках торопливым паучьим почерком были сделаны надписи, с какого дерева она снята: летучее дерево, свинцовое дерево, колыбельное дерево, росистая ива, дуб-кровосос... В других лежали ягоды — сушеные, соленые, маринованные, залитые маслом. Третьи были до отказа забиты орехами, семенами и листьями — от остроконечных серых овальчиков ползучего лесного чабреца до сердцевидных широких пластин сладко пахнущей, но чрезвычайно опасной и ядовитой черной лавровишни.

Плут, задумавшись, наморщил лоб. Зачем эта смертельная отравка на кухне? Медленно обходя поварские владения и пристально разглядывая содержимое полок и шкафчиков, он увидел и другие подозрительные предметы. Корзинка с ядовитыми розовыми яблоками сердечком, плоская бутыл с царап-ягодами, дюжина их может убить даже ежеобраза... Кухня была царством злой ведьмы-отравительницы!

Тут над ухом Плути раздался писклявый, лстиво-слащавый голосок:

— Кто там бродит по моей кухне? Это ты, Костоглот? Сколько раз я предупреждала, чтобы ты не смел лазать по моей кухне, мой драгоценный? Ты что, хочешь, чтобы у тебя опять заболел животик, мой дорогой?

У Плута сердце екнуло. Набравшись храбрости, он пошел на голос и увидел гигантских размеров печь с круглой, выпирающей вперед, как пивное брюхо, топкой. Ее стеклянная дверца мигала, напоминая чудовищных размеров оранжевый глаз. Внизу печи была заслонка, и из поддувала торчали огромные мехи с украшенными резьбой ручками, а по стене в отверстие у потолка уходила коленчатая труба. Справа от очага громоздилась поленница дров, рядом на пол были брошены пилы и топоры. А дальше...

Плут открыл рот от изумления.

Он увидел массивные блестящие колбы на жарких горелках, из-под них вырывались желтые языки пламени. Жидкость, заполнявшая колбы, булькала и клокотала. От каждого сосуда вилась стеклянная трубка, пересекающаяся с другими. Хаотичный лабиринт отводков, дублирующих друг друга, заканчивался ровным рядом трубок внизу агрегата: из всех отверстий по капле сочилась влага, постепенно заполняющая реторты. Плут прикоснулся пальцем к медному кранику, ввинченному в трубу.

— Ничего не трогай, золотко, — сладко засюсюкал кто-то. Плут обернулся. — Подойди сюда, дай мне на тебя поглядеть, мой драгоценнейший.

Из-за лабиринта трубок показалась старушка с морщинистым лицом. Плут узнал ее: она приценивалась к нему на невольничьем рынке. Приземистая, дородная гоблинша с сероватой кожей и свинцовыми веками. На ней было клетчатое платье, напоминавшее шахматную доску, заляпанный передник и круглый

белый колпак — такие головные уборы были в чести у пожилых матрон. В одной руке она держала откупоренную бутылку, в другой — мерную ложечку и пристально глядела на юношу.

— Вы — Гестера Кри... Кривошип? — запинаясь спросил он.

— Ты не ошибся, деточка, — ответила старушка. — Подожди-ка минутку. Видишь, я занята. Мне нужно сосредоточиться.

Она засыпала в бутылку ложку красного порошка через узкое горлышко. Потом еще и еще, считая вслух:

— Раз, два, три... шесть, семь, восемь...

Остановившись, старушка заткнула бутылку пробкой и хорошенько потрясла ее, а потом поднесла к свету. Бесцветная жидкость окрасилась красным. С довольной улыбкой Гестера взяла в руку перо, окунула его в чернильницу и быстрым паучьим почерком, с которым Плут уже имел счастье познакомиться, написала на этикетке слово «забвение».

— Забвение? — удивленно пробормотал Плут.

— Это тебя не касается, дорогой мой, — произнесла Гестера и, поставив бутылку, обошла стол.

— Дай-ка я на тебя посмотрю, любезный. — Она вытащила его к свету и принялась тыкать и щипать острыми пальцами. — Худощавый, но сильный, — подытожила она. — Думаю, ты мне сгодишься. — Ее крохотные глазки сузились еще больше, когда она склонила голову набок. — Тебя сильно избили, дорогой мой? Головушка болит?

Плут кивнул.

Гестера подошла к нему и положила ладонь на лоб юноши. Рука у нее была сухая, как кусок пергамента, и освежающе холодная. Она повернулась к нему спиной и принялась хозяйничать: Плут услышал звон стекла, бульканье и позвякивание металлической ложечки. Вернувшись, старушка протянула ему бокал с пенящейся зеленой жидкостью.

— Выпей это, лапушка, — приказала она.

Плут со страхом посмотрел на напиток. Что там намешано? Может, ему подали нектар из смертоносного розового яблока? Или сок царап-ягоды?

— Ну давай пей, — уговаривала Гестера, насильно сунув стакан ему в руку. — От этого не умирают.

Плут поднес бокал ко рту и глотнул. Вкус у напитка был изумительный, со сложным ароматом: соновый имбирь, скальный лимон, колоколица и лист аниса...

— Вот и хорошо! — похвалила Гестера. — Пей до последней капли!

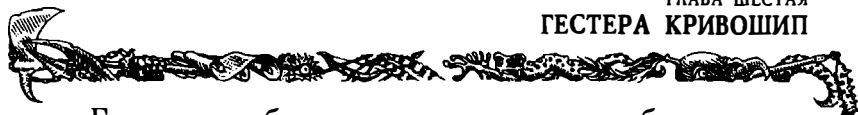
Живой ток побежал по жилам Плути, и он ощутил прилив сил. Когда осушил бокал до дна, голова перестала болеть и он почувствовал себя здоровым и сильным. Отерев губы ладонью, Плут поставил пустой бокал на стол.

— Удивительно! — воскликнул он. — А что это?

— Ничего особенного, такой отвар, — ответила Гестера, прикоснувшись ко лбу юноши. — Ну как мы себя чувствуем? Получше?

Плут кивнул:

— Намного лучше, большое спасибо.

Гестера улыбнулась, и в глазах у нее блеснул не-
добрый огонек.

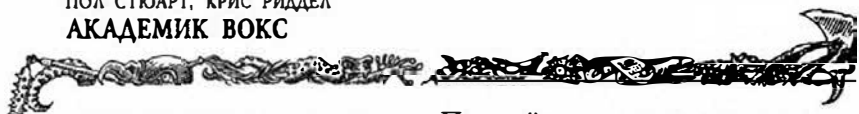
— Очень хорошо. Значит, теперь ты можешь ра-
ботать. Иди разведи огонь в печке! — Она направи-
лась к пузатому очагу. — Посмотри! — сказала она. —
Огонь еле теплится, и он стал оранжевого цвета.
Оранжевого! Печкой никто не занимается, и вот уже
трое суток, как она без присмотра. С тех самых пор,
как пропал Хафнот. Давно пора ее хорошенько про-
топить. — Она поплотнее закуталась в шаль. — В кух-
не холод собачий. Разве ты не чувствуешь, как тут
промозгло, золотце мое? У меня даже зубы стучат...
Иди топи печку! Не жалея дров, жги, пока она не
раскалится докрасна! Я люблю, когда у меня на кух-
не тепло, дорогуша моя.

Плут вытащил полено из кучи и понес его к тле-
ющему очагу, но странный внутренний голос оста-
новил его: «Не торопись, юный истопник!»

Плут замер, и полено вывалилось из рук, бряк-
нувшись на пол. Ему показалось, будто кто-то при-
коснулся ледяными пальцами к затылку, порылся
в мозгу, отключив сознание, — в глазах потемнело, и
Плут перестал что-либо соображать.

— Я всего лишь попросила его подкинуть дрови-
шек в печь, дорогой мой, — возмущенно защищалась
Гестера. — Что тут плохого, Амберфус? У меня в кух-
не настоящий ледник! Ну скажи ему, Фламбузия, —
настоящий ледник!

Неприятные ощущения у Плути пропали. Он
обернулся и увидел у себя за спиной две фигуры,

выплывающие из мрака. Первой вышла дама, массивная и неповоротливая, — вероятно, из рода дуркотрогов, — она казалась еще выше ростом из-за бо-

соножек на высокой платформе и огромного колпака с оборками на голове. На ней было пышное платье с многочисленными складками, которые колыхались и подрагивали от жара раскаленной печи. Дама толкала перед собой кресло на воздушной подушке, в нем сидел древний, похожий на призрака старик — эльф. Он был горбат, и руки у него дрожали от старости,

а бесцветное лицо было испещрено оспинами и родимыми пятнами. Взор у эльфа был тусклым, веки полуприкрыты.

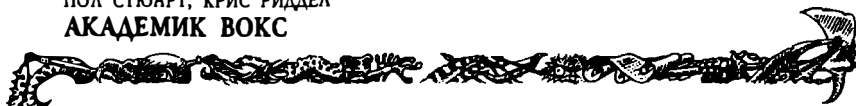
— Моя дорогая Гестера Кривошип, — хрипло каркнул он, и его дряблые ушки и поникшие усики задрожали. — Сколько раз я должен говорить тебе одно и то же? Нельзя пренебрегать мерами предосторожности! Если вы идете на невольничий рынок и покупаете там какого-нибудь раба, пожалуйста, прошу вас в сотый раз, немедленно показывайте мне свое новое приобретение! — Обвислые щеки эльфа раздувались от гнева.

— Я и хотела это сделать, дорогой мой, — сказала Гестера, подталкивая Плута к крохотному эльфу. — Его только что доставили, и я не успела... Кроме того, на кухне такая холодрыга... Вот я и подумала: пусть он сначала протопит печку, а потом...

— Нет, нет и нет, Гестера! Никаких потом! — Тяжело дыша, эльф в изнеможении откинулся на спинку кресла. Его спутница, Фламбузия, стала хлопотать вокруг него.

— Милосердные Небеса! Неужто вы опять завелись! А сколько раз я говорила вам, что вам нельзя нервничать! — Она вынула из объемистого рукава носовой платок и обтерла потный лоб Амберфуса. — Если нянюшка говорит вам нельзя, значит, нельзя. Это может повредить вашему здоровью. Нянюшка лучше вас знает, что полезно, а что нет.

Эльф прикрыл глаза. Ушки у него продолжали подрагивать. Постепенно эльф успокоился, дыхание стало ровным.

— Ты права, Фламбузия, — наконец произнес эльф, отрывисто, со свистом выговаривая слова. — Это она... — Эльф махнул костлявой рукой, указывая на Гестеру. — Она вывела меня из себя. Она думает, что для нее закон не писан...

Гестера сложила руки на груди.

— Вот он, перед вами, — буркнула она. — Так чего же мы ждем?

— Подведи его поближе, — устало пробормотал Амберфус.

— Ступай, деточка, — сказала Гестера, дав Плуту хорошего пинка.

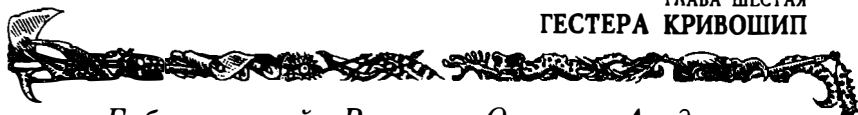
Едва удержавшись на ногах, Плут сделал несколько шагов по мощенному плитами полу к воздушному креслу. От больного старика исходил тошнотворный дух: запах лекарств смешивался с кислым запахом черствого хлеба, и когда эльф пригнулся, чтобы рассмотреть пленника, вонь стала нестерпимой.

— На колени! — прохрипел эльф.

Плут выполнил приказ. Эльф, схватив юношу за шиворот, подтянул его к себе и уставился прямо ему в глаза. Во второй раз Плут почувствовал, как у него в голове звенят льдинки.

«Пусти меня, — нашептывал ему кто-то. — Пусти меня внутрь, Плут Кородер, Библиотечный Рыцарь».

Перезвон усиливался. Плут оцепенел: мозг его сковал холод, ледяные пальцы шарили по извилинам, будто читая его мысли, пролистывая прошлое, как книгу.

«Библиотечный Рыцарь... Озерная Академия, — четко прозвучало в голове. — Небоход „Буревестник“, идущая буря, рябь на озере...» Древний эльф прикрыл глаза, откинувшись на спинку кресла. *«Помощник библиотекаря... — Голос стал громче, настойчивее. — Мальчик, обслуживающий кабинки-читальни, ассистент, вращающий лебедку... Глубокое, глубокое горе...»* Эльф крепко схватил Плута за рукав и притянул к себе. *«Слезы... Боль... Дурные сны...»*

Плут содрогнулся.

«Давай сотрем все воспоминания, — продолжал тот же голос. — Пусть они уйдут навсегда. Отдай их мне. Пусть все беспокойные мысли оставят тебя навеки...»

У Плута потемнело в глазах: воспоминания потихоньку уплывали, одно за другим. Скоро ему не оставят ничего!

— Нет! — отпрянув, простонал он, не давая холодным пальцам рыться в его мыслях.

«Даже не думай бороться со мной!» — снова прозвучал все тот же скрытый голос, и Плут почувствовал, как пальцы напряглись, все глубже проникая в его память.

На мгновение Плут поддался искушению: может, подчиниться приказу эльфа? Сдаться, чтобы скорее прекратить эту пытку, — лишь бы только холодные как лед пальцы перестали копать в мозгу! Но если он не будет бороться за себя...

Его память теперь напоминала голую степь, занесенную снегом. Впечатления, мысли, чувства, казалось, брели по пустынной равнине, где их тотчас же

подхватывали цепкие пальцы, превращая в глыбы льда.

«Я должен спрятаться от холодных пальцев, — сказал себе Плут. — Найти укрытие. Я — Плут. Плут Кородер...»

Как яркий прожектор, мысли, навязанные эльфом, проникали в самые дальние закоулки сознания, в тайные щели и дыры, открывали наглухо запертые двери.

Плут, не вставая с колен, раскачивался из стороны в сторону, голова у него болталась, как на стельке. В кухне было невыносимо жарко и душно, пылала печь, и в воздухе носились гарь и копоть.

Но мозг у Плута был заморожен: холод сковал его сознание, а ледяные пальцы тем временем погружались глубже и глубже.

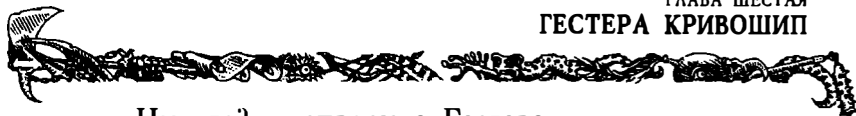
«Я... я — Плут...»

Бурный ветер унес все воспоминания, считая последние снежинки мыслей. «Плут... Я — Плут...» Он бежал, спасаясь от пальцев, похожих на щупальца, и неожиданно оказался в объятиях у какого-то существа, мягкого и теплого. Что-то всплыло из детства, воспоминаний. Толстолап! Его толстолап!

Могучая толстолапиха предупреждающе прижала лапу к губам, унесла его в берлогу, выстеленную мхом, и крепко прижала к поросшей шерстью груди. Плут, свернувшись калачиком, зарылся в складках теплой шкуры огромного животного.

Теперь его не найдут! Он спасен. Он в безопасности.

Резко качнув головой, Амберфус выпрямился и распахнул глаза.

— Ну что? — спросила Гестера.

— Думаю, теперь из него можно будет веревки вить, — отвечал эльф, пока Фламбузия промакивала платочком влажный от пота лоб старца. — Его мозг чист. Как говорят, гладкая доска. — Он, нахмурившись, раздраженно отогнал от себя няньку. — А какой это был великий разум! Могучий ум. Конечно, обидно отбирать смелые помыслы и благородные воспоминания у такого храброго молодого человека, но... Я думаю, Гестера, ты научишь его заново всему, что нужно, особенно если будешь с ним обращаться как... кхак, кха, кха... со всеми остальными...

Приступ кашля заглушил его слова. Лицо эльфа исказилось от удушья.

Фламбузия легко похлопала его по спине.

— Ну что это вы... — сокрушалась она. — Опять перестарались...

— Лекарство... — прохрипел Амберфус. — Где мое лекарство? Кашель возобновился с новой силой.

— Сейчас, сейчас, — с готовностью ответила нянька, хватаясь за ручку кресла и утаскивая больного прочь. Прежде чем исчезнуть из виду, она обернулась и одарила Гестеру широкой улыбкой.

— Не знаю, что бы мы делали без вашего снадобья, — сказала она.

Когда нянька с эльфом покинули кухню, Гестера переключила свое внимание на Плута. Он все еще стоял на коленях, повесив голову и тупо уставившись в пол. Она взяла его за подбородок правой рукой, одновременно щелкая пальцами левой руки.

— Надеюсь, Амберфус не зашел слишком далеко, — пробормотала она. — Я такое вижу уже не в первый раз... Встать! — рявкнула хозяйка кухни.

Плут с усилием поднялся.

— Слушаюсь, — покорно повиновался он.

— Отлично, — буркнула Гестера. — А теперь ты должен трудиться, чтобы заработать себе на пропитание. Марш к печке! Разведи огонь, и пожарче!

— Слушаюсь.

— Очень хорошо, — кивнула Гестера. Натянув на руку тяжелую рукавицу, она открыла дверцу печи. Из-за заглушки вырвался знойный вихрь, и в нос Плуту ударил резкий запах серы. Юноша зажмурился, но не проронил ни звука. — Очень, очень хорошо, — повторила Гестера. — Амберфус поработал на славу. Великолепно!

Плут стоял как вкопанный около огнедышащей печи, застывшими глазами уставясь на пламя. В голове у него было пусто. Абсолютно пусто. Он не мог сообразить, что ему следует делать дальше.

— Дрова, — произнесла Гестера. — Бери дрова из кучи и носи к печке.

— Слушаюсь.

Плут подошел к высоченной поленице, взял массивный чурбак — дерево было чуть не вдвое тяжелее его самого — и перетаскил через кухню, постанывая и кряхтя от напряжения. Перед топкой Плут остановился, вонзил пальцы в грубую кору

и, набрав в грудь воздуха, поднял чурбак над головой. Несколько секунд тот опасно балансировал на краю топки, грозя обрушиться и раздавить Плу-

та, затем провалился в жерло печи на тлеющие угли.

— Порядок, — отметила Гестера. — Теперь качай мехи: вверх-вниз, вверх-вниз... Правильно.

А теперь снова беги за дровами. Тащи еще полено, и еще, и еще... Будешь носить, пока я не скажу тебе: «Хватит». Понял?

— Да, понял.

Ломило спину, Плут без остановки бегал взад-вперед, перетаскивая тяжеленные чурбаки и запихивая дрова в печь. С каждой новой порцией огонь разгорался жарче и жарче. Пламя обжигало лицо, опаляло волосы. Горячий воздух распирал легкие...

А в голове у Плути раскинулась обледеневшая пустошь, неподвластная языкам пламени. Тело его страдало, но сознание оставалось глухим ко всему в окружающем мире, кроме голоса Гестеры.

— Еще полено! — прошипела хозяйка. — И потопись! Ты еле шевелишься!

— Слушаюсь, Гестера. — Плут удвоил старания.

Ледяная пустыня в голове потихоньку стала таять, и у Плута появились проблески сознания, как черные пятнышки на снегу. Толстолапиха, прижимающая Плута к груди, грела его своим телом, помогая растопить замороженную душу.

«Плут, — шептала ему толстолапиха. — Ты — Плут».

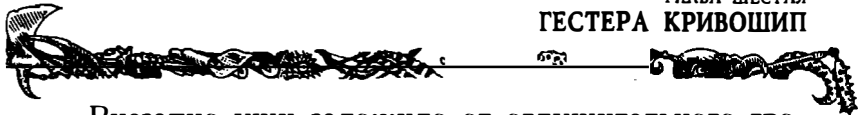
Как зародыш в материнском чреве, он был защищен от арктического холода ласковыми объятиями зверя. Ледяные пальцы эльфа вытянули из него воспоминания и мысли, надежды и страхи, мечты и ночные кошмары... Только одна мысль оказалась недоступна эльфу, самая драгоценная. Эльф не смог стереть из сознания Плута смысл его существования, сущность его «я», — короче говоря, он не сумел заставить его забыть, кто он такой.

Плут Кородер.

Он был под надежным прикрытием в объятиях толстолапихи, которая спасла его, когда он был еще ребенком — маленьким мальчиком, потерявшимся в Дремучих Лесах.

Плут пошатнулся и уронил тяжелый обрубок, который тащил к печи. Голова закружилась.

Ледник отступал. Плут потихоньку высвободился из объятий толстолапихи: в запорошенной снегом пустыне появились прогалины.

Внезапно уши заложило от оглушительного грома, сверкнула молния — и бурным потоком к нему хлынули мысли, чувства, воспоминания. К нему вернулась память! Теперь Плут точно знал, кто он и где находится!

— На сегодня хватит, дорогой мой, — проворковала Гестера, подозрительно глядя на истопника. — Можешь ложиться спать.

— Спасибо, — поблагодарил Плут, стараясь не подавать виду, что сознание к нему вернулось.

Жар от пылающей печи изнурил его, от работы ныла каждая косточка в усталом теле. Сколько еще он сможет продержаться? С неимоверным усилием он поднял последний чурбан, бросил его в огонь и встал рядом с печью, ожидая дальнейших приказов.

Гестера захлопнула круглую дверцу, закрыла ее на задвижку и повернулась к Плуту.

— Будешь спать здесь, — сказала она, указывая на низенький столик. — Залезай под него.

— Спасибо, — повторил Плут.

Еле волоча ноги, он добрался до столика и, стараясь не удариться головой о столешницу, опустился на пол. На каменных плитах под столом лежала подстилка — мягкий, уютный тюфячок, набитый обрезками веток и сухой травой. Плут лег на соломенный матрасик, свернулся калачиком и закрыл глаза, вдыхая теплый запах леса. Веки у Плута отяжелели, тело будто припечаталось к полу.

Гестера стояла над ним.

— Спокойной ночи, юный истопник, — тихо про-
свистела она. — Спи и набирайся сил. Завтра будет
трудный день. Сегодня ты таскал дрова...

Плут подтянул колени к животу и сжался в ко-
мок.

— Спасибо... Спасибо... — сонно бормотал он.

Плута обступила тьма: окружающий мир посте-
пенно гас, и юноша больше ничего не видел и не
слышал, провалившись в глубокий сон. Гестера не-
довольно крякнула.

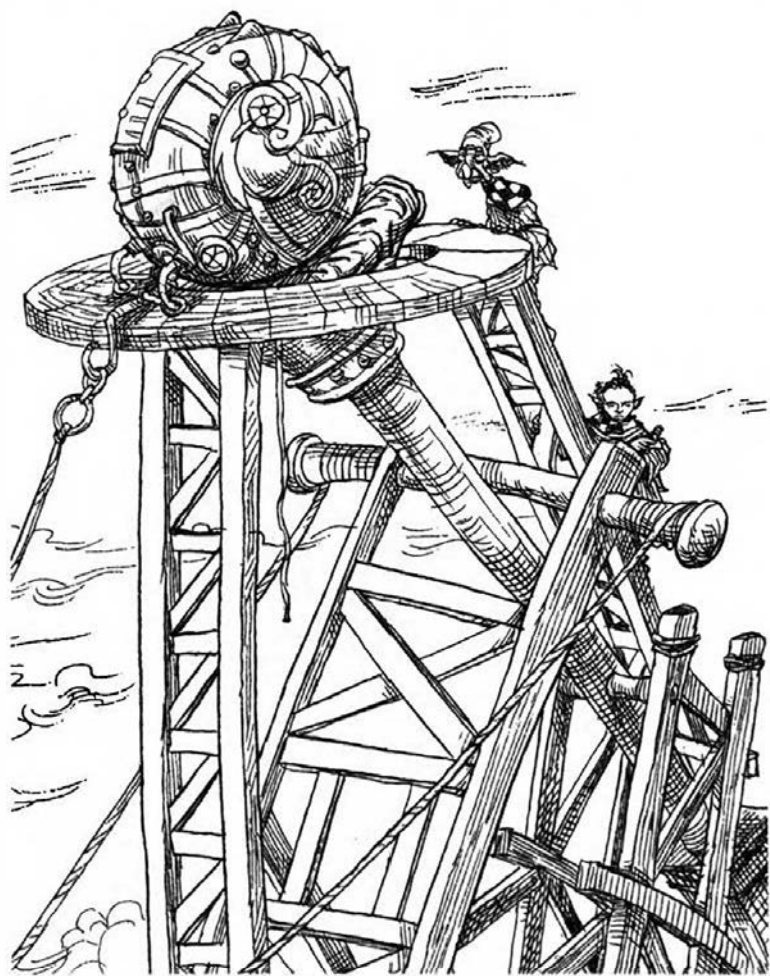
— А завтра будешь таскать еду для младенца.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

КОРМЛЕНИЕ МЛАДЕНЦА

анным утром следующего дня Плута грубо разбудили, ткнув в спину чем-то твердым и острым. Он быстро открыл глаза и растерялся. Что это? Вроде бы он лежит на груди мягкой соломы! Но тут его укололи в спину во второй раз.

— Ой! — вскрикнул Плут, скатившись с тюфяка. Сверху вниз на него смотрела престарелая матрона, гоблинша с серым лицом. В костлявой руке она сжимала трость, наконечник которой был нацелен ему в грудь.

— Отоспался, выглядишь отлично, мой золотой, — проворковала старуха. — Вставай. Пора за работу, родной.

При звуке ее писклявого голоса Плут вспомнил все. Привратника Костоглота, кухарку Гестеру Кривошип, больного эльфа Амберфуса, который рылся у него в мозгу, желая стереть память, но не сумел одолеть его...

«Только не выдавай себя», — решил Плут, выползая из-под стола. Он мигом вскочил на ноги и туманным взглядом обвел кухню. Печь пылала, и сухой,

горячий воздух гудел от жара. Гестера подняла палку, указывая на стол.

— Корм, — отрывисто произнесла она.

Плут обернулся. На столе стояли объемистая миска с дымящейся серой кашей — в самую середину горки воткнута деревянная ложка — и кружка с каким-то пойлом, в точности похожим на то, что ему предлагали накануне вечером.

— Ешь побыстрее, дорогой мой, — торопила Гестера. — Огонь в печи вот-вот потухнет.

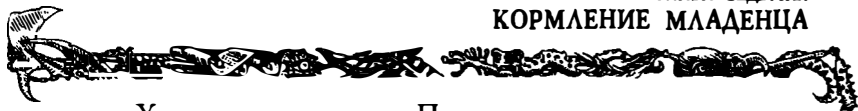
У стола Плут не обнаружил ни стула, ни табуретки и проглотил завтрак стоя. На вкус каша оказалась такой же противной, как и на вид, — она была горелой, пересоленной, с гнилым душком, но, запивая клейкое месиво пенистой зеленой бурдой, он сумел хоть как-то утолить голод и жажду.

— Поторопись, деточка, — нетерпеливо понукала Гестера. — Давно пора подкинуть дровишек в печку. — Она поежилась, кутаясь в шаль. — Ах, я промерзла до костей!

«О чем это она?» — недоумевал Плут. В кухне стояла немыслимая жарница, и он буквально истекал потом. Осушив кружку, поставил ее рядом с недоеденной кашей и повернулся к Гестере:

— Благодарю вас...

— Лучше благодарить делами, а не словами, — ответила Гестера. — Набей-ка печку дровами! Пусть она раскалится докрасна! Докрасна, ты слышишь меня? Я хочу, чтобы было жарко, как никогда, потому что сегодня мы идем кормить младенца.

— Хорошо, — ответил Плут скучным голосом, испугавшись, что эмоции могут выдать его.

Повернувшись спиной к Гестере, он направился к высоченной груде дров. Слова старой гоблинши продолжали вертеться у него в голове.

«Кормить младенца? — думал он. — Какого младенца?»

К тому времени как Плут принес первое бревно к очагу, Гестера уже открыла круглую дверцу. Когда он оказался напротив жерла печи, из топки с ревом вырвались языки пламени, опалив ему лицо. Он невольно вскрикнул.

Гестера, тотчас обернувшись, подозрительно уставилась на Плута, буравя его долгим, пронзительным взглядом. Стараясь казаться безразличным к окружающему, Плут наклонился, подхватил чурбак и кинул его в огонь. Затем принялся раздувать мехи, действуя так, как учила его Гестера: четыре быстрых движения — вверх-вниз, вверх-вниз. Дрова затрещали, завыло пламя, и ровное, тускло-золотое свечение тлеющих угольев преобразилось в сверкающие желтые всполохи огня.

— Раскали ее докрасна, помнишь, что я тебе говорила, дорогой мой? — повторила Гестера. — Не жалей дров, детка. Давай еще! Еще! И не забудь про мехи!

Плут подкинул в топку дюжину колобашек, несколько раз покачал мехи и счастлив был услышать от Гестеры, что наконец-то ее душенька довольна. Пузатая печь трещала, готовая лопнуть от жара,

огонь внутри топки неистово бушевал, ослепляя, как солнце в палящий зной.

— Подойди ко мне, золотко, — позвала Гестера. — Посмотри, что я сейчас буду делать.

— Хорошо, — прохрипел Плут.

Лицо у него было опалено, в горле саднило, будто по нему скребли наждачной бумагой. Он отошел от печки и направился в неосвещенную половину кухни, где стояла Гестера, вертя в руках кусок веревки. Там было чуть прохладнее.

— А ну-ка отвяжи эту штуку, деточка, — приказала Гестера. — Я сама не могу достать.

Плут послушно кивнул, дотянулся до зажима на стене и снял спутанный моток веревки. Он протянул конец веревки Гестере, и она тотчас же ухватила за него. Наверху, под потолком, раздалось бряцание, и Плут увидел, как с высоты спускается деревянное ведро. Когда ведро оказалось внизу, Плут защелкнул зажим.

— Хорошенько закрепи веревку, дорогуша, — сказала Гестера. — Вот так. Теперь подойди сюда и посмотри.

Дернув за веревку, Плут еще раз проверил, надежно ли она схвачена, и подошел к ведерку, которое качалось на уровне колен, немного не доставая до пола. Гестера привела ведро

в равновесие и вытащила из него красный бочкообразный предмет, блестящий на свету.

— Это желудь, — объявила она.

Плут сосредоточенно смотрел на диковинку. Мясистый, с тонкой оболочкой, истекающий кровавым соком плод ничем не напоминал обычные желуди. Такого он еще никогда не видел! И запах какой-то странный. Сморщив нос, он принюхался: от желудя несло чем-то затхлым.

— Желудь, — повторил он, пытаясь скрыть свое удивление.

— Этот желудь не простой, лапочка, — объяснила Гестера. — Это желудь с дуба-кровососа. Такие желуди собирают тролли в Дремучих Лесах. Вот так, деточка. Эти дубы пожирают живую плоть, и еще на каждом висит хищная смоляная лоза. Сборщики урожая едят желуди, но частенько их тоже едят — ты понимаешь, что я тебе говорю? Считай, что тебе повезло: работаешь у меня, а не на уборке урожая...

— Спасибо, — ответил Плут, перегибаясь от спазма в желудке.

— Вот почему эти желуди такие дорогие, — продолжала кухарка. — И это правильно. Но попробуй это объяснить старому скупердю Амберфусу! Всегда охает, что цены взвинчены. Я ему отвечаю, что это для нашего хозяина. Если желуди приносят ему радость, мы за ценой не постоим. Что правда, то правда.

Гестера аккуратно положила плод в карман передника и, вынув еще один из ведерка, поднесла к свету. Плут с любопытством наблюдал, как она вытаскивает

подрагивающие пурпурные шарики и кладет их в заляпанный кровью фартук. Четыре штуки.

— Этого достаточно, моя крошка...

Она указала пальцем на полку с инструментами, какими пользуются кочегары: щипцы, щетки, совки и лопаты, мехи различного размера и несколько топоришков.

— Подай-ка мне совковую лопату, деточка, — повелела она.

Плут послушно выполнил приказ.

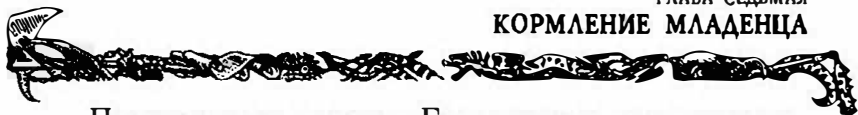
— Нет, не эту, — одернула его Гестера, когда он взялся за инструмент. — Вон ту, с длинной ручкой.

Плут достал ту лопату, на которую указала гоблинша, и подошел к старухе.

— То, что надо, лапуля, — одобрила она Плута. — Теперь подними ее и держи прямо передо мной. Вот так. А теперь мы положим сюда желуди. — Она сосредоточенно рассматривала кровавые плоды, лежавшие на лопате. — Может, добавить еще один? — задумалась она и вытащила очередной желудь из ведерка.

Гестера направилась к печи. Плут вышагивал рядом, держа перед собой совковую лопату с желудями дуба-кровососа. Гестера взяла пару тяжелых рукавиц и, натянув их на руки, распахнула дверцу печи. Из топки вырвался столб пламени.

— Ах как хорошо! — замурлыкала Гестера. — Наконец-то прогрее свои старые кости. — Она повернулась к Плуту. — Дай сюда лопату! И смотри осторожнее!

Плут шагнул, передал Гестере лопату с драгоценными желудями дуба-кровососа и отступил.

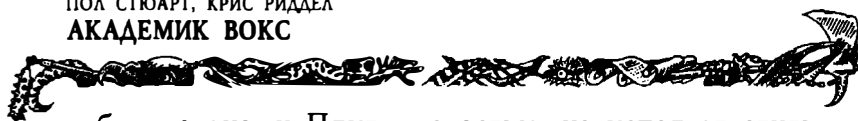
— Сейчас мы их засунем в печи! Раз, два, три! — ворковала кухарка, запихивая лопату с кровавыми шариками в раскаленный очаг. Желуди заскворчали,

и сразу запахло жареным мясом. — Подождем немного, — сказала Гестера. — Минуты через две они будут готовы. — Она оторвалась от огня и повернулась к Плути. — Мы не всегда готовим такую большую порцию. Одного желудя обычно хватает на сто бутылок «Забвения».

— Забвения, — тупо повторил Плут.

— Я как раз готовила этот нектар, когда тебя привели... Помнишь? Да нет, ты ничего не помнишь, —

добавила она, и Плут, к счастью, не успел ответить, иначе неминуемо бы выдал себя. — Я совсем забыла... Старая, глупая Гестера... — Она пальцем сковырнула с передника присохшую каплю крови. — Забвение, — вздохнула она. — Это целебное питье для нашего хозяина делает его счастливым. Изготовлено, между прочим, по моему рецепту...

Плут стоял не шевелясь.

— Для этой микстуры я перегоняю чистейшее старинное вино. — Гестера кивком указала на замысловатое переплетение трубок, горелок и колб на стене. — У меня там всегда что-то кипит, но я добавляю в вино собственные ингредиенты, поэтому мои лекарственные препараты уникальны. Истертый в порошок желудь с дуба-кровососа, например. Он придает пикантность снадобью, а хорошую работу ценят... — Она притянула Плута к себе и, прищурившись, заглянула ему в глаза. — Это будет нашей маленькой тайной, деточка. Я надеюсь, ты никому не выдашь наш секрет?

Плут поморщился: у гоблинши дурно пахло изо рта, вспотевшее тело отдавало кислятиной.

— Нет, — пробормотал он.

Гоблинша фыркнула и оттолкнула юношу от себя.

— Ну конечно, ты никому ничего не скажешь, лапушка. Теперь ты в каком-то смысле член нашей маленькой семьи. Ты больше никогда никого не увидишь, поэтому тебе некому будет рассказывать наши тайны. Просто некому...

Она повернулась к печи, вытащила из топки лопату и внимательно посмотрела на желуди.

— Гм-гм, пожалуй, еще минутку... — произнесла Гестера, засовывая лопату обратно в печь. — Сегодня мы, конечно же, не будем готовить нектар забвения. Сегодня мы идем кормить младенца.

— Кормить младенца, — бессмысленно повторил Плут, и в голове у него пробежала тревожная мысль. *«Ты никогда никого не увидишь...»* Как это — никогда? Гестера вытащила совковую лопату из печи.

— Иди сюда и внимательно посмотри, что у нас получилось. Все готово. И цвет, и консистенция, — вот видишь?

— Да...

Плут уставился на лопату. Там, где раньше лежали склизкие, пахнущие падалью желуди, теперь высилась кроваво-красная горка пыли, похожая на муку мелкого помола.

Гестера, крепко зажав в руках обугленное древко лопаты, плечом захлопнула дверцу и отошла к столу.

— Обычно я храню порошок в колбе и беру его, когда он мне нужен для нектара забвения. Но сегодня...

— Сегодня мы идем кормить младенца, — нудным, ровным голосом повторил Плут, втайне радуясь, что ему удалось подавить эмоции.

— Правильно, мое золотко, — поддержала его Гестера, и ее глаза блеснули из-под тяжелых век. — Только не «мы», а «ты». — Она положила железное полотно лопаты на стол. — А теперь тащи колбу, дорогой мой, и быстренько пересыпь в нее порошок. Время решает все! Только аккуратно! Смотри, чтобы не пропало ни крупинки!

Плут поспешил усердно выполнить задание, старался как мог, и, несмотря на все его усилия, несколько пылинок все же упало с лопаты на влажный пол, когда он пересыпал огненную муку в суд. Счастье еще, что Гестера ничего не заметила!

Когда на совке не осталось ни крупинки, Гестера поставила лопату обратно в угол. Плут, взяв колбу в руки, внимательно изучал ее содержимое. Порошок был таким ярким! Казалось, он пульсировал, как живой.

— Поставь на место! — слышался окрик.

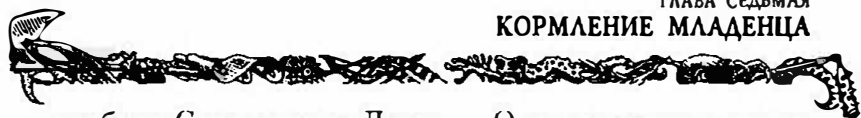
Гестера вернулась. В руках она держала горшочек. Поставив его на стол рядом с колбой, гоблинка отвернула крышку. Плут с любопытством заглянул внутрь горшочка. Там хранился светло-коричневый порошок, переливающийся даже при тусклом кухонном освещении.

— Пылефракс, — пояснила Гестера.

— Пылефракс, — эхом отозвался Плут, подавив волнение.

Он знал буквально все об этом веществе: то, что оно добывается из штормофракса, драгоценной материи, зарождающейся только в Великую Бурю, и то, что оно такое тяжелое, — как-то раз его использовали в качестве противовеса для падающей Санктафраксовой скалы. Пылефракс образуется естественным путем в полумраке Сумеречных Лесов, с его помощью можно очистить самую грязную воду...

— Пылефракс высшей пробы, деточка, — похвасталась Гестера. — Хранился в кладовых у шраек, в

глубине Сумеречных Лесов. — Она приложила палец к губам. — У меня с ними есть договоренность... — Кухарка вручила своему рабу пинцет. — Мы теряем драгоценное время, — посетовала она. — Желудевый порошок остывает. Посмотри — цвет тускнеет. Добавь-ка в колбу пылефракса, а потом хорошенько встряхни смесь.

— Хорошо, — промямлил Плут. Взяв пинцет двумя пальцами, он опустил его в баночку. — А сколько класть?

— На семь желудей семь щепоток пылефракса, — из другого угла кухни ответила ему Гестера.

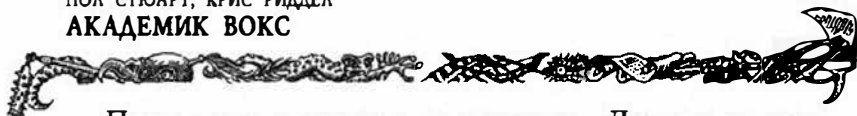
Плут оглянулся, удивляясь, куда она исчезла. Гоблинша, пожилая достойная матрона, залезла под массивный верстак, из-под которого торчал лишь ее белый колпак.

— Ну давай! — отрывисто крикнула она.

Плут повернулся к колбе, сердце у него стучало, как бешеное. Ему, наверно, грозила опасность, — иначе зачем было гоблинше прятаться под стол?

Юноша со страхом нагнулся над порошком из желудей. Держа пинцет трясущимися пальцами, он взял щепотку пылефракса и занес инструмент над колбой. Сделав глубокий вдох, раскрыл пинцет, и блестящий порошок коричневого цвета высыпался на кроваво-красную пыль.

Плут взял следующую щепотку. Ладони у него стали влажными, на лбу выступили капельки пота, пока он нацеливал пинцет, наклонившись над горлышком склянки. Пот заливал ему глаза, голова раскалывалась от напряжения.

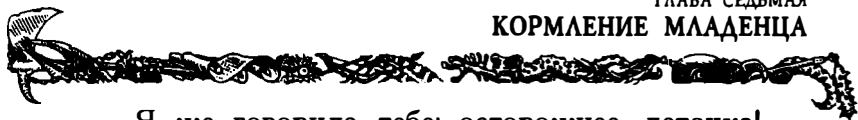
— Осторожно! Только не просыпь пылефракс, душенька, — умоляющим голосом пропищала Гестера.

Плут раскрыл пинцет, и крошечные частицы пылефракса упали в сосуд. Одна пылинка отлетела от щепотки и закружилась над столом, подхваченная

воздушными потоками. Малюсенькая сверкающая точка то поднималась, то опускалась, вращаясь и кружа по кухне: она мелькала в луче света, в отблесках гаснущей печи и наконец опустилась на пол в том месте, где был просыпан желудевый порошок.

Бабах! В кухне прогремел мощный взрыв. Пол качался, тяжелый стол пошатнулся, а самого Плута отбросило как рваную тряпку. Он тяжело плюхнулся в другом углу, не выпуская пинцет из рук.

— Я же говорила тебе: осторожнее, деточка! — визжала старуха. — Джаспел не послушался меня, и где он теперь? — Она укоризненно погрозила пальцем. — Нельзя быть таким неаккуратным!

— А что тут случилось? — запинаясь спросил Плут.

Он встал, и в нос ему ударил знакомый запах: пахло лесным миндалем, жареными лесными орехами...

— Ты, должно быть, просыпал желудевый порошок на пол, а потом уронил немного пылефракса, — спокойно объяснила Гестера, будто ничего сверхъестественного не произошло. — Смесь становится опасной, если ее не хранить в специальных сосудах. Одна капля — и трах-тарарах!

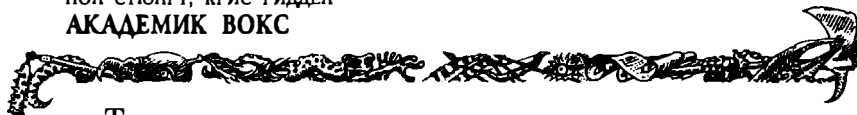
Плут похолодел. До него дошло наконец: если даже от одной капли может произойти взрыв, то он сам — ходячий детонатор! Мокрые руки, пот, стекающий со лба, — и бух-бабах! При мысли о том, что он был на волосок от гибели, Плут вспотел еще больше.

— Поторопись! — скомандовала Гестера. — Пора кормить младенца. Продолжай дальше, золотце мое.

Отерев руки о полы своей куртки, Плут поспешил обратно к столу. Затаив дыхание, он занес инструмент над пылефраксом. Дрожа, как былинка на ветру, он опустил следующую порцию пылефракса в колбу. И повторил операцию еще четыре раза.

— Ну наконец-то, — проворчала гоблинша. — Теперь заткни флакон пробкой и хорошенько потряси.

— Хорошо, — слабым голосом отозвался Плут.

Тошнота подступила к горлу юноши, когда он взял колбу в руки. Пылефракс тонким слоем лежал на горке желудевого порошка. Плут плотно закрыл флакон.

— Не забудь его как следует встряхнуть, — напомнила Гестера.

— Хорошо, — ответил Плут.

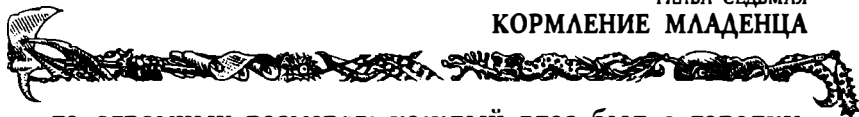
Колба была теплой, она согревала ему руки, трясущиеся от нервного напряжения, мокрые, липкие руки... Зажмурив глаза, он принялся встряхивать стеклянный сосуд. Ничего страшного не произошло. Два слоя перемешались, — вот и все.

Тут кухню огласил мелодичный перезвон. Звук шел от стены, где над столом располагалась доска, на которой в ряд были повешены колокольчики на витых металлических тросах. Под каждым была прибита табличка: «Большой Зал», «Банкетный Зал», «Императорские Покои», «Палата Лиги». Звонил колокольчик, где значилось: «Палата Лиги». Трос раскачивался из стороны в сторону.

— Скорее, мой дорогой, скорее, — наседала Гестера. — Костоглот ждет. Неси сюда колбу, золотце, я ее немножко согрею.

Подойдя к печи, гоблинша поставила флакон на край топки и немного подождала, пока порошок внутри не засиял ярко-красным светом. Затем, не говоря ни слова, она схватила колбу и поспешила со своей ношей через кухню, знаком повелев Плуту следовать за ней.

Плут послушно поплелся за Гестерой. В углу кухни он обнаружил врезанную в стену каменную голову: она злобно скалилась, глядя на Плута. Маска бы-

ла огромных размеров: каждый глаз был с тарелку, а массивный нос — не меньше взрослого ежеобраза. Казалось, каменная голова глумилась над ним, растянув в ухмылке рот. Плут нахмурился: Гестера направлялась прямо к каменному идолу.

— Держи крепко, не урони, — сказала гоблинша, вручив ему колбу с порошком. — А теперь заходи внутрь. Ты должен отвезти флакон в Палату Лиги, на самый последний этаж дворца. Там тебя встретит Костоглот. Не заставляй его ждать.

Гестера надавила на рычаг справа от каменной маски, и зубастая пасть раскрылась. Плут вошел. Внутри каменной пасти находилось что-то вроде шкафчика или тумбочки и висела веревка.

— Это лифт, — пояснила Гестера. — На нем можно подняться на любой этаж. Ну давай, дорогой мой.

Несмотря на жар от банки, которую Плут держал в руках, его знобило. Он скрестил ноги и уселся. Над ним свешивалась веревка.

— Теперь хватайся за веревку и тяни, тяни изо всех сил. Иначе нельзя. И не останавливайся, пока не попадешь наверх. Колба не должна остыть. Если смесь начнет остывать, стекло изнутри запотеет, а что тогда будет...

Плут сглотнул слюну.

— Я уверена, такой сильный парень, как ты, обязательно справится с заданием. Не то что старик Жиропуз — остановился на полдороге, не доехав до Банкетного Зала, и на тебе! Жуть, что тут было! Осколки стекла, кишки разбросаны по всему замку.

Плут прижал банку крепче к животу, чтобы не дать смеси остыть.

— Ну поехали, деточка, — нетерпеливо напутствовала его Гестера. — Помни, что Костоглот ждет тебя.

Плут ухватился за веревку и потянул ее вниз. Канатный лифт качнулся, и Плут почувствовал, что поднимается. Кухня исчезла из виду, а вместе с ней ушел невыносимый жар от очага. Чем выше он поднимался по узкой шахте, похожей на печную трубу, тем больше привыкал к ритму движений. От пота он взмок, мышцы рук ныли, полная фляга давила на грудь, но он не мог позволить себе остановиться и передохнуть. Порошок не должен был остывать! Плут продолжал перебирать руками веревку.

Тусклый свет над головой приближался. Вскоре Плут оказался напротив узкого проема, через который открывался вид на забитый статуями зал. Память не подвела: помещение

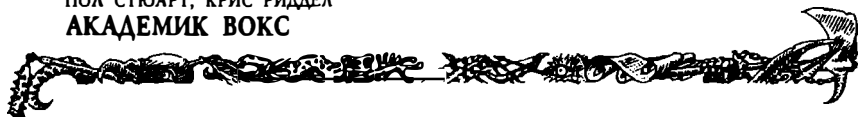
было полутемным, с бесконечным количеством ниш. И там было так холодно! Еще крепче вцепившись в веревку, Плут стал подниматься выше.

Мгновение спустя мимо проплыл зал для совещаний с роскошным убранством, коврами на полу, стульями и скамьями, покрытыми толстым слоем пыли. Потом промелькнула площадка одного из верхних этажей, металлическая решетка, за которой располагалась библиотека, уставленная книжными шкафами вдоль стен. У Плута заныли мышцы, каждый раз, когда он перехватывал веревку, боль усиливалась.

Поднимаясь все выше, Плут мельком увидел грандиозный по пышности зал. Высокий сводчатый потолок, с него свешивалась огромная люстра с хрустальными подвесками, длинный стол из черного дерева, уставленный золотыми столовыми приборами и серебряными кубками...

— Банкетный Зал... Жиропуз... — пробормотал Плут и от испуга чуть не выпустил веревку из рук: от его горячего дыхания в воздухе расплывалось облачко пара.

Удвоив усилия, Плут налег на веревку. Оконце, выходящее на Банкетный Зал, исчезло, и лифт пополз вверх по узкой четырехугольной шахте, похожей на дымоход. На мгновение канат ослаб, провиснув петлей, и подъемник замедлил ход, но Плут крепко сжал кулаки. Лифт дернулся, и подъем продолжился. Все выше, выше и еще выше, мимо запертых наглухо лазов и люков, на самый верх... Его обступила темнота, запахло плесенью. И тут Плута озарила чудесная

мысль: чем выше он поднимался, тем теплее становилось в шахте лифта...

Подъемник тряхнуло, раздался скрежет: взывк! — и лифт остановился. Плут тревожно огляделся. Тьма была крошечная.

Тут он уловил чье-то тихое бормотание и прислушался к напевному говорку. Звуки стали разборчивее.

Выбираешь черный цвет —
Жить тебе до сотни лет.
Выбираешь белый цвет —
Жизнь была — и жизни нет.

Плут узнал хрипловатый голос старика гоблина, того самого, кто притащил его во дворец.

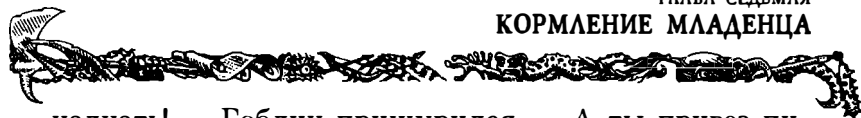
Плут пошарил по стене и обнаружил на ощупь ручку, покрутил ее, подергал вверх-вниз, но двери не открывались. Стараясь не поддаваться панике, Плут замер, прислушиваясь к песенке.

— Выбираешь черный цвет... — Строчка внезапно оборвалась. — Ему лучше бы поторопиться...

— Костоглот! — заорал Плут. — Я здесь! В лифте! — Юноша принялся дубасить в дверь изо всех сил.

Гоблин перестал бурчать себе под нос, и Плут услышал торопливое шарканье старческих ног. Звякнула задвижка, и в замочной скважине повернулся ключ. Дверь распахнулась, и ослепительный свет залил площадку лифта. Плут оказался лицом к лицу с дворецким.

— Номер одиннадцать! — воскликнул тот с облегчением. — М-да, крепкий орешек этот номер один-

надцать! — Гоблин прищурился. — А ты привез питание для младенца?

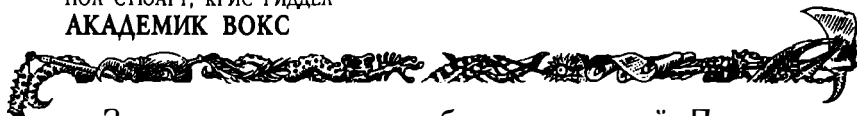
Плут откинул полу куртки и вытащил из-под нее драгоценный сосуд. Костоглот хлопнул в ладоши — раздался сухой треск, как от сломанного сучка.

— Прекрас-с-сно! — засипел он. — Выходи, номер одиннадцать! И быстро за мной!

Над головой он увидел необъятный стеклянный купол, через который просматривалось ярко-голубое небо. Кое-какие фрагменты стеклянных панелей были разбиты, и осколки, поблескивая, валялись на полу возле огромного стола в форме кольца. Стол явно был починен на скорую руку: ножки были подвязаны веревками, к столешнице прибиты куски фанеры. У ног Плута лежала покалеченная голова какой-то статуи, а по другую сторону стола торчало странное сооружение метров двадцати в высоту — хлипкое, шаткое и совершенно неуместное в этих покоях, несущих печать бывшего великолепия, — на нем громоздился чудовищных размеров металлический шар.

Именно туда и направлялся Костоглот, обогнув стол, лавируя между грудями битого стекла. Плут с любопытством наблюдал, как гоблин приложил диковинный раструб к металлическому шару, а другой его конец приставил к уху. Морщинистая физиономия дворецкого озарилась улыбкой.

— Дитя надо покормить, — сказал Костоглот. — Младенец еще не сыт. — Он отставил слуховую трубку и повернулся к Плуту. — Ну пошли, только не отставай. Сейчас мы будем кормить младенца.

Зажав стеклянную колбу под мышкой, Плут полез вслед за гоблином по скрипучей лестнице. Подъем оказался сложнее, чем он мог себе представить. Грубо обтесанные деревянные перекладки скользили под ногами, занозы впивались в ладони, а расстояния между ступенями были так велики, что он едва удерживал равновесие. Стеклянный сосуд с порошком готов был выскользнуть из рук в любую секунду.

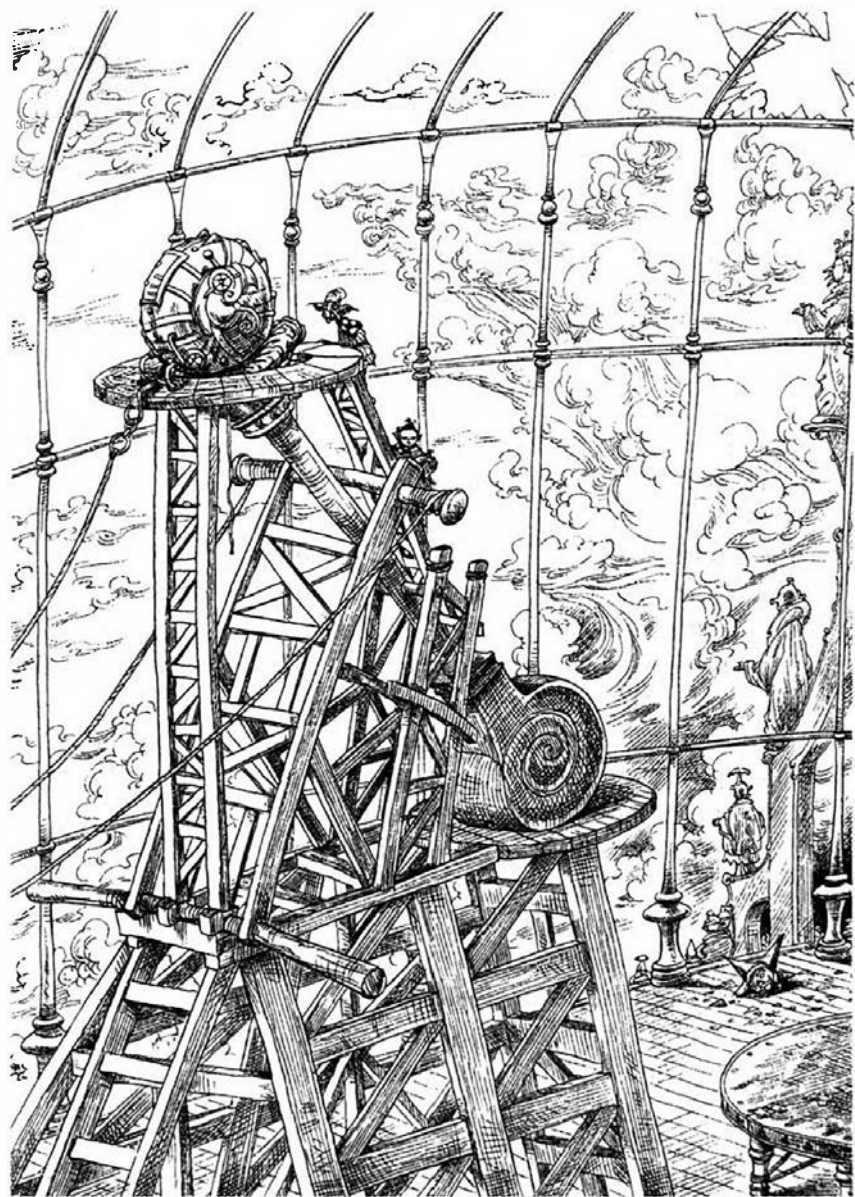
— Скоро уже, номер одиннадцать, — подбодрил Костоглот. — Совсем чуть-чуть осталось.

Плут глянул вниз. Пол, казалось, находился в нескольких милях от него. Потом поднял глаза. Вблизи блестящая сфера шара напоминала гигантский бутфорский апельсин, и это впечатление дополняла веревка, торчавшая из дырочки, как черенок лежавшего на боку плода. Костоглот добрался до верха и протянул Плуту руку.

— Давай сюда, — сказал он. — Лезь на платформу. — И вытащил Плута на грубо сколоченную площадку, опоясывающую шар.

— Посмотри на младенца, — прошептал дворецкий, — правда красивый? — Он любовно погладил гладкую, блестящую поверхность сферы, млея от удовольствия. — Это проект хозяина. Но кто сделал его? Костоглот. Именно так, как велел хозяин. Красивый младенец. Большой и красивый.

Где-то высоко над головой пролетел белый ворон, расправив мягкие пушистые крылья. Он пристально смотрел вниз, сквозь стеклянный купол дворца.

— Видишь крышечку, номер одиннадцать? Прямо посередине шара, — прошептал Костоглот. — Сними ее. Только аккуратно.

Плут выполнил все, как ему велели.

— А теперь высыпи туда смесь. Все, до последней пылинки. И поскорее, чтобы в рот младенцу не попала какая-нибудь грязь. Нам этого не надо... пока не надо...

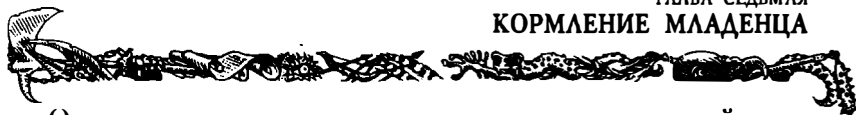
Трясущимися руками Плут поднял колбу над головой, ловким движением перевернул сосуд так, чтобы горлышко было нацелено внутрь шара, окованного медью, и вставил горлышко в отверстие. Детали идеально были подогнаны по размеру.

Когда колба с порошком опустела, Плут через стеклянное доньшко сосуда увидел внутренности так называемого младенца. Сфера была заполнена почти до краев. Плут постучал по колбе, и несколько последних ярко-красных крупинок полетело в жерло. Быстрым движением юноша вытащил колбу и немедленно захлопнул крышку шара.

— На сегодня все, — прошептал ему на ухо дворецкий, с гордостью поглаживая свое детище по выпуклому металлическому боку. — Если дела у нас пойдут хорошо, младенец скоро будет сыт по горло. Хозяин будет нами доволен.

Вслед за гоблином Плут начал спускаться по шаткой лестнице. Внизу гoblin вцепился ему в плечо.

— Младенец сыт, — произнес он. — Так что тебе пора возвращаться. Не надо злить старушку Гестеру. Уж кому-кому, а Костоглоту это хорошо известно. —

Он круговыми движениями помассировал свой живот. — Если ты не хочешь, чтобы у тебя внезапно разболелся желудок, — добавил он, — тебе лучше поторопиться. Она умеет навести порчу. Запомни мои слова, юноша.

Путь назад оказался во много раз легче, лифт спускался сам по себе, а Плут только придерживал веревку, чтобы подъемник не падал слишком быстро.

— Ну наконец-то, деточка! — воскликнула Гестера, как только он добрался до нижней площадки. — А я уж тут думаю, куда это ты пропал, — лепетала кухарка, таща юношу к печи. — Здесь просто лютый холод с тех пор, как ты ушел. Подбрось-ка дровишек в печку, мое золото. И побольше.

— Хорошо, — понуро ответил Плут.

— И раздуй мехи. Мне давно пора прогреться. Ах, мои бедные старые косточки, как они ноют от холода!

— Хорошо.

— А когда набьешь топку, пойдешь и наруби еще дров. У нас скоро все запасы кончатся.

— Хорошо, — повторил Плут.

Вручив Гестере пустую колбу вместе с пробкой, он вздохнул и поплелся к сваленным в кучу дровам.

Несмотря на усталость, Плут лихорадочно обдумывал ситуацию. Вопросов у него было много, но ответов никто ему дать не мог. Оставались только предположения.

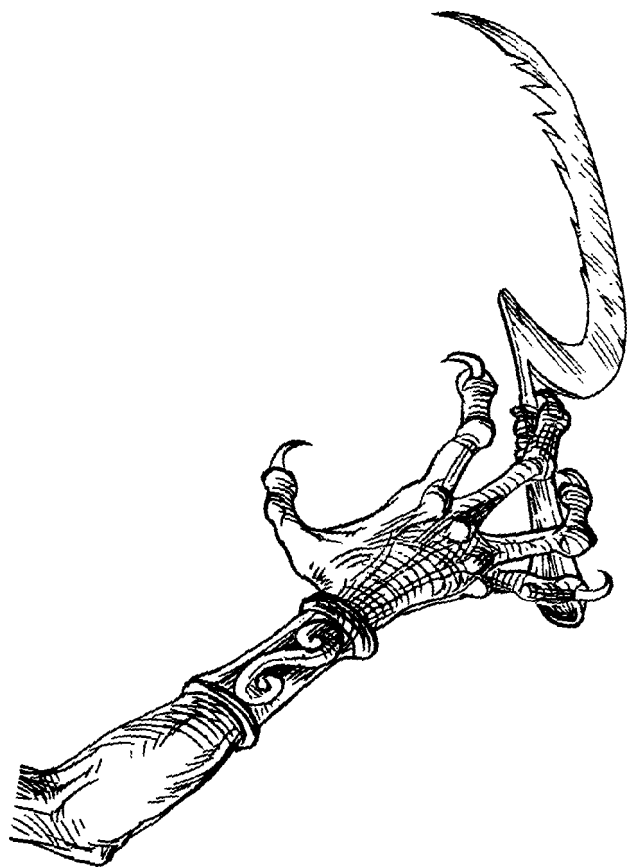
Что такое этот так называемый *младенец*? Зачем его построили? Для чего он? Плуту было ясно только одно: нужно докопаться до правды. Несмотря на немыслимое пекло, по спине у него пробежал холодок. Плут понял, что только один человек может ответить на его вопросы: хозяин Дворца Статуй, Вокс Верликс. И никто иной.

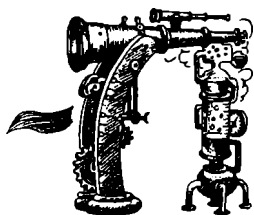
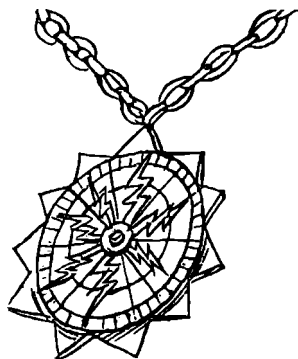

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ГЛАЗ ВОКСА

одбрось-ка еще дровишек, золотце. Огонь вот-вот погаснет, — слышался скрипучий голос Гестеры.

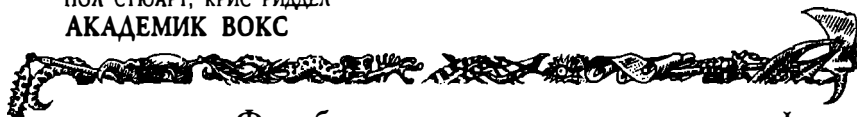
— Хорошо, — механически ответил Плут.

Ночью он плохо спал. Его мучили тревожные видения: то желуди с дуба-кровососа и новый рецепт их приготовления, то пылефракс, то пухлый младенец с искаженным от гнева медным лицом, орущий во всю глотку: «Еще! Еще! Еще!» Плут, проснувшись, чувствовал себя таким же разбитым, как и накануне вечером, когда в изнеможении ложился в постель. И снова начиналось то же самое: бесконечная изнурительная работа на раскаленной от жара кухне.

Поднимая тяжеленное полено, чтобы засунуть его в ненасытную пасть печи, он чуть не упал, так резко закружилась голова.

В углу кухни на массивных резных креслах-качалках важно восседали Гестера и нянька Амберфуса Фламбузия Лисохвост, погруженные в беседу.

— Я дала ему три капли настойки из летучего дерева, как ты велела, Гести, дорогая моя, — шепотом

произнесла Фламбузия, кивком указывая на эльфа, прикорнувшего на своем стульчике. — Но, кажется, нет никакого толку. Он, наверно, привык к твоему снадобью, Гести. Мне пришлось подмешать в питье еще капельку твоего... — Прищурившись, она наклонилась поближе к кухарке и заговорщицки пробормотала: — Твоего особого бальзама.

— Ах, Фламбузия! — поцокала языком Гестера. — Я же предупреждала тебя, что это на крайний случай! Просчитаешься, капнешь на одну каплю больше, и...

— Гести, дорогая, ты же знаешь, что я очень осторожна. Он меня измучил своими постоянными придирками. Взгляни-ка! Спит как младенец.

Краем глаза Гестера увидела Плута, у которого коленки подгибались от изнеможения.

— Извини, Фламбузия, — сказала она. — Я на минуточку.

Старуха гоблинша засуетилась у стола. Взяв оловянный кувшин, она налила полную кружку пенистой зеленой жидкости и поспешила к Плуту.

— Это тебе, золотце, — сказала она, протягивая напиток рабу. — Пей до дна.

Плут мутным взглядом посмотрел на кухарку. Гестера сунула ему кружку в руки и помогла поднести ее к губам. С первого глотка Плут почувствовал прилив энергии. Он жадно осушил кружку с зеленым напитком, и сразу кровь весело побежала по жилам, голова тотчас прояснилась.

— Спасибо, — поблагодарил он.

Гестера в изумлении покачала головой:

— Вот это да! Какая у тебя жажда! Ты мне напоминаешь Свистунчика. Ах, бедный, милый Свистунчик, — добавила она горестно.

Кухарка подошла к Плуту поближе и ухватила его за предплечье костлявыми пальцами, щупая окрепшие мускулы.

— Ну как ты себя чувствуешь? Получше? Я знала, что снадобье Гестеры тебя вмиг поставит на ноги!

— Да, — согласился Плут.

Гестера была права. За то короткое время, что он прислуживал на кухне, изнурительная физическая работа и необычное питание оказали странное воздействие на его организм: он раздался в плечах, бицепсы стали железными.

— Ну пошли, деточка, — позвала Гестера. — Покажешь, какая у тебя мускулатура. Пошуруй в топке и покачай мехи.

— Хорошо, — равнодушно ответил Плут.

Гестера вернулась к подруге.

— Прости, Фламбузия, драгоценная моя. Так на чем мы остановились? Ах да... — Кухарка раздвинула пышные складки своего передника и вытащила из-под оборок маленький флакончик с бурой жидкостью. — Вот этот препарат должен помочь, — еле слышно проговорила гоблинша. — От него грудной кашель чуть-чуть усилится...

— Спасибо тебе, Гести, дорогая, — ответила Фламбузия, пряча скляночку с препаратом в крошечную сумочку, болтавшуюся на ее могучей руке. — Ты всегда готова прийти на помощь.

Дзынь!

Дзынь!

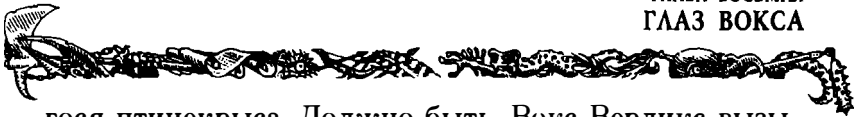
Дзынь!

Дзынь!

Дзынь!

Покой на кухне был потревожен оглушительным, нескончаемым звоном. Фламбузия замолкла на полуслове, а Амберфус, нервно заерзав во сне, закашлял. Плут посмотрел на стену, где, заливаясь, ходил ходуном центральный колокольчик под табличкой «Хозяйские Покои». Колокольчик прыгал и качался на витом металлическом шнуре, напоминая мечущее-

гося птицекрыса. Должно быть, Вокс Верликс вызывал кого-то из челяди к себе.

Долгий, изнурительный приступ кашля вывел эльфа из сонного оцепенения. Плут подумал, что теперь нужно строго следить за своими мыслями.

— Хозяин зовет, — объявила Гестера. — Фламбузия, дорогая моя, я полагаю, ты знаешь, кто у нас проснулся. — Она указала рукой на эльфа.

— Гести, милочка, ты думаешь, я сама не вижу? — отозвалась Фламбузия, прикладывая палец к губам.

Она повернулась к задыхающемуся от кашля элфу.

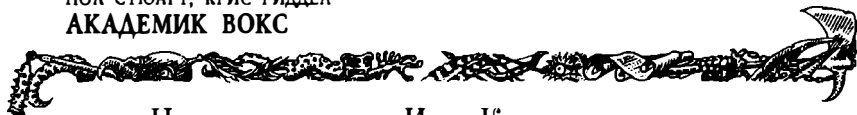
— Я только что услышала, как вы закашлялись, — сказала она. — Ну разве можно доводить себя до такого состояния... Да, да, я знаю, что хозяин зовет нас наверх. Я как раз собиралась разбудить вас...

Эльф откинулся на спинку стульчика и жестом приказал няньке взяться за длинную ручку. Когда эта парочка пересекала кухню, на глаза элфу попался Костоглот. Пристроившись на табуретке, он жадно пожирал огромный шмат мяса. Амберфус мановением руки велел Фламбузии остановиться и принялся буравить дворецкого долгим пронзительным взглядом.

Костоглот неохотно оторвался от еды.

— Что? Что такое? — спросил он, вздыхая. — Я понимаю: вызывают старика Костоглота. Даже поесть ему спокойно не дадут...

Эльф прищурился, продолжая смотреть на гоблина немигающим холодным взором.

— Ну ладно, ладно. Иду. Костоглот через минуту будет у входа, чтобы встретить гостя. Только не волнуйтесь.

Ворча, что его потревожили, Костоглот недовольно отложил наполовину обглоданную ногу ежеобраза, вытер жирные пальцы о жилетку и направился к лестнице.

Фламбузия отправилась вслед за дворецким, а эльф, тщетно пытаясь справиться с лающим кашлем, остался сидеть на стульчике, жестами поторапливая няньку.

Снова зазвонил колокольчик, еще настойчивее, чем в первый раз.

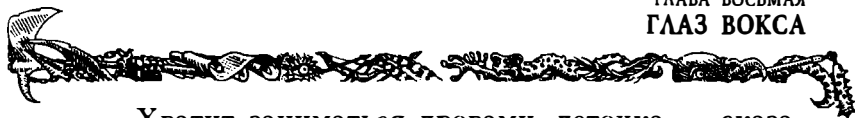
— Иду-иду, сокровище мое, — промурлыкала Гестера.

Она метнулась к огромному кухонному шкафу с многочисленными дверцами и достала с полки флакон с бальзамом забвения.

— Клянусь Небом и Землей, — приговаривала старуха, — скоро он прикончит последнюю бутылку. Надо будет сварить новую порцию.

Она перелила пунцовую жидкость в оловянный кувшин с захлопывающейся крышкой и поставила сосуд на серебряный поднос.

Плут, исподтишка наблюдавший за гоблиншей, спешившей через кухню с подносом в руках, отвернулся и случайно поцарапал руку о бревно. Он не хотел, чтобы Гестера заметила его промах, кряхтя от напряжения, взвалил бревно на плечи и потащил его к печке.

— Хватит заниматься дровами, деточка, — сказала Гестера. — Пошли со мной. Я хочу, чтобы ты отнес это хозяину, и смотри, не пролей ни капли!

Плут сбросил бревно на пол и выпрямился. Он последовал за Гестерой к канатному подъемнику и подождал, пока кухарка отопрет решетку в виде зубастой пасти.

— Голову выше, мое золотце. И поживей, поживей! — сказала она.

Забравшись в лифт, Плут ухватился за веревку. Гестера поставила поднос на платформу рядом с ним.

— Девятый этаж, — сказала она. — И давай поскорей: одна нога здесь другая там. Не заставляй хозяина ждать. Иначе ты мне за все ответишь!

— Хорошо, — покорно согласился Плут.

Зубастая пасть закрылась, и Плут снова оказался в темноте. Уцепившись за веревку, он стал тянуть ее изо всех сил, и кабинка медленно поползла вверх.

— Первый этаж, — с трудом дыша, произнес Плут, увидев перед собой вестибюль.

Он мельком заметил Амберфуса, эльфа с трепещущими ушками, который разговаривал с привратником.

Второй... Зал для приемов. Пот стекал у Плути по спине: в узком пространстве шахты, где каждый звук гулко отдавался от стен, тяжело было дышать. Третий. Библиотека... Четвертый.. Банкетный Зал... Пятый...

Плуту повезло. Наверно, ему всегда везет. Еще недавно он размышлял о том, как бы ему увидеться с Воксом Верликсом, а теперь благодаря Гестере он

встретится с ним лицом к лицу. Юноша налег на веревку. Шестой... Седьмой... Восьмой...

— Девятый, — произнес Плут, давя на тормоза.

Лифт остановился. Плут, обливаясь потом, глядел на заслонку, ту самую, которую видел накануне. Из глубины дворца послышался звонок, возвестивший о его прибытии, потом он услышал чье-то свистящее дыхание, пыхтение и неуклюжее шарканье ног: шух-шух-шух.

Зазвякали ключи, заскрежетала ржавая задвижка — и дверца распахнулась. Перед Плутом открылся просторный полутемный зал с тускло горевшими свечами, где стоял густой аромат лесного жасмина. Стены были занавешены темными гобеленами и шпалерами; пышные ковры и пузатые парчовые подушечки (на одной из них золотой нитью выткан тильдер) устилали пол. А посреди этого прекрасного помещения стоял стол из ослепительно белого мрамора. Такого великолепия Плут не видел никогда в жизни... Тут перед юношей возникла огромная фигура, закрыв вид на роскошное убранство зала.

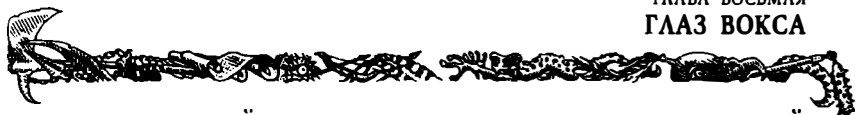
— Давай сюда, — прохрипел незнакомец.

Плут передал поднос в руки незнакомцу, отметил

толстые, как сосиски, пальцы, сплошь унизанные драгоценными кольцами.

Человек вперевалку отходил от лифта. Юноша различил одутловатое лицо с пухлыми щеками и висевший на

грудь золотой медальон — свидетельство высокой должности незнакомца. Не кто иной, как сам Вокс Верликс, поднял кувшин с бальзамом забвения толстыми пальцами и, залпом осушив его до дна, утер губы рукавом. Потом посмотрел на Плута отуманенным взглядом.

— Ты можешь идти, — промямлил Вокс.

И тут же дверь захлопнулась. Плут успел услышать громкую отрыжку и прерывистый сиплый смех. Потом последовали глухие удары, будто тяжелое и неповоротливое животное брело, не разбирая дороги, сшибая и давя все на своем пути. Плут замер, прижав ухо к двери. Ожидая, что будет дальше...

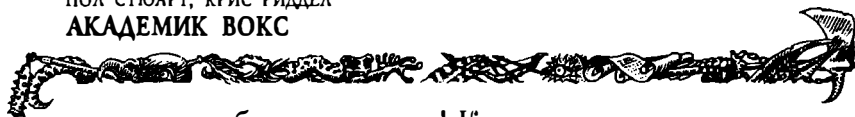
За дверью послышался залиvistый храп. Юноша подергал дверь, но она не открывалась.

Вздыхнув, Плут взялся за веревку, освободил тормоз, и кабинка начала свой долгий спуск. Плут утешал себя тем, что теперь знает, где находится Вокс Верликс. На девятом этаже. Даже если лаз в личные покои Вокса закрыт, то лифт не единственный способ, которым можно попасть к хозяину дворца...

— Благодарение Земле и Небесам! — воскликнула Гестера. — Ты вернулся обратно! Почему так задержался? Здесь можно сдохнуть от холода.

Плут вылез из канатного подъемника в кухонное пекло.

— Не забудь про печку, деточка, — обольстительным голосом ворковала Гестера. — Сейчас же разведи огонь, пока я не превратилась в ледышку. Ах,

мои старые больные кости! Как я могу готовить свои снадобья в промозглой кухне? Ну, чего нос повесил? Взбодрись!

— Хорошо, — покорно ответил Плут, направляясь к бревну, которое он бросил посреди кухни. Обхватив ствол обеими руками, юноша оторвал его от земли, с размаху бросил в топку и вернулся за дровами.

Тем временем Гестера отправилась в кладовую и принесла увесистую стопку пергаментов и внушительных размеров пустой ящик из железного дерева. Сгибаясь под тяжелой ношей, гоблинша прошаркала по кухне и, усевшись в кресло перед огнем, с облегчением вздохнула. Положив ворох бумажек себе на колени, она расправила передник и принялась разбирать рецепты снадобий, написанных на пергаменте, ухмыляясь и тихо бормоча что-то себе под нос.

Плут ухватил еще одно бревно и забросил его в топку. Затем еще и еще, раздувая мехи после каждой очередной порции. Печка раскалилась, в кухне стало не продохнуть.

— Ах как приятно, золотце мое, — просюсюкала Гестера, и веки у нее отяжелели. — Тепло, уютно, именно так, как я люблю...

Юный истопник хмыкнул. Гоблинша провалилась в сон.

«Сейчас тебе станет совсем хорошо, — подумал он. — Я натоплю эту кухню как никогда!» Он изо всей силы налег на мехи, качая воздух. Гестера разлепила свинцовые веки и опять закрыла глаза.

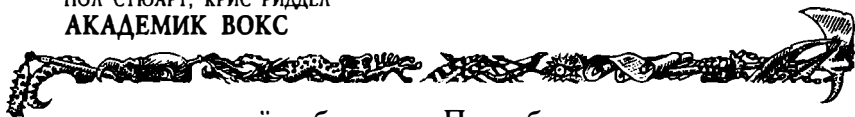

Плут продолжал пихать дрова в печь, пока в топке не осталось свободного места. Жарища была адова — кухонная печка раскалилась докрасна, полыхая ярче, чем заводские доменные печи на Опушке Литейщиков, где он когда-то спас Вурало и других толстолапов. Как давно это было!

Гестера, прикорнувшая в кресле, уронила голову на колени, и несколько листочков пергамента соскользнули на пол. Гоблинша сладко похрапывала, разомлев от тепла.

Плут улыбнулся. Кухарка крепко спала, — значит, у него появился шанс улизнуть. Проходя мимо

посапывающей гоблинши, Плут бросил взгляд на рецепты, валявшиеся на полу у ее ног.

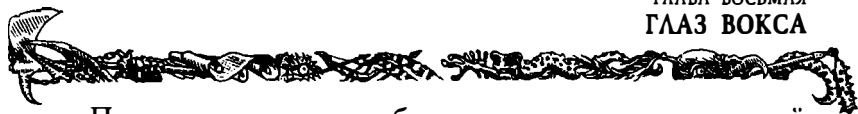
«Капли для боли в ухе». «Мазь для приступов меланхолии». «Раствор для ослепления». «Настойки для судорог»...

Рецепты были написаны кухаркиным паучьим почерком. Один листок неожиданно привлек внимание юноши. На нем значилось: *«Отвар для колик в желудке»*. Плут пробежал глазами страницу:

«Смешать уксус из дубоивовых ягод с молоком тильдера... Кипятить на медленном огне, пока не свернется. Поставить остужать... Для вызова рвоты добавить щепотку сушеного кусковатого мха...»

Плут от омерзения скривил губы. Когда он учился на Вольной Пустоши, ему читали лекции обитатели лесов: тролли-бормотуны и эльфы-дубовички, посвятившие всю свою жизнь изучению целебных свойств растений, чтобы создать на их основе лекарственные препараты — мази и настойки, которые снимают боль и облегчают страдания больных. С Гестерой все обстояло иначе. Злокозненное создание использовало свои знания во вред всему живому: намеренно причиняла несчастья, портила здоровье, вызывая боли! Плут с ненавистью смотрел на рецепты. Больше всего на свете ему хотелось сгрести ворох вредоносных бумажек и сунуть их в печь...

«Только не сейчас», — сказал Плут сам себе, поворачиваясь спиной к спящей ведьме. Сейчас он должен выбраться из пекла и попасть на девятый этаж!

Плут крадучись пробирался по загроможденной кухне, и постепенно храп гоблинши стал отдаляться. Он шел на цыпочках в полутьме, оставив позади и зловредную гоблиншу, и пылающую печь. Воздух становился прохладнее.

Юноша огибал штабеля ящиков и коробок, обходил горы мешков, тумбочки и столики, сплошь заставленные горшочками, баночками, кувшинами и колбами, наполненными доверху какими-то загадочными жидкостями. И вот лестница: ее ступеньки, возносясь ввысь, таяли в глубоком мраке. Плут начал подниматься.

Примерно на полдороге его осенила тревожная мысль: а что если дверь закрыта?

Добравшись до верхней площадки, Плут нервно схватился за ручку двери, повернул... Потянул на себя... Заскрипели ржавые петли, и дверь — благодарение Небесам! — нехотя открылась. Плут нырнул в щель, быстро закрыл дверь за собой и замер, ноги его прилипли к полу.

Там, в глубине просторного зала, спиной к Плуту стоял Костоглот, поеживаясь от холода.

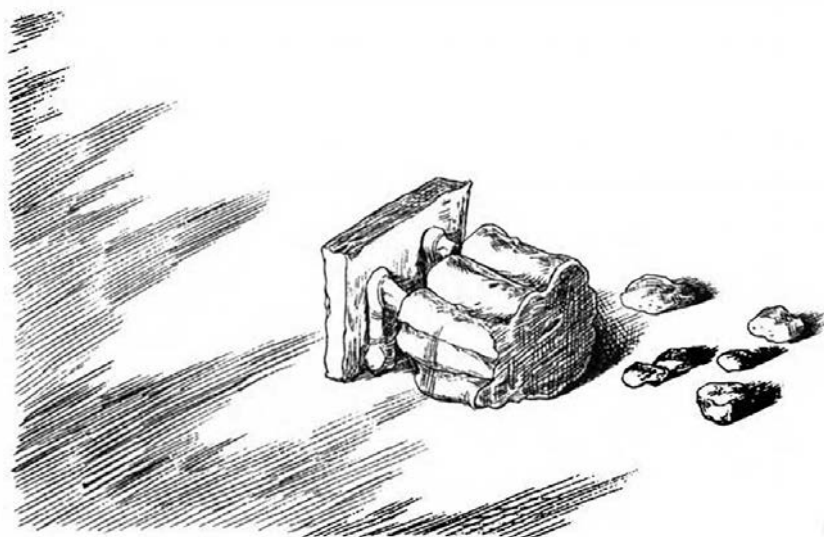
Бочком сделав несколько шагов, Плут спрятался за огромной ногой какой-то статуи, сплошь покрытой пылью и оплетенной паутиной.

Старик привратник, дыша на руки, чтобы хоть немного согреться, одиноко топтался у парадных дверей. Статуя, за которой прятался Плут, угрожающе качнулась, и юноша едва упредил ее падение, вцепившись в каменную фигуру обеими руками.

— Интересно, что он о себе думает? Наверно, считает себя всесильным Верховным Библиотекарем, которому позволительно заставляя бедного Костоглота ждать... — ворчал озябнувший привратник, притоптывая ногами и обхватив себя за плечи. — Костоглот замерз, — угрюмо бормотал он. — И есть хочет. Все кому не лень гоняют старика и в хвост и в гриву. Даже пообедать спокойно не дадут... — Он подошел к входной двери, откинул серебряную заглушку с глазка и прильнул к нему. — Ну где же он?

Пока Костоглот стоял к юноше спиной, тот выскользнул из укрытия и на цыпочках прокрался по мощенному плитам залу, стараясь держаться поближе к статуям. Делая короткие перебежки, Плут

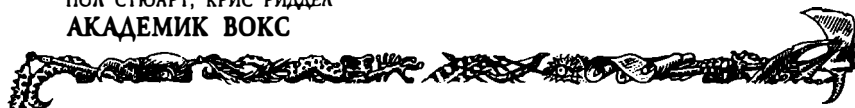
направлялся к лестнице, очертания которой вырисовывались из мрака. Не успел он преодолеть и половину пути, как престарелый гоблин снова повернулся к нему лицом. Плут затаил дыхание, прильнув к каменному изваянию.

— Бедный Костоглот! — продолжал причитать гоблин. — Держат его за мальчика на побегушках. И никакой благодарности! — Привратник посопел носом и принялся расхаживать взад-вперед. — Ни от кого доброго слова не дождешься! — Он снова повернулся к Плуту спиной.

Внезапно раздался оглушительный треск. Плут инстинктивно бросился на пол ничком, прикрыв голову руками.

Трах-тарарах!

Статуи затряслись на своих постаментах, будто сочувствуя поверженному каменному идолу, лежавшему в осколках на мраморном полу. В зале воцарилась тишина, ее нарушил торжествующий вопль привратника.

— Плохо стараетесь! Не поймать вам старика Костоглота! — взревел он, грозя кулаком молчаливому ряду статуй, прячущихся в темных нишах.

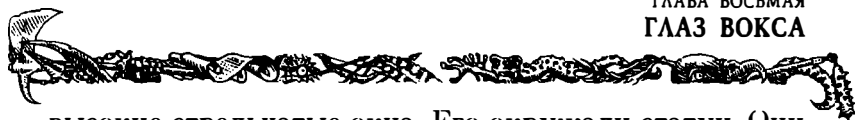
Плут выглянул из-за постамента, за которым укрывался от старика. Гоблин ожесточенно пинал ос tankи старинной статуи, разлетевшейся на куски.

— Ну что? Думала, попался Костоглот? Ждала, пока он повернется к тебе спиной? Но Костоглота не проведешь! Он быстро бегают, и тебе его ни за что не догнать! — Старик довольно хмыкнул и направился к двери в кухню. — А теперь Костоглот выметет все осколки и выбросит их на помойку. Избавились от тебя наконец! Скатертью дорога!

Гоблин исчез за кухонной дверью, и Плут, втянув голову в плечи, бросился к лестнице и, прыгая через две ступеньки, перемахнул первый пролет. Там он спрятался в тени витой колонны на лестничном марше и увидел, как возвращается Костоглот, шаркая по мраморным плитам, — под мышкой он держал тяжелую швабру с сучковатой ручкой. Неумело посвистывая, гоблин принялся подметать осколки, сгребая их в аккуратную кучку.

— Важный посетитель, — бормотал он себе под нос. — Нужно произвести хорошее впечатление...

Плут продолжил подъем по парадной лестнице, избегая косых солнечных лучей, проникавших сквозь

высокие стрельчатые окна. Его окружали статуи. Они стояли на цоколях и постаментах, выстраивались в ряд по коридорам, расходящимся лучами во всех направлениях, как спицы огромного колеса. Статуи наблюдали за ним из темноты, как будто каменная армия замерла в ожидании чего-то.

«Это всего лишь скульптуры, — уговаривал себя Плут. — Бездушные куски мрамора...» Когда он проходил мимо каменных изваяний, они, казалось, вздыхали и перешептывались друг с другом, и не раз он улавливал на себе брошенный искоса взгляд, но, обернувшись, видел только пустые глаза застывших навеки фигур.

На шестой площадке воздух был спертый и к затхлomu духу примешивался острый запах ментоловой мази. Плут услышал кашель и медово-сладкий, зловеющий голос Фламбузии, доносившийся из глубины коридора.

— Если вы не будете сидеть спокойно, я не смогу растереть вам спину как положено, — ворковала она. — Вы что, не хотите избавиться от кашля?

Плут поспешил дальше. Он бежал вверх по лестнице, пока не поднялся на девятый этаж. Там он остановился, чтобы перевести дух. Огляделся. Вместо гладких мраморных плит, которыми были выстелены нижние этажи, здесь были инкрустированные полы с замысловатым орнаментом. Присмотревшись внимательнее, Плут понял, что перед ним не бессмысленный узор, а сложная мозаика, изображавшая бесчисленное множество животных, как известных, так и неизвестных ему.

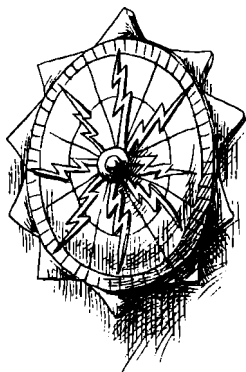
Ухо лесного зайца, если взглядеться, было одновременно пастью илистой рыбы, чей спинной плавник заполнял пространство между ногами толстолапа. Лемкин плавно переливался в зубогрыза: выступающая вперед темная челюсть, меняя цвет, становилась белым крылом птицы, саблезуб переходил в бритво-шипа, а камнеед — в чеханчика. Все обитатели леса сплетались в единую композицию. Как заметил Плут, здесь был только один путь, в отличие от других этажей, где коридоры расходились лучами.

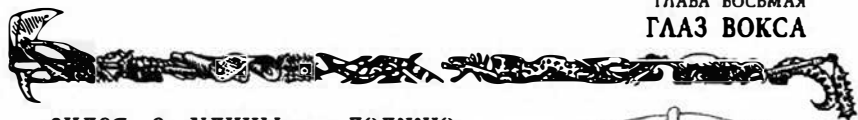
В дальнем конце коридора сквозь стекло ярко светило солнце, озаряя лучами и пол, и переливающимися всеми цветами радуги хрустальную люстру. Веселые солнечные зайчики, кружась и сталкиваясь, искрами вспыхивали на орнаментальном узоре пола.

Посередине коридора Плут обнаружил богато украшенную дверь с точеными наличниками. На дверном полотнище сиял герб — символ верховной власти, — в точности такой же, какой Плуту довелось видеть на груди Вокса: солнечный диск, разделенный на сегменты зигзагообразными молниями.

«Хозяйские Покои», — прошептал про себя юноша, двигаясь дальше по коридору.

Не успел он сделать несколько шагов, как впереди раздался страшный грохот. Плут скользнул в затканную паутиной пустую нишу, где когда-то стояла статуя, и, не шевелясь, стал тревожно озираться. Шум явно доно-

сился с улицы, — должно быть, снова упала каменная фигура, украшавшая фасад здания.

На мгновение стало тихо, и тотчас же Плут услышал другой звук, напоминающий скрежет железа о камень. Затем до ушей юноши донесся треск и хруст деревянной рамы, и в оконном проеме появился гоблин в ратном облачении. Плут, не дыша, забился в угол ниши.

Стражник растворил окно и, побалансировав секунду на подоконнике, прыгнул вниз. Сверкнуло на солнце зажатое в зубах остро наточенное лезвие его боевого серпа. Гоблин легко приземлился на корточки, распрямил согнутые ноги и огляделся. Окинув подозрительным взглядом коридор, он двинулся вперед, мягко ступая босыми ногами по мозаичному полу.

Плут с ужасом следил за ним. Юноше было ясно, что у гоблина только одно на уме — убийство!

Плут сглотнул слюну. Гоблин приближался к двери. Юноша видел, как топорщится каждая щетинка на его волосатых ушах, чувствовал запах давно немытого тела. Гоблин, вытащив зазубренное лезвие изо рта, крепко сжал рукоять боевого оружия.

В последний раз окинув взглядом кованые наплечники доспехов, он сделал шаг вперед и...

Плитка пола хрустнула, как только гоблин наступил на нее, и в ту же секунду откуда-то из черноты, укутывающей высокий плафон, прозвучал ответный щелчок, затем раздался свистящий звук — взззык! — и в воздухе качнулся маятник на длинной цепи. Гоблин не успел понять, что сразило его насмерть: изогнутое лезвие качающегося маятника разрезало несостоявшееся киллера пополам, как кусок сливочного масла.

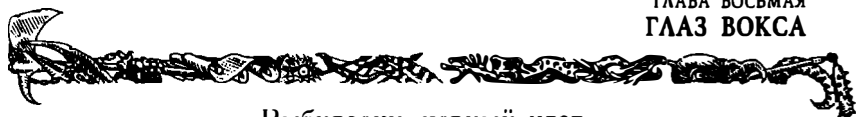
Плут застыл, разинув рот и не веря своим глазам. Гоблин был мертв. Его тело, распавшееся на две половины, валялось в луже крови. Плут в ужасе отвернулся от кошмарного зрелища. Над головой опять раздался щелчок: маятник вернулся в прежнее положение. На место встала и предательская плитка мозаичного пола.

«Ловушка для дураков», — вздрогнул Плут.

В каждой фигуре орнамента скрывалась смерть. Любая плитка — на какую ни ступи — могла быть соединена с маятником-убийцей. Он попался в ловушку! Оцепенев от страха, юноша стоял, не в силах сделать шага ни вперед, ни назад. Рядом с ним лежала белоснежная плита, изображавшая голову Хрумхрымса. Гнутые рога чудовища плавно переходили в брюхо извивающегося кольцами черного змия.

«Черный змий! — пробормотал про себя Плут. — Белый Хрумхрымс!»

Белый Хрумхрымс! Черное и белое! Из памяти выплыли строки:

Выбираешь черный цвет —
Жить тебе до сотни лет.
Выбираешь белый цвет —
Жизнь была — и жизни нет.

Так пел Костоглот!

Выйдя из укрытия, Плут осторожно ступил на черного змия, потом на черного ежеобраза, перепрыгнул на черного лемкина, стараясь не задеть белую жабу-вонючку, лежавшую между ними. Пока ему везло. Отвернувшись от залитых кровью останков, юноша миновал белоснежную голову гнилососа, ставя ногу сначала на черного тильдера, потом на черного лемкина, и наконец оказался у массивной, богато украшенной двери.

Приложив ухо к резной панели, Плут прислушался. Ни звука. За дверью было тихо. Юноша осторожно повернул дверную ручку — дверь плавно открылась, и Плут, вздохнув с облегчением, скользнул в образовавшуюся щель...

Этот роскошный зал Плут мельком видел сквозь дверцу лифта. Огромное призрачное пространство было погружено в полутьму, а в воздухе витал целый букет разнообразных запахов, среди них преобладал аромат мускусных благовоний. Помещение было тесно заставлено разнообразной мебелью.

Там были стеллажи и книжные шкафы, до отказа забитые пухлыми связками пергаментов, высокие этажерки, задрапированные парусиной стенды на гнутых крюках, с которых свешивались шелковые ленты и полотнища с золотым и серебряным шитьем,

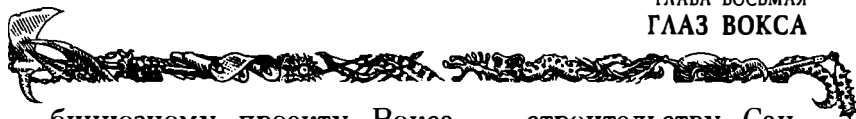

а на полу — ковры и уютные атласные подушечки. По стенам были развешаны темные гобелены, а с потолка — будто в библиотеке манускриптов — свисали, не колышась в недвижимом воздухе, бесконечные желтые квадраты пергамента.

«Должно быть, они липкие от клея», — догадался Плут. С обеих сторон каждого листа прилепилось множество насекомых: лесные мотыльки, жуки-дубовики, пчелы и осы, а также зубогрызы и птицекрысы, находящиеся на различной стадии разложения; среди экспонатов был даже карликовый гнилосос: его истончившаяся шкурка обтягивала костяк крыльев. Ловушки и капканы были расставлены для всех живых существ, осмелившихся показаться в покоях Верликса. Но самого хозяина нигде не было видно.

Держась поближе к стене, Плут обошел зал. Пробираясь среди завалов бумаг и нагромождения мебели, он смог поближе рассмотреть длинные ряды карт, схем и диаграмм, нарисованных сепией на шкуре тильдера или на пергаментных листах, которые были туго натянуты на проволочных каркасах. Он узнал карту Дороги через Великую Топь с точным масштабом и указаниями по безопасному затоплению огромных опор в болотной жиже Великой Топи.

Еще юноша увидел рисунки с поперечным сечением Башни Ночи — каждый чертеж имел отличия в деталях — и проект, по которому и было воздвигнуто это сооружение. На столиках, усыпанных угольниками и линейками, Плут обнаружил груды листов с расчетами, они явно относились к самому ам-

бициозному проекту Вокса — строительству Санктафраксова Леса.

Рядом с длинным верстаком стоял кульман с прикрепленным к нему чертежом, пожелтевшим от времени. На листе, испещренном рукописными пометками и комментариями, был вычерчен сложный проект какого-то гигантского круглого сооружения, с замысловатыми внутренними помещениями и переходами. Плут сразу же понял, что это такое.

«Младенец!» — ахнул он. Пальцем провел по надписи внизу сферы, подчеркнутой жирной красной линией: «Взорвать всех к чертовой матери!»

Значит, то, что говорили про Вокса Верликса, чистая правда. Вокс, гениальный инженер и великий архитектор, превратился в жалкое, раздавленное существо. Вокса предали все, кто его окружал: Мамаша Ослиный Коготь, шрайка, заведовавшая кладкой и высиживанием яиц, она захватила Дорогу через Великую Топь, как только строительство было завершено; Орбикс Ксаксис, вытеснивший Вокса из Башни Ночи и силой принудивший его искать прибежища в Нижнем Городе, и генерал Титтаг, предводитель гоблинов, которого нанял сам Вокс, чтобы тот устрасил жителей Нижнего Города и заставил их работать на строительстве Санктафраксова Леса, но вместо этого генерал захватил город, а самого Вокса сделал пленником Дворца Статуй. Гоблин, посланный убить Вокса, явно был наемником генерала, который презирал своего бывшего хозяина.

Перед собой на стене Плут увидел резную золоченую раму. Он подошел поближе и обнаружил малень-

кую дверцу из черного дерева — вход в канатный лифт. Юноша отправился дальше. На полу лежали атласная подушечка с вышитым тильдером, цветные коврики, а за ними стоял круглый столик из белого мрамора и обтянутый дорогой материей массивный стул с накинутым на него красно-синим покрывалом. Тут же висел длинный шнурок с медным кольцом на конце.

Юноша пристально посмотрел на стул. Он ходил ходуном, то вздымаясь, то опускаясь и оглушительно сопя. Заливистый храп становился громче и громче, и спящий, попыхтев, вдруг проснулся. Покрывало с кистями было отброшено, и то, что Плут с первого взгляда принял за стул, встало на ноги.

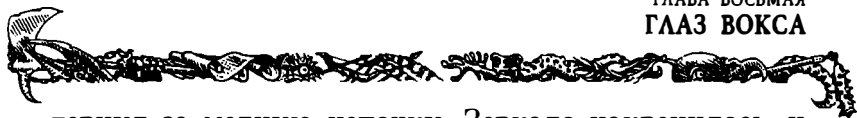
Вокс Верликс! Ужас сковал Плута.

Вокс обвел зал туманным взглядом, почесал голову, поковырялся толстым пальцем в ухе.

— Так-то лучше, — пробубнил он.

Плут вспомнил портрет Вокса Верликса, на котором тот был изображен еще юным подмастерьем облаковеда. Тогда он был худым и поджарым, а в стальных глазах светились честолюбивые замыслы. Теперь его невозможно было узнать. Он превратился в опустившегося пьяницу. Плут со смешанным чувством жалости и отвращения смотрел на жирную тушу, едва поднявшуюся со стула.

Вокс, остановившись у стола, поднял тяжелые веки. Плут взглядом последовал за ним. Обитатель Дворца Статуй смотрел на хитроумное приспособление в форме воронки, оборудованное зеркалами, цепями и рычагами. Вокс протянул руку и с силой

дернул за медную цепочку. Зеркало накренилось, и на мраморный стол упал широкий луч света.

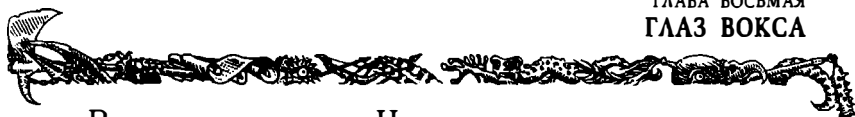
Плут высунулся из-за стойки, где хранились берестяные свитки. Вокс глядел на озаренный стол, лицо его тоже было залито светом. Плут наклонился вперед, чтобы лучше видеть Вокса. Тот снова поднял голову, потянул за рычаг и ухватился за следующую цепочку. Столешница сдвинулась, и Плут понял, куда смотрит Вокс. Это был весь Нижний Город с окрестностями. Непонятно как, но Вокс сумел изобрести приспособление, позволявшее ему видеть свои бывшие владения, не выходя из комнаты без окон. Вокс тянул одну цепочку за другой, крутил рычаги, настраивая изображение на круглом столе, пока кадр не попал в фокус.

— Я вас всех вижу, — злорадно пробормотал Вокс, его охватил приступ веселья: потное лицо оживилось, глазки-бусинки засверкали ледяным блеском. — Вам некуда спрятаться! Глаз Вокса видит все! Все! Вам пришел конец, жалкие, ничтожные муравьи! — ликовал он. — Вам всем конец, и только я увижу, как это произойдет!

У юноши участился пульс: сердце было готово выпрыгнуть из груди. Но любопытство взяло верх, и, забыв про осторожность, он залез с ногами на пуфик, чтобы получше рассмотреть картинку на мраморном столике: рваную линию крыш, Башню Ночи, Дорогу через Великую Топь...

Пуфик качнулся, Плут потерял равновесие и зацепил локтем высокую вазу. Ваза упала на пол и разбилась.

Вокс поднял глаза. На лице его отразилось удивление, сменившееся гневом.

— Кто там? — негодуяше спросил он.

Плут решил пойти на уловку: он уже совсем собрался выйти из-за колонны и сказать правителю, что он новый подмастерье, работает у Гестеры и что его послали сюда по поручению, как вдруг...

— Помолись напоследок, — раздался грубый, скрежещущий голос.

Плут замер. Чья-то фигура вырисовалась из мрака рядом с дверью.

Вокс обернулся.

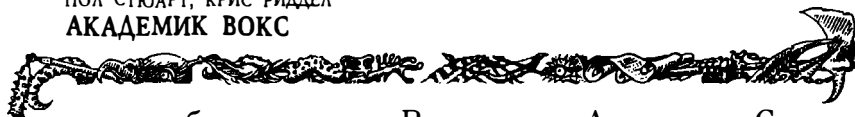
— Выйди на свет, — недовольно буркнул он, в его голосе чувствовалось напряжение.

— К вашим услугам, Вокс Верликс, Верховный Академик, — презрительно ответил незванный гость, — в его тоне звучала издевка и над именем, и над титулом хозяина.

Плут как замороженный смотрел на фигуру, вышедшую из мрака. Это был гоблин в полном боевом вооружении, точно в таком же, как и наемный убийца, нашедший свою смерть в коридоре. Гоблин грозно размахивал остро наточенным серпом с устрашающими зубцами. На его губах, пересеченных грубым шрамом, играла зловещая улыбка, обнажавшая гнилые почерневшие зубы.

— Я пришел к вам с посланием от генерала Титтага.

— Как... Как ты смел... — задохнулся от гнева Вокс. Его двойной подбородок дрожал от негодования. — На колени! Немедленно встать на колени, ко-

гда ты обращаешься к Верховному Академику Санктафракса и Нижнего Города!

Ухмылка на физиономии гоблина расплзлась еще шире.

— Мне говорили, что ты разжирел, как свинья, — утробно хохотнул он, театрально проводя мозолистым пальцем по начищенному до блеска лезвию ножа. — Сейчас послушаем, как завизжит эта свинья, когда ее будут резать, — оскалился убийца.

— Генералу Титтагу будет доложено о твоём недостойном поведении, — повелительно рявкнул Вокс. — И вы оба пожалеете об этом!

Воксу грозила смертельная опасность, но, несмотря на испуг, мелькнувший в его глазах, Верховный Академик продолжал хорохориться. Плут понял, что пора вмешаться. Выскользнув из темного укрытия, он схватил первое, что ему попало под руку. Предмет оказался тяжелым.

— Верховный Академик! — продолжал издеваться гoblin. — Обожравшийся боров! Толстый бурдюк, ничемный паразит, заплывший жиром! — Грозно размахивая наточенным серпом, гoblin двинулся на Вокса.

— Ну пожалуйста, не надо! — задохнулся Вокс. — Я дам тебе все, что ты захочешь. — На его лице отразилось глубокое отчаяние. — Все, что угодно! — Вокс неловко отступил, выставив руки для защиты. — Нет, нет, нет, — зарыдал он. — Только не это...

Занеся серп над головой, гoblin с силой рассек воздух, в котором на свету кружились частички пыли. Сверкнуло лезвие, Вокс замер.

— А теперь визжи, визжи, как свинья... Порадуй генерала Титтага...

— И-и-и-и... уи-уи-уи... —
пороссячим голосом
заверещал Вокс,
вне себя от ужаса. —
Уи-уи-уи...

Плут выскочил из укрытия с каким-то тяжелым деревянным предметом в поднятых руках и, крикнув от напряжения, изо всех сил ударил гоблина по затылку.

Деревяшка с хрустом опустилась на голову убийцы. Гоблин оцепенел, но остался стоять. Черепа у гоблинов по твердости не уступали железному дереву. Плут снова обрушил деревяшку на гоблина, — на этот раз удар пришелся сбоку...

Гоблин пошатнулся, мутным взором обведя зал. Глаза у него закатились, и видны стали налитые кровью белки. С глухим стоном гоблин, громяхая доспехами, рухнул на пол.

Плут тронул гоблина ногой. Убийца был жив. Плут подумал, что головная боль еще долго будет ему напоминать о случившемся, когда он очнется.

— Все в порядке, — сказал Плут, обращаясь к съездившему от страха академику. — Вы в безопасности.

Вокс опустил руки.

— Ты спас мне жизнь, — посмотрев на юношу, произнес он. — Кто ты?

— Плут Кородер, — ответил Плут. — Помощник Гестеры Кривошип.

— Кухонный раб, — скривился Вокс. Пыхтя и постанывая, он поднялся на ноги. — Благодарю тебя, — задыхаясь, просипел он, протянул руку своему спасителю и, подозрительно прищурившись, спросил: — А что ты здесь делаешь? Сюда вход запрещен.

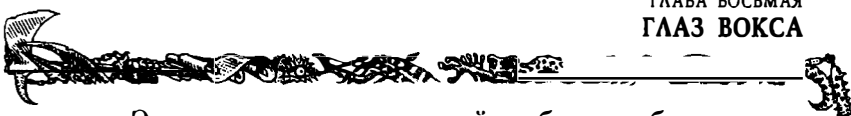
— Я... э-э-э... Гестера... то есть Костоглот... — Плут, пытаясь оправдаться, путался в словах.

Ему помог негромкий настойчивый стук в дверь: три раза, потом пауза, потом еще три раза.

— Как раз вовремя, — буркнул Вокс. — Входи, Костоглот.

Старик привратник, выпучив от изумления глаза, уставился на присутствующих.

— Хозяин... — пробормотал он, — и номер одиннадцатый... и... — Взгляд его упал на гоблина, распростертого на полу. — Так и есть! — вздохнул привратник. — Старик Костоглот всегда знал: где один, там и другой. Гоблины всегда охотятся на пару. Особенно когда идут убивать кого-нибудь. Увидишь одного в коридоре — значит, второй где-то рядом.

— Этот паренек, кухонный раб, вырубил его, — сказал Вокс и резко добавил: — Хорошо, что у кого-то хватило ума изобрести вот такую штуку. — Он мотнул головой, указывая на деревяшку, которую Плут до сих пор сжимал в руке. Вокс утробно хохотнул, и Плуту показалось, что в трубе забулькала вода. — Мое счастье, что она оказалась крепкой.

Плут опустил глаза и с удивлением обнаружил, что в руке у него зажат уменьшенный в сто раз макет Башни Ночи, в точности повторяющий оригинал.

— Башня Ночи, — прошептал он.

— Угу, она самая, Башня Ночи, — подтвердил Вокс. — Построена на славу. Может выдержать и ураганы, и шквал пушечных ядер.

— К тому же это самое ужасное здание из всех, что когда-то были возведены на Санктафраксовой скале, — раздался чей-то еле слышный, надтреснутый голос.

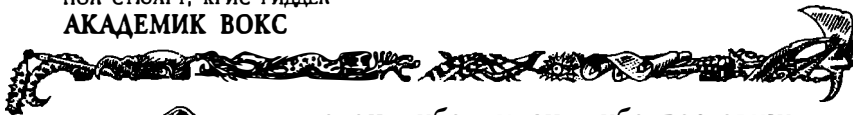
Вокс прищурился.

— Мне знаком этот голос, — пробормотал он.

— Ах да... — вмешался Костоглот. — Из-за неразберихи с гоблинами-убийцами я совсем забыл сказать вам, хозяин, что высокий гость прибыл.

Пока привратник объяснялся с хозяином, за спиной Костоглота возникла худошавая фигура. Плут открыл рот от удивления.

Перед Воксом предстал хорошо одетый старик крепкого телосложения, с аккуратно подстриженными волосами, ухоженной бородкой и гладко выбритыми щеками. По его виду можно было заключить,

что он либо купец, либо ростовщик, но, судя по горящему взгляду, он не был ни тем, ни другим. Глубоко посаженные пронизательные глаза тонули в густой сети морщин. Это явно был человек, познавший и глубокое горе, и раздирающие душу страдания, человек, прошедший сквозь огонь, воду и медные трубы, сумевший преодолеть черные пропасти отчаяния. Он пристально смотрел прямо в глаза Воксу.

Вокс недоуменно поднял брови:

— Ты посланник Библиотечных Ученых?

— Ты сильно изменился с тех пор, как я видел тебя в последний раз, — отвечал посетитель, кивком указывая на эмблему — символ верховной власти, висевший на груди Вокса Верликса. — Это было в тот вечер, когда ты стащил эту побрякушку.

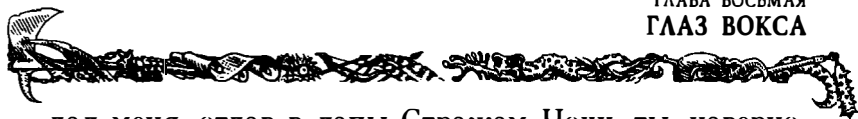
У Вокса отвалилась челюсть, и он побелел как полотно.

— Каулквейп Пентефраксис, — не веря своим глазам, пробормотал Вокс. — Нет... Такого не может быть!

У Плути не осталось никаких сомнений. Он узнал старика. Но что привело действующего Верховного Академика во Дворец Статуй к Воксу Верликсу?

— Но ты же... ты... — Вокс, замешкавшись, погрузился в молчание.

— Умер, ты хотел сказать? — помог ему Каулквейп. — Как видишь, я жив-здоров. Когда ты пре-

дал меня, отдав в лапы Стражам Ночи, ты, наверно, считал, что они расправятся со мной. Нет, они оставили мне жизнь, если можно назвать жизнью жалкое существование в тюрьме, где я много лет провел в вонючей камере, на уступе над пропастью, в мрачных подземельях Башни Ночи... Я думаю, они радовались при мысли, что я жив, потому что, несмотря на все твои заверения, только после моей смерти ты мог бы стать истинным Верховным Академиком. Я пришел сюда, как ты знаешь, от имени и по поручению всех Библиотечных Ученых, чтобы обсудить с тобой неотложные вопросы, требующие немедленного реше... — Он остановился на полуслове, уставясь на Плута с таким изумлением, будто видел его в первый раз. — Плут, мальчик мой! Это ты? Не может быть! А что ты тут делаешь?

Плут потупился.

— Длинная история, — сморщившись, ответил он.

— Ты знаешь моего раба? — спросил Вокс.

— Раба? — переспросил Каулквейп. — Плут Кордер не раб. Он Библиотечный Рыцарь, самый способный юноша из всего поколения. Это он освободил меня из плена в Башне Ночи. Сдается мне, что мы с тобой оба обязаны ему своим спасением.

Вокс вздохнул:

— У меня мелькнула мысль, что он чересчур сообразителен для кухонного раба. — Глазки Вокса хитро блеснули. — Гестера купила его на невольничьем рынке, значит, теперь он моя собственность...

Каулквейп тяжело задышал.

— Пришли другие времена, Вокс, — ледяным голосом отрезал посетитель. — Столы вращаются, все течет, и все изменяется. — Он многозначительно посмотрел на бесчувственного гоблина-убийцу.

— Ну ладно, хорошо, — вспыхнул Вокс, поворачиваясь к юноше. — Считай, что тебе вновь дарована свобода самим Верховным... — Он осекся, поймав взгляд Каулквейпа, и неловко закашлялся. — Ну... вообще-то... В целом, ты свободен. — Вокс перевел взгляд на Костоглота. — Угощение нашим гостям, — недовольно пробурчал он. — Обоим гостям.

Душа у Плута воспарила. Его захлестнула волна радости, будто с плеч сняли непосильную ношу. Свободен! Наконец-то свободен!

— Хорошо, хозяин, — сказал Костоглот.

— И еще, — добавил Вокс. — Пришли-ка сюда Амберфуса. У меня есть для него работа.

— Хорошо, хозяин, — повторил привратник.

— Послушай, Костоглот, — задержал его Вокс. — Передай Гестере, чтобы она сейчас же отправлялась на невольничий рынок. Нам нужен новый раб для кормления младенца. И пусть поторопится! Ты понял меня?

— Да, хозяин, — ответил старик, шаркая по комнате. — Костоглот все понял.

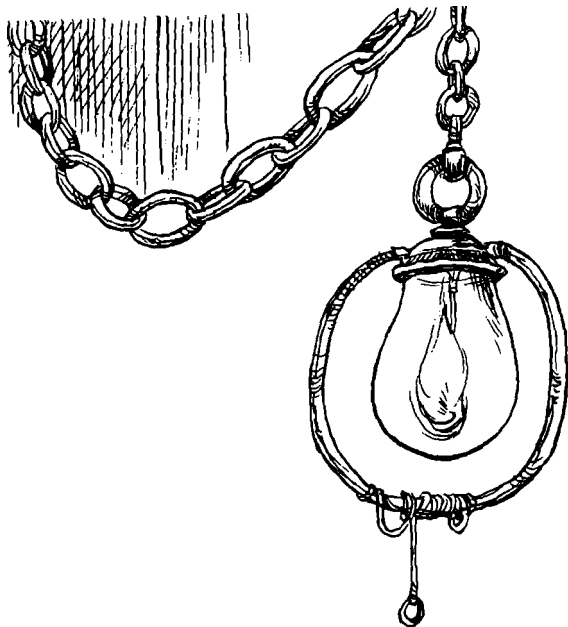
Когда дверь за Костоглотом захлопнулась, Вокс повернулся к Каулквейпу.

— Не будем ворошить прошлое, мой друг, — сказал он. — Ты согласен со мной? Пойдем-ка лучше заглянем в Глаз Вокса.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ДВА ВЕРХОВНЫХ АКАДЕМИКА

глубоко посаженные зеленые глаза Каулквейпа засияли.

— Плут, мальчик мой дорогой, как я рад видеть тебя живым и здоровым! — сказал академик, похлопывая юношу по спине.

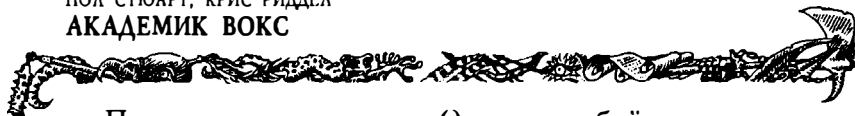
Вокс тем временем подошел к столику и принялся изучать небесную сферу, раскачиваясь взад-вперед и бормоча что-то себе под нос.

— До нас дошли слухи, что ты попал в Тайноград, — продолжал Каулквейп. — Конечно же, мы испугались, ожидая самого худшего. — Он дружелюбно улыбнулся. — А что с тобой случилось?

— У меня голова идет кругом, — отвечал Плут. — Поверить не могу, что все это реальность. Ах, господин Верховный Академик, я... я уж думал, что никогда не увижу Библиотечных Ученых...

Каулквейп, желая успокоить юношу, положил руку ему на плечо.

— Не волнуйся, мой дорогой мальчик. Я вижу, тебе досталось... Сейчас я здесь, и все будет хорошо, поверь мне...

Плут шмыгнул носом. Овладев собой, он продолжал:

— Я действительно был в Тайнограде. Что-то с силой ударило по моему «Буревестнику», когда я совершал полет на рассвете... — Голос у Плута задрожал.

— А что было потом? — спросил Каулквейп.

Перед Плутом вереницей промелькнули воспоминания: камнеед, илистая рыба, лесные волки... Провалившийся под землю дворец и люк с ловушкой, а за ними — фургон, в котором его доставили на невольничий рынок...

— Это длинная история, — произнес он, обезоруживающе улыбнувшись.

— Плут, мальчик мой, у тебя будет достаточно времени, чтобы рассказать мне обо всем по пути в библиотеку, — понимающе кивнул Каулквейп. — А сейчас, мой друг, я должен поговорить с Воксом. Мы получили от него странное послание, где он просил о незамедлительной встрече с представителем Библиотечных Ученых. Его письмо передал нам наш агент в Нижнем Городе. Эксперты утверждали, что записка подлинная. — Академик перешел на шепот. — Мы срочно собрали совет и решили, что я, как действующий Верховный Академик, должен с Воксом увидеться. Мне, — добавил он, — было любопытно посмотреть, во что превратился мой бывший коллега. Наши пути пересекались когда-то, давно-давно...

Вокс в эту минуту оторвался от созерцания небесной сферы на столешнице.

— У нас мало времени, — брюзгливо буркнул он. — Мне кажется, я достаточно ясно изложил все в своем послании.

— Именно так, Вокс, — ответил Каулквейп. — Именно так вы и написали. Четко и ясно. Единственное, чего вы не прояснили, — причину нехватки времени.

Плут как замороженный смотрел на обоих академиков, стоявших лицом друг к другу. Один был тучным до безобразия, другой — болезненно худым. Первый был одет в цветастую, хотя и заляпанную жирными пятнами атласную мантию с кистями и золотым шитьем, другой — в домотканый балахон коричневого цвета. Они разительно отличались друг от друга. «Как лед и пламень», — подумал Плут.

Даже медальоны у них на груди смотрелись по-разному: у Вокса символ власти был грязным и захватанным, а у Каулквейпа начищенная до блеска эмблема сверкала так же ярко, как и его глаза. Вокс сосредоточенно уставился на медальон своего бывшего товарища.

Каулквейп улыбнулся.

— Я вижу, ты заметил печать Старого Санктафракса, — проговорил он. — Библиотечные Ученые великодушно изготовили мне дубликат того, что было украдено тобой.

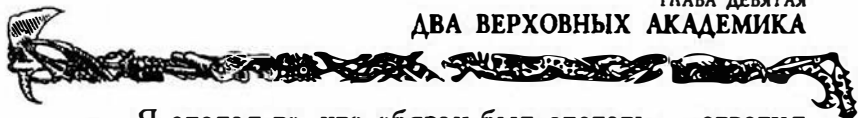
Вокс вспыхнул. Плут почувствовал, как напряженность между академиками растет.

— Ах, Вокс, Вокс, что с тобой случилось? — спокойно продолжал Каулквейп. — С твоей смекалкой и моей проницательностью мы могли бы вместе восстановить Санктафракс. Если бы мы работали как партнеры...

— О каком партнерстве ты говоришь! — взорвался Вокс. — Тебе нужна была только слава, а я... я выполнял самую грязную работу. Помнишь, что ты всегда говорил? — Голос его окрасился издевательскими нотками. — Все на свете равны, и мы ничем не лучше других, все одинаковы: Земные Ученые и Небесные Ученые, профессора, подмастерья и даже жители Нижнего Города. — Вокс погрозил Каулквейпу пухлым пальцем. — Вот твой рецепт. Он принес бы только несчастье и никогда бы не сработал...

— Ты не предоставил мне возможности, Вокс, — печально проговорил Каулквейп. — Ты орудовал у меня за спиной. Ты предал старого друга, донеся на меня Орбиксу Ксаксису и Стражам Ночи. Ты считаешь, что им можно верить?

— Я сделал то, что обязан был сделать, — ответил Вокс. — Кто-то должен был взять на себя роль лидера. Истинного лидера. Того, кто умеет вести за собой. Ты никогда не мог этого понять, Каулквейп. Ты устраивал бесконечные собрания и совещания, пытаясь всех осчастливить, и в результате не осчастливил никого...

— Ты себя имеешь в виду? — твердо произнес Каулквейп. — Предатель, узурпатор... — Он сделал паузу, подчеркивая значение своих слов.

— Я... я... — Вокс задохнулся от негодования.

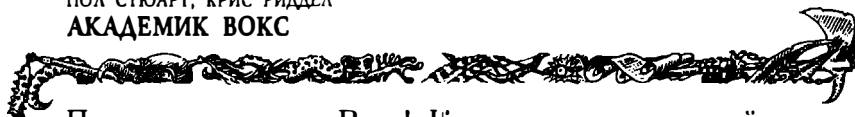
— Ты разрушил все, Вокс. Абсолютно все... — продолжал Каулквейп. — И самое печальное, что все могло бы быть иначе. Если бы ты доверял мне так, как я доверял тебе, мы вместе могли бы создать счастливый мир для всех, кто в нем живет. Ты и я, Вокс, ты и я. — Он вздохнул. — А сейчас ты только посмотри на себя! — Каулквейп скорбно улыбнулся. — У тебя было столько талантов! Ты разбазарил их. Какой ничемной и пустой стала твоя жизнь!

Вокс отвернулся и потянулся к кувшину с напитком забвения.

— Ты всегда был напыщенным болваном, — проревел Вокс. — По крайней мере, я не провел последние годы своей жизни в тюрьме, как ты!

— Неужели? Ты в этом уверен? — спокойно парировал Каулквейп. —

Посмотри вокруг, Вокс! Когда ты в последний раз выходил из дома? Из своего дворца с зарешеченными окнами и капканами, расставленными по всем коридорам? За последние годы ты ни разу не осмелился высунуть нос за пределы своей комнаты! А еще говоришь... Да ты такой же заключенный, каким был я в свое время... — Каулквейп слегка поцокал языком. — Не рой другому яму...

— Они все обманули меня, — ответил Вокс. — Все. Шрайки, Стражи Ночи, гоблины... Но скоро они у меня попляшут! — Голос Вокса окреп. — Им всем конец! Вот это я и хотел тебе сказать, Каулквейп. Нижнему Городу крышка. Время истекло. — Он посмотрел на своего товарища. — Вот для этого мне и нужны Библиотечные Ученые. Вы единственные, кому я могу доверять.

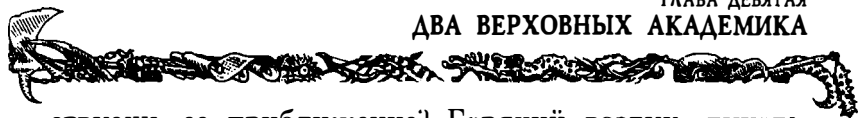
Каулквейп в изумлении воззрился на Вокса:

— Нижнему Городу крышка? Что ты имеешь в виду, Вокс?

— Именно то, что я сказал, — срываясь на крик, выпалил Вокс. — Нижний Город погибнет. Он обречен! Нечестивое прибежище зла будет стерто с лица земли вместе с его обитателями: убийцами, занесшими нож у меня за спиной, двурушниками и негодяями, которые предали меня! — Подняв кувшин с огненно-красной жидкостью ко рту, Вокс, булькая, залпом осушил его почти до дна и утерся рукавом. — Скоро грянет буря! Великая Буря!

— Буря? — переспросил Каулквейп.

— Да, Каулквейп. Мощнейшая буря, какой еще никогда не знали в наших краях. Разве ты не чув-

ствуешь ее приближение? Горячий воздух, духота, повышенная влажность? Неужели ты не заметил, как сгущаются тучи?

Каулквейп согласно кивнул. Каждый день он наблюдал зловещие перемены погоды.

— Это будет всем бурям буря! — продолжал громогласно пророчествовать Вокс, разведя пухлые руки в стороны. — Она не пощадит никого! И только я, Вокс, точно знаю, когда наступит этот грозный час! Я рассчитал все до секунды...

— Но откуда вам известно... — вмешался Плут.

Каулквейп, положив руку юноше на плечо, жестом заставил его замолчать.

— Вокс Верликс был самым известным облаковедом в Институте Облаковедения, мой мальчик, — пояснил он. — Если Вокс говорит, что грядет Великая Буря...

— Да, так я и говорю! Идет буря! — Он схватил Каулквейпа за рукав балахона. — Посмотри! — Он потащил коллегу к мраморному столику и показал на яркое пятно света, падавшего от прожектора.

Каулквейп посмотрел на освещенный круг. Плут, объятый любопытством, встал рядом с ним и тоже стал рассматривать изображение на столешнице. Пухлым пальцем Вокс указал на небо.

— Видите облака? — спросил он, прикладываясь к напитку забвения. — Похожие на гигантские наковальни? Они растут с каждым днем, сливаясь и набирая силу. Я уже навел справки, сверившись с моими облачными столиками, — продолжал он, шевеля

влажными от снадобья кроваво-красными губами. — Я провел расчеты. И теперь только я знаю, когда всех накроет черная туча.

Плут взглянул на Каулквейпа. Верховный Академик погрузился в раздумья.

— А когда ударит гром и сверкнет молния, — продолжал Вокс, — грянет ливень с градом. Дождь будет хлестать с такой силой, что канализацию зальет за считанные минуты. Если Библиотечные Ученые хотят остаться в живых, они должны покинуть подземные сточные трубы и бежать из города. Оставьте Нижний Город, Каулквейп! Ступайте на Вольную Пустошь!

За спиной у них раздался тихий стон — это пошевелился гоблин на полу. Плут посмотрел на Каулквейпа, пытаясь угадать мысли старика академика.

— Значит, ты предлагаешь, чтобы Библиотечные Ученые покинули Нижний Город? — Голос академика звучал ровно и спокойно.

— Вы должны это сделать, Каулквейп, — настойчиво убеждал Вокс.

— Ну и как ты себе это представляешь? Снялись с места и пошли? — спросил Каулквейп, буравя Вокса немигающим взглядом. — Скажи мне, Вокс, — продолжал он, — даже если мы сумеем выбраться из сточных труб, миновать патрули генерала Титтага, чудом уйти от шраек, орудующих под началом Мамаши Ослиный Коготь, и пройти по Дороге через Великую Топь на Вольную Пустошь... — Он остановился, не докончив фразу. — Для чего ты решил помочь нам? Почему это так для тебя важно?

— Почему важно для меня? — переспросил Вокс, невинным взглядом уставившись на Каулквейпа. Его толстые щеки, из-за которых были еле видны заплывшие жиром глазки, раздувались от одышки. — Если я скажу тебе, как ты со своими библиотекарями сможешь пройти через Нижний Город и добраться беспрепятственно до Дороги через Великую Топь, можно будет просить тебя о взаимном одолжении?

Каулквейп улыбнулся:

— О каком, Вокс?

Вокс посмотрел Каулквейпу прямо в глаза. Лицо его стало серьезным.

— Я хочу попросить, чтобы ты взял меня с собой!

— Вот, значит, где ты прячешься, когда не под-
халимничаешь перед хозяином, — слышался на-
смешливый голос.

Ксант, вздохнув, оторвался от стола. В проеме
двери стоял мастер по изготовлению клеток Моллус
Леддикс. Его черный капюшон, обычно скрывавший
лишь черты постоянно гримасничающего лица и ма-
ленькие темные глазки, на сей раз был откинут. Гу-
бы искривились в отвратительной ухмылке.

— Не думаю, что лизоблюдство тебе поможет. Осо-
бенно если слухи подтвердятся.

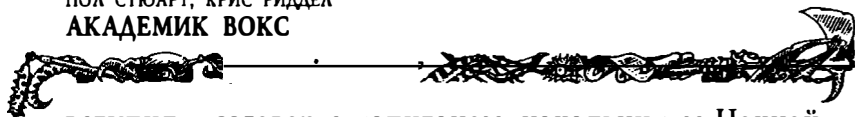
— Какие слухи, Леддикс? — изнывая от скуки,
спросил Ксант. — Он не должен был позволить па-
лачам добраться до него!

— Ходят сплетни, что Верховный Страж перестал
доверять своему любимчику с тех пор, как он вер-
нулся с Вольной Пустоши, где шпионил за Библио-
течными Рыцарями. Поговаривают, что вольный воз-
дух на Пустоши вскружил ему голову и он стал
податлив и ненадежен...

«Интересно, кто внушил такие мысли Верховному
Стражу?» — с горечью подумал Ксант, выдавив в от-
вет улыбку.

— Ох, Леддикс, на твоем месте я не стал бы при-
слушиваться к досужей молве, — ответил он. — На
твоем месте я подумал бы про одного палача, который

вступил в заговор с капитаном, начальником Ночной Стражи. Если Верховный Страж прослышит об этом...

— Да как ты смеешь... — рявкнул Леддикс.

— Только попробуй подойди... — пригрозил Ксант, вставая со стула.

Леддикс, отступив, издал тонкий фальшивый смешок.

— Ну зачем ты так, Ксант, — примирительно промурлыкал он. — Мелкие недоразумения не должны мешать нам выполнять наш общий долг. Кстати, о долге... — Он распрямил плечи. — Тут задержали девушку из Библиотечного Клана, и Верховный Страж приказал допросить ее со всем пристрастием. Как я понимаю, это по твоей части, верно, Ксант? — елейно промурлыкал Леддикс. — Ты ведь хорошо изучил и повадки, и характер Библиотечных Рыцарей.

Ксант ничего не ответил на подхалимаж. Разговор пошел по второму кругу: в словах Леддикса снова прозвучал намек. Ему не доверяли...

Леддикс жестом пригласил Ксанта следовать за собой в камеру пыток, бормоча на ходу:

— Верховный Страж будет присутствовать при допросе. И запомни, Ксант, когда закончишь с ней, она моя!

Они прошли через двор и спустились в камеру пыток, располагавшуюся в подземельях Башни Ночи. Высокий, крепко сбитый стражник — смуглокожий дуркотрог с множеством шрамов на лице и ушами, похожими на кочаны цветной капусты, — открыл им дверь, и Ксант вошел в тесную келью. Как только

дверь за Ксантом захлопнулась, Леддикс, ухмыляясь, тотчас удалился по коридору.

В углу камеры, скрючившись, сидела девушка; судя по ее зеленому летному костюму и легким деревянным доспехам, она, несомненно, принадлежала к команде Библиотечных Рыцарей. Пленница подняла голову, и толстые косы упали ей на плечи.

— Ксант? — тихим голосом спросила она. — Ксант?

Ксант замер. Пленница знала его имя.

— Кса-ант?

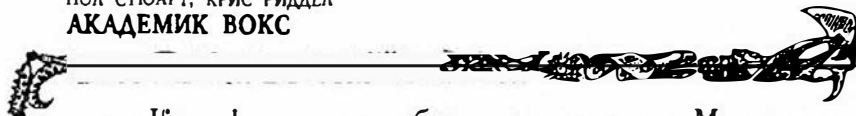
— Молчать! — зарычал на девушку Ксант.

Ему нужно было время на размышления. На противоположной стене был глазок, и через потайное отверстие Верховный Страж следил за каждым его движением. Как бы Леддикс обрадовался, если бы он совершил опрометчивый шаг!

У пленницы руки были связаны за спиной, и она тряхнула головой, чтобы отбросить волосы назад. Все лицо у нее было в ссадинах и кровоподтеках, под глазом разливался синяк, а нижняя челюсть распухла от удара. Из угла рта до подбородка тянулась засохшая струйка крови. Одежда ее была в беспорядке, лицо обезображено, но Ксант сразу узнал ее. И как он мог не узнать ее, после того как провел лучшую часть своей жизни на Озерном Острове, занимаясь с ней в одной группе?

— Это ты, Ксант, — сказала она. — Я поняла сразу. Я Магда. Магда Берликс.

Ксант безразлично глянул на нее, на его суровом лице не дрогнула ни одна жилка.

— Ксант! — снова обратилась к нему Магда. — Ты не узнаешь меня?

— На колени! — рявкнул Ксант.

Ладони у него сделались липкими и влажными, на бритой наголо голове выступили капельки пота и

скатились вниз по щекам. Он хорошо относился к Магде. Она была добра с ним на Озерном острове, когда он сломал ногу и...

Нет! Он будет обращаться с ней точно так же, как со всеми остальными заключенными. Тем более что Орбикс Ксаксис наблюдает за ним.

— Я сказал, на колени! — гаркнул Ксант, с размаху ударив ее ногой в бок.

Магда, шатаясь, встала на колени, двигаться ей мешали связанные за спиной руки, в них впибалась туго закрученная веревка. Широко раскрытыми, как у тильдерихи, глазами она смотрела в упор на Ксанта — тот не желал узнавать ее. Отвер-

для глаза, чтобы не видеть пленницу, он вытащил записную книжку и очиненный карандаш из свинцового дерева, лизнул кончик грифеля и приготовился записывать показания.

— Имя, — сурово начал он.

— Ксанта, — произнесла Магда с дрожью в голосе от переполнявших ее чувств. — Ты отлично знаешь мое имя.

Кожа на бритом черепе Ксанта легла складками. Он чувствовал на себе подозрительный взгляд хозяина, буравивший его сквозь потайной глазок.

— Имя! — хрипло повторил Ксанта.

— Ты знаешь, как меня зовут. — Магда заплакала в ответ, шмыгнув носом. — Это я, Ксанта. Магда Берликс.

Ксанта записал показания.

— Занимаемая должность...

— Я Библиотечный Рыцарь, — ответила Магда, и Ксанта почувствовал гордость в ее голосе. — И поскольку я ношу этот почетный титул, я больше ничего не скажу, пусть под угрозой смерти.

— Тебя задержал наш патруль на берегу Краевой Реки, — спокойно продолжал Ксанта. — Что ты там делала?

— Я Библиотечный Рыцарь, — упрямо, не склоняя

головой повторила Магда. — И я больше не скажу ни слова, даже... Ай-ай-ай! — вскрикнула она, полувив тяжелую оплеуху.

Голова ее упала на грудь. Ксант смотрел на нее сверху вниз: ладонь саднило от удара, а душу терзали противоречивые чувства. Магда была отважной и добросердечной... Она так хорошо относилась к нему... Но владыка следил за ним через глазок, и он не мог вести себя иначе...

Ксант глубоко вздохнул.

— Что ты делала на берегу Краевой Реки? — чеканя слова, повторил он.

Не поднимая головы, Магда сказала:

— Я не сделала ничего плохого. Даже если я и была там, это не нанесло вам никакого вреда. Вы все равно убьете меня, поэтому я скажу. Я пришла туда не по заданию как Библиотечный Рыцарь, а по своему личному делу. Я искала Плута, Плута Кородера. Ты помнишь его? — спросила она. — Он пропал, пропал без вести в Тайнограде. Все Библиотечные Ученые уже отчаялись найти его. Только я не потеряла надежду. — Она подняла глаза, и ее золотые волосы колыхнулись. — Ты знаешь почему? Потому что Плут мой друг. — Она, прищурившись, гневно посмотрела на Ксанта. — Но ты, предатель, меня не поймешь никогда. Потому что ты не знаешь, что такое дружба. — Она повернулась и плюнула на пол.

Ксант услышал легкий щелчок за спиной: крышечка глазка закрылась. С облегчением вздохнув,

он захлопнул записную книжку и сунул карандаш в карман.

Он прошел испытание.

— Мой план прост, — сообщил Вокс, оглядывая линию горизонта за Нижним Городом. — С помощью Библиотечных Ученых я собираюсь заманить гоблинов и шраек в ловушку, оставив свободный путь для нас... — Он положил короткопалую руку на плечо Каулквейпа, — чтобы мы могли беспрепятственно выйти из Нижнего Города к Дороге через Великую Топь.

— Интересно, на какую приманку ты собираешься завлечь их в западню? — спросил Каулквейп, нахмурившись.

— Послушай, мой дорогой Верховный Академик, как ты думаешь, кого гоблины и шрайки ненавидят больше всех?

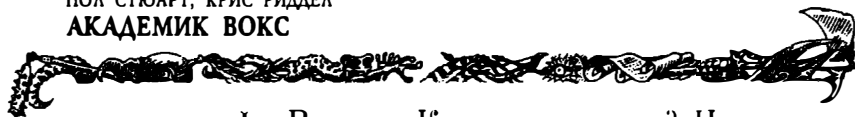
— Библиотечных Ученых! — выпалил Плут, не в силах сдержаться.

— Твой юный друг прав, — рассмеялся Вокс, и его двойной подбородок затрясся от хохота. — Я собираюсь сообщить одновременно и гоблинам, и шрайкам, каким способом они смогут проникнуть в Подземное Книгохранилище без боя.

«Великолепный план, хозяин!» — прозвучал чужой голос в голове у Плути.

Все трое — и Вокс, и Каулквейп, и Плут — разом обернулись.

— Как мило с вашей стороны, что вы решили присоединиться к нам, дорогой Амберфус, — привет-

ствовал эльфа Вокс. — Как ваш кашель? Надеюсь, вам получше?

Эльф выплыл из темноты в сопровождении своей необъятной няньки, Фламбузии Лисохвост, она толкала его инвалидное кресло, обхватив рукоять толстыми пальцами. При словах Вокса нянька залилась краской и поспешно стала поправлять эльфа шарф. Эльф, цыкнув на Фламбузию, отослал ее прочь.

— *Чем я могу помочь вам, хозяин?*

Вокс изящным жестом указал на гоблина, что распростерся на полу возле мраморного столика.

— Я хочу, чтобы ты дочиста стер память этого уроды, Амберфус, и вложил новые мысли в его гладкий, как доска, мозг. Пусть он думает...

Вокс пристально посмотрел на Амберфуса. Тот, глядя на Вокса большими темными глазами, внимал ему. Ушки у эльфа забавно подрагивали.

— Понял вас, хозяин. Очень хитро придумано. Очень хитро... — просипел эльф.

— Ну давай, — подстегнул его Вокс, повернувшись к мраморному столику. — Начинай!

Глаза у эльфа закрылись, голова откинулась назад. Гоблин на полу задержался. Его корчило в судорогах, он клацал челюстями, глаза, казалось, вот-вот выскочат из орбит, и Плут внутренне сжался, прекрасно понимая, какие муки сейчас испытывает гоблин. Несостоявшийся убийца понемногу отсеивал привычные мысли, внимая внушениям Вокса.

— Настало время, настало время, — бормотал гоблин. — Генерал Титтаг, я знаю тайный ход в Книго-

хранилище. Путь свободен, он никем не охраняется... Надо начать штурм с Восточного входа в канализацию. Бейте их без жалости, генерал! Смерть библиотечным ублюдкам!

Эльф глянул на Вокса. Довольная ухмылка преобразила его отечное лицо.

— Отлично, Амберфус! — похвалил он. — Давай дальше!

Амберфус перевел взгляд на гоблина, откинувшего голову назад с такой силой, что у него хрустнули шейные позвонки.

— Он мертв! — заорал гоблин. — Вокс мертв! Я убил его! Своими собственными руками! Я заставил его визжать, как зарезанную свинью! Расплывшаяся жирная туша!

— Ну хватит, хватит, — раздраженно прервал эльфа Вокс. — Я думаю, он знает, что говорить, Амберфус. Теперь надо его отослать обратно, в Улье-подобные Башни.

Амберфус сосредоточился. Гоблин встрепнулся, уставясь в пустоту немигающими глазами.

— Мне нужно немедленно вернуться в ставку, к генералу Титтагу, — пробормотал он.

Гоблин поднялся и, не говоря ни слова больше, направился к выходу. Когда дверь захлопнулась, Вокс криво улыбнулся.

— Ну, о генерале Титтаге мы позаботились, — проговорил он. — Теперь настал черед шраек. Мне нужен человек, который сможет проникнуть в собрание Шайки Шраек и передать этому обросшему перьями чудовищу, Мамаше Ослиный Коготь, что гоблины вот-вот захватят Центральное Книгохранилище. Очень важно убедить ее, что теперь и гоблины, и Библиотечные Ученые в ее власти. — Взгляд Вокса упал на Плута. — Может быть, беглый раб годится? Ему все равно нечего терять, и он с радостью продаст своих друзей за мешочек золота...

Каулквейп обернулся к Плуту.

— Ты прошел и огонь, и воду, и медные трубы, Плут. Может быть, ты сможешь сделать и это? — попросил он. — Нанеси визит Мамаше Ослиный Коготь, дружок. Ради всех Библиотечных Ученых, ради меня...

Плут сглотнул слюну. Мысль о Мамаше Ослиный Коготь и собрании Шайки Шраек наполняла его ужасом. Кроме того, ему тошно было представляться беглым рабом, но...

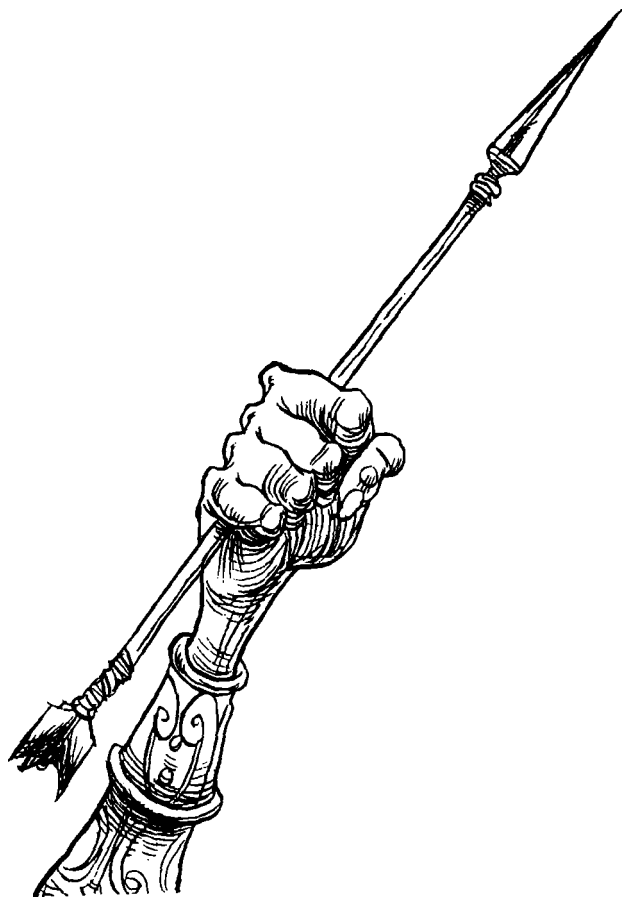
Он посмотрел в глаза старому добряку, тот ждал.

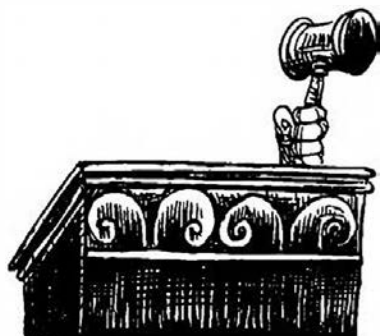
— Почту за честь выполнить вашу просьбу, сэр... — ответил Плут.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

РОВНО В ОДИННАДЦАТЬ

1. Ульеподобные Башни

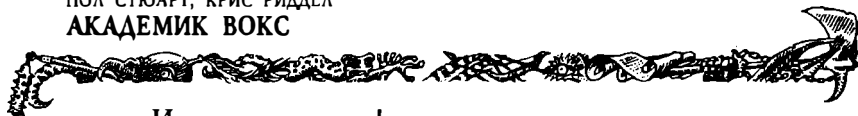

изобилующих тайными ходами и нишами башнях было влажно, дымно и непереносимо жарко. Дышать было нечем от затхлого духа потных, немых тел, чадающих масляных ламп, мерзко пахнущих бродячих водорослей, варящихся в котлах, и жирной копоти от центральной жаровни. Ядовитозеленые отблески падали на тушу тильдера, насаженную на вертел, солдаты вращали его над огнем. Со скворчащего мяса стекал жир, капая на охваченные пламенем поленья, дрова шипели и трещали, и чад от костра, клубясь, заполнял конические башни. Гоблины молча сидели на полу, общая напряженность росла. Казалось, вот-вот начнется драка.

— Крути быстрее, ублюдок, — рявкнул гоблин-надсмотрщик, щелкнув плеткой. Раб, маленький кучкогном, съежившись от страха, налег на вертел.

Откуда-то из темноты послышался громкий стон, за ним последовал пронзительный окрик:

— Тащи эля! Да побольше! Я умираю от жажды!

— И на мою долю! — раздался еще один приказ.

— Где эта чертова рабыня? — взревел третий гоблин.

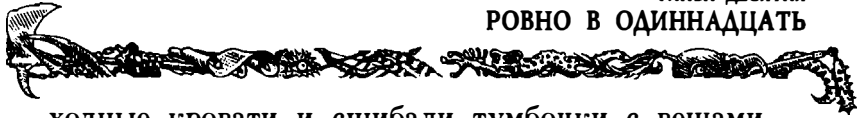
— Иду, господа. Уже иду. — И понурая рабыня из рода кучкогномов, подхватив пустую захватанную пивную кружку, полезла по шаткой приставной лестнице, чтобы зачерпнуть древесного эля из огромного общественного чана.

На верхней площадке дозорный орал на своего напарника, не пришедшего вовремя сменить его на карауле.

Сменщик, недолго думая, с размаху ударил караульного в грудь. Тот ответил пинком, и мгновенно вспыхнула потасовка.

А на площадке для сна сцепились три здоровенных пучковолосых гоблина. Оскалив зубы, они дубасили друг друга тяжелыми кулаками, ломали по-

ходные кровати и сшибали тумбочки с вещами, — очевидно, повздорили из-за соломенной подстилки.

Сам генерал Титтаг расположился на площадке первого этажа. Он прекрасно понимал, в каком состоянии его армия. Беда не в вертеле, не в опоздании на смену и не в том, у кого самый мягкий соломенный матрас, — причиной склок были немислимая духота и жара внутри башни и снаружи. Генерал сам страдал от жары и ходил взад-вперед, нахмутив брови и сжав кулаки.

— Прочь с дороги! — перекрывая общий гул, прогремел чей-то гневный голос.

У ворот намечалась очередная перепалка, там группа стражников окружила вновь прибывшего гоблина.

— Пошли прочь! — проревел он во второй раз, пытаясь пробиться через толпу. — У меня важное донесение для генерала Титтага!

— Глыбодур? Это ты? — прозвучал зычный бас.

— Я, сэр! — отозвался Глыбодур. — Я принес вам хорошие новости!

— Разойдись! — рявкнул генерал. — Немедленно пропустить его!

Гоблины подчинились приказу, и Глыбодур, отирая пот со лба, заторопился к генералу. Склонив почтительно голову, он приветствовал военачальника согласно армейскому кодексу гоблинов, подняв руку и приложив сжатый кулак к сердцу.

— Докладывай! — скомандовал генерал. — Надеюсь, ты принес добрые вести, иначе ты разделишь судьбу вон того тильдера, которого сейчас поджаривают на вертеле.

Глыбодур ухмыльнулся, подняв глаза на Титтага.

— Вокс Верликс мертв, хозяин.

— Мертв, — прошептал генерал Титтаг, расплываясь в довольной улыбке. — Ты уверен?

— Я прикончил его собственными руками, — гордо произнес Глыбодур, поглаживая вложенное в ножны оружие, висевшее у пояса. — Он завизжал, как свинья, когда я вонзил в него нож. И раз, и два, и три, и четыре... — Гоблин рубил воздух, показывая, как он насмерть зарезал свою жертву.

По помещению пронесся ропот:

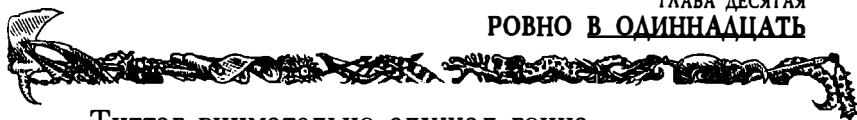
— Вокс Верликс мертв!

На секунду физиономия Глыбодура омрачилась.

— Крич погиб в коридоре, — сообщил он. — Там на каждом шагу расставлены ловушки, как вы и предупреждали, но я шел по пятам за рабом, ожидая подходящего момента, чтобы ударить...

— Ты молодец, Глыбодур, — похвалил его генерал Титтаг. — Я тобой доволен. — И он похлопал гоблина по плечу. — Вокс Верликс считал, что он хозяин, а я слуга, потому что как-то раз заплатил мне за услугу. — Генерал откашлялся и плюнул в костер. Комок мокроты, красный в отблесках пламени, зашипел, попав на горящее полено. — Ну, кто тут теперь хозяин, а? Вокс Верликс — покойник, а Титтаг — хозяин Нижнего Города!

— Я еще не все сказал, сэр! — продолжал гоблин приглушенным голосом, тонувшим в радостных криках.

Титтаг внимательно слушал гонца.

— Перед смертью Вокс умолял меня оставить его в живых. За это он обещал нам помощь. Он рассказал мне, как одолеть Библиотечных Ученых. Есть тайный лаз, через него можно попасть в подземную канализацию, а оттуда прямо в Центральное Книгохранилище.

— Тайный лаз! — воскликнул Титтаг, и глаза у него сверкнули. — А где он?

Гоблин нагнулся и стал рисовать план на полу, покрытом толстым слоем пыли.

— Вот подземная библиотека, — пояснял он, рисуя круг, — а вот центральный тоннель. — Гоблин рассек его надвое длинной горизонтальной линией. — А здесь, здесь и здесь — три главных входа. — Гоблин поставил на рисунке три крестика, отмечающие Восточный и Западный Сток и фановые трубы, выходящие на поверхность в доках. — Но, если верить Воксу, там есть еще вход под землю, — добавил гоблин, вдавив каблук в пыль выше Западного входа.

Титтаг задумчиво изучал карту.

— Там есть маленький люк, — задумался он, — я считал, он давно не работает...

— Это они нас убедили, — поддержал Титтага гоблин. — Вокс узнал о существовании тайного хода от мальчишки, своего кухонного раба.

— Старый хитрый лис, — хмыкнул генерал Титтаг, и неровные гнилые зубы блеснули в пламени жаровни. — Он давно хранил эту тайну. Даже если

этот тайный ход никому не известен, кроме самих библиотекарей, там наверняка выставлена охрана.

— Необязательно, — возразил Глыбодур. — Вокс сказал, что на днях они собираются проводить всеобщее собрание. Действительный Верховный Академик собирается сообщить что-то важное. Собрание начнется ровно через двое суток, значит, ровно в одиннадцать.

— В одиннадцать, — сосредоточенно повторил Титтаг, и глубокая складка легла у него между бровями.

— По словам Вокса, кроме обычного отряда постовых у каждого входа, в это время все будут в центральном зале Подземного Книгохранилища, — добавил Глыбодур. — Они окажутся в западне. Беззащитные и безоружные. Как курицы на яйцах: подходи и хватай. — Гоблин старательно излагал внушенные ему мысли. — Вокс, упав на колени, умолял меня о пощаде, говорил, что сам хотел пойти к генералу Титтагу. Пусть слава достанется вам, а ему даруют жизнь.

Генерал презрительно хмыкнул:

— Не сомневаюсь, что именно так он и говорил. А что еще он сказал?

Гнусная ухмылка искривила тонкие губы гоблина.

— Больше ничего. Ваше имя было последним, что он произнес, — хохотнул он, похлопывая по ножнам своего клинка.

Генерал Титтаг гордо поднял голову и утробно захохотал.

— Прекрасно! Превосходно! — ревел он. — Вокса Верликса больше нет, и теперь я уничтожу Книгохра-

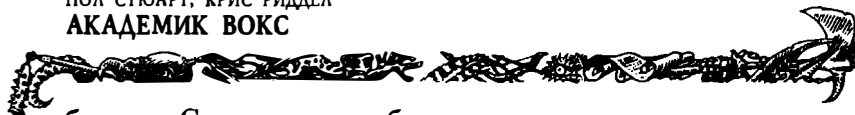
нилище вместе с Библиотечными Учеными! Покончу с ними раз и навсегда! Даже Мамаше Ослиный Коготь не удалось добраться до подземной библиотеки! Даю слово, я стану великим правителем Края! И многие умрут, прошептав мое имя: «Генерал Титтаг!»

Стражники, скопившиеся в башне, передавали обрывки разговора между генералом Титтагом и Глыбодуром из уст в уста. Горячий воздух звенел от напряжения...

— Смерть библиотечным ублюдкам! — крикнул кто-то.

И этот призыв был радостно встречен воодушевившимися гоблинами: они завyli и захлопали в ладоши с такой силой, что задрожали перекрытия

башни. Стражники отбивали ритм и завели песню, сначала тихо, потом все громче и громче, и вскоре, подстегивая и разогревая себя элем, гоблины довели себя до экстаза, готовые немедленно броситься в кровавый бой.

— Тит-таг! Тит-таг! Тит-таг! Тит-таг!..

2. Центральное Книгохранилище

— Тише! Тише! — стараясь перекрыть гул взволнованной толпы, призывал Фенбрус Лодд. — К порядку!

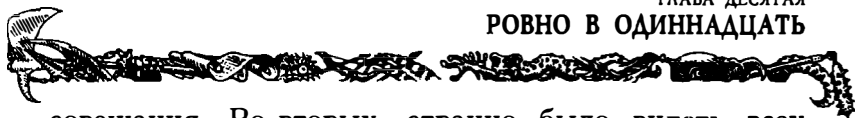
Председатель постучал молоточком по столу. Центральный зал подземной библиотеки дрожал от крика собравшихся. Несмотря на поздний час, зал был набит битком и шум стоял невообразимый. Библиотечные Ученые стояли вплотную друг к другу на мосту из черного дерева, свисали с выступов, теснились на плотках в главном канале. Каждый смотрел на членов Ученого Совета, появившихся на мосту из летучего дерева. Собравшиеся перекрикивали друг друга:

— Никогда!

— Чушь!

— Предательство!

Атмосфера в подземной обители была напряженной еще до объявления открытого заседания Ученого Совета. Теперь страсти накалились до предела. Во-первых, необычным был час, назначенный для

совещания. Во-вторых, странно было видеть всех Верховных Библиотекарей сразу на открытом заседании. Но самым странным и неприятным было выступление Действительного Верховного Академика Каулквейпа Пентефраксиса. Его призыв вызвал бурю эмоций у зала.

— Покинуть Центральное Книгохранилище? — надрываясь, кричал пожилой библиотекарь, пунцовый от ярости, он тряс растрепанными бакенбардами, и кисточка его профессорской квадратной шапочки болталась вокруг вытянутого яйцевидного черепа.

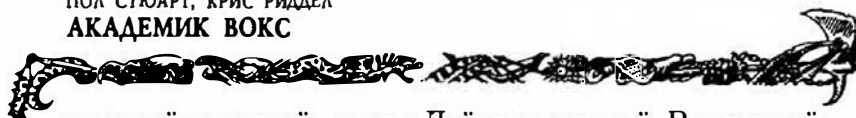
— Позор! Позор! — негодуя скандировал другой.

— Только через мой труп! — грозя маленьким сухоньким кулачком членам Ученого Совета, хрипел престарелый старший научный сотрудник, пристроившийся в опасно раскачивающейся подвесной кабинке-читальне.

— Тук! Тук! Тук! Тук!

Фенбрус Лодд изо всей силы стучал молотком по столу, и его удары напоминали падение тяжелых градин. Толпа, выйдя из-под контроля, стала неуправляемой: собравшиеся наперебой бранили свое руководство, хранившее благородное молчание.

Среди членов совета были Олквики Венвакс и другие профессора, Варис Лодд, капитан Библиотечных Рыцарей, Профессор Света Ульбус Веспиус и Профессор Тьмы Таллус Пенитакс. Посередине шеренги, выстроившейся полукругом, перед стулом с самой

высокой спинкой, стоял Действительный Верховный Академик — Каулквейп Пентефраксис, объект всеобщего негодования и ярости.

Академик весь сжался, вобрав голову в плечи, — он казался хрупким и уязвимым перед разбушевавшейся враждебной толпой. Даже широкий коричневый балахон не мог скрыть его дрожь. Фенбрус Лодд, Верховный Библиотекарь, председатель собрания, сидел несколько поодаль от членов Ученого Совета, в резной кабинке-читальне из черного дерева, висевшей над залом. Понимая, что ситуация вышла из-под контроля, он продолжал стучать молотком: тук! тук! тук! тук! — и орать во всю глотку:

— Тишина! Тишина! Я не потерплю подобного безобразия!

Беспорядочный шум стал стихать.

Тук! Тук! Тук! Тук!

— Я немедленно выдворю всех из зала, если вы будете и дальше шуметь! — сверкая глазами, пригрозил он. — Ти-ши-на!

Волнение в зале постепенно улеглось.

— Действительный Верховный Академик пригласил вас на это собрание — профессоров, доцентов, библиотекарей, ассистентов и младших помощников, — чтобы вы стали свидетелями дискуссии, в процессе которой мы примем окончательное решение. Это решение касается нас всех, и такое ваше поведение я считаю недопустимым.

Шум и гам прекратились, и только чей-нибудь шепот да невнятное бормотание изредка нарушали воцарившуюся тишину. Фенбрус Лодд обратился к Каулквейпу:

— Приношу вам глубокие извинения, господин Верховный Академик. Прошу вас, продолжайте.

Каулквейп поднял глаза: враждебная толпа готова была принять в штыки его решение. Он выискивал среди собравшихся престарелого исследователя, который первым затеял перепалку с ним.

— А-а-а, вот ты где, Сурликс, — произнес Каулквейп, в упор глядя на седовласого ученого, устроившегося в кабинке-читальне. — Ты сказал: «Через мой труп»? — Теперь мягкий голос академика был слышен в самых отдаленных уголках зала. — Вот что я скажу тебе, Сурликс... И это относится к каждому из вас. Вы все скоро превратитесь в трупы, если немедленно не покинете Подземное Книгохранилище. Я беседовал с крупным специалистом, и он говорит, что скоро грянет Великая Буря. Конец неизбежен.

— Буря? Великая Буря? — по залу пронесся ропот.

Тук! Тук! Тук! Тук!

— Вот почему стоит такая жара и влажность воздуха превзошла предельные нормы, — продолжал Каулквейп. — Собирается шторм. Мне показали карты облаков. Буря разразится в полночь через двое суток. Если мы не покинем Подземное Книгохранилище до одиннадцати часов вечера, нас всех затопит.

— Какая чушь! — не в силах сдержаться, воскликнул рыжеволосый Библиотечный Ученый. — Мы уже пережили не одну бурю!

— А для чего тогда шлюзы? — гневно воскликнул один из присутствующих, приплывший на собрание на плоту. Его недовольный возглас был подхвачен многими участниками, стоявшими слева от моста из черного дерева.

— Остаемся! — крикнул кто-то, и толпа хором повторила:

— Остаемся! Остаемся!

Тук! Тук! Тук! Тук!

— Это не обычный шторм, — продолжал Каулквейп, пытаюсь перекрычать вопли недовольной публики. — Это...

Тук! Тук! Тук! Тук!

— Тишина! — рявкнул Фенбрус Лодд.

Каулквейп вздохнул:

— Это черный вихрь.

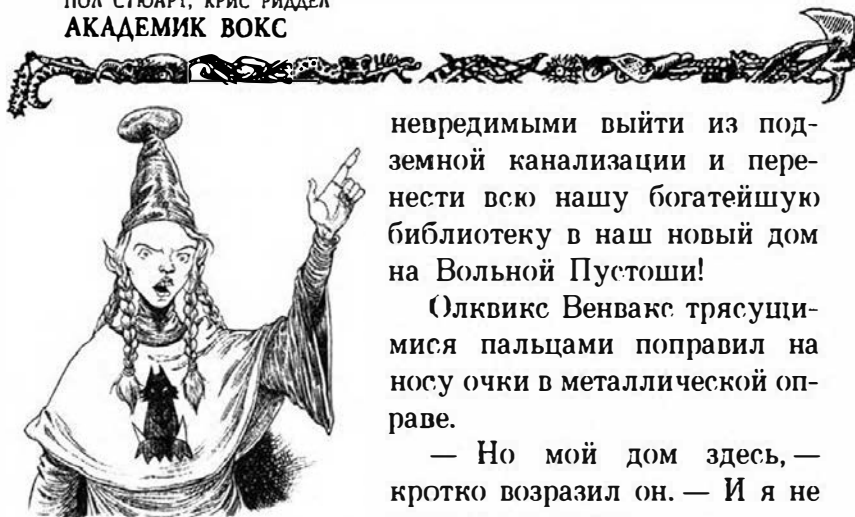
— Черный вихрь? — поеживаясь, переспросил Фенбрус Лодд.

— Вокс Верликс, крупнейший облаковед всех времен и народов, показал мне свои расчеты. Сомнения нет: через двое суток грянет Великая Буря.

— Вокс Верликс! — гневно воскликнул кто-то. — Почему мы должны ему верить?

Каулквейп поднял руку:

— Потому что он нуждается в нас. Мы обещали взять его с собой, а в обмен на это он разработал план, согласно которому мы сможем целыми и

невредимыми выйти из подземной канализации и перенести всю нашу богатейшую библиотеку в наш новый дом на Вольной Пустоши!

Олквикс Венвакс трясущимися пальцами поправил на носу очки в металлической оправе.

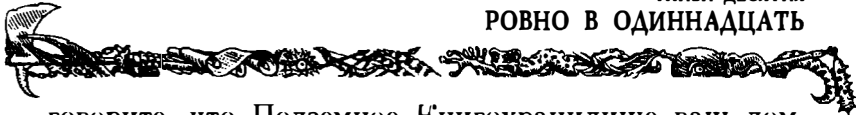
— Но мой дом здесь, — кротко возразил он. — И я не хочу его покидать.

Одобрительный рокот волной пробежал по залу. Фенбрус Лодд мрачно оглядел присутствующих, занеся над столом молоточек, и тут вперед вырвалась Варис Лодд.

— Вольная Пустошь — самое прекрасное место во всем Крае! — воскликнула она. — Я знаю, потому что сама побывала там. Это чистый, сверкающий бриллиант среди Дремучих Лесов, луч света и оплот надежды для всех академических ученых!

Присутствующие примолкли, внимательно слушая Варис Лодд. Она заслуживала уважения и своими научными трудами, и храбростью. Если она считает, что великий исход на Вольную Пустошь необходим...

— Только подумайте! — говорила она. — Можно начать новую жизнь на новом месте, где знания в почете, где ученые пользуются любовью и уважением! — Варис Лодд повернулась к Олквиксу. — Вот вы

говорите, что Подземное Книгохранилище ваш дом. Посмотрите вокруг! Зачем вам оставаться здесь, в канализации? Зачем проводить свою жизнь среди зловонных сточных труб? Прятать свое лицо от света из боязни показаться на поверхности? Клянусь Небесами, вы достойны другой участи. — Она сбавила тон. — Когда вы в последний раз видели солнце, ощущали тепло его лучей, Олквикс Венвакс? Помните ли вы, что такое дождь, омывающий лицо, или ветер, треплющий волосы? А когда в последний раз вы видели звезды?

Олквикс угрюмо сидел на стуле.

— Она права, — не вставая, пробормотал академик. — Я очень скучаю по ветру и звездам.

— Мы все академики, — продолжала Варис. — Мы посвятили себя науке, всю жизнь изучая Край и углубляя знания о нашей земле. И тем не менее мы киснем здесь, в сырой и темной норе, отрезанные от мира, который мы поклялись охранять. Глубокоуважаемые Библиотечные Ученые, я поддерживаю предложение Верховного Академика. Мы должны покинуть мрачные своды подземной канализации и построить новую библиотеку на Вольной Пустоши!

В зале раздались громкие возгласы одобрения. На сей раз Фенбрус Лодд не прибегал к помощи молодчика. Его дочь, произнеся вдохновенную, страстную речь, не только завоевала сердца слушателей, а и смогла убедить всех, включая его самого, в справедливости решения мудрого Каулквейпа.

Фенбрус Лодд обратился к Каулквейпу, голос его дрожал от волнения:

— Если вы считаете, что можно верить узурпатору Воксу Верликсу, то я последую за вами и... — он оглядел членов Ученого Совета, — остальные тоже.

Тук! Тук! Тук! Тук!

— У нас в запасе всего двое суток, — сказал Фенбрус Лодд. — Нужно собрать вещи, упаковать имущество в корзины, ящики и коробки, тщательно обернув наши сокровища водонепроницаемым брезентом или просмоленной парусиной, а потом погрузить на плоты и баржи...

Каулквейп с улыбкой взглянул на Верховного Библиотекаря и его дочь, молча благодаря их за то, они что склонили Библиотечных Ученых принять его решение. Теперь ему оставалось только молить Небеса об удачном исходе предприятия.

Роковой час приближался.

3. При дворе Шайки Шраек

Высокие башни у заставы, приземистые будки и заборы из колючей проволоки, напоминавшей острые птичьи когти, — таков был привычный вид владений шраек. Однако в восточной части Дороги через Великую Топь появилась новая веха ландшафта — вознесшаяся до небес Железная Сосна, некогда произраставшая на плодородной почве Дремучих Лесов,

ее вырыли с корнями и доставили ко двору. При помощи многочисленных опор и канатов дерево водрузили на новом месте, наголо остругали некогда пышные ветви, отполировали и превратили в красочно расписанные насесты для Шайки Шраек.

Теперь дерево-исполин, коллективный курятник, громадой нависало над Дорогой через Великую Топь, и шрайки, расположившись на его обнаженных ветвях, устраивали там свои крикливые сборища.

Шрайки кудахтали, квохтали, галдели, а Мамаша Ослиный Коготь, взгромоздившаяся на роскошный золоченый трон, внимательно слушала товарок, поигрывая плеткой-треххвосткой.

— Подлое гоблиново отродье кишмя кишит у Башен-ульев, как муравьи в разворошенном муравейнике, — говорила долговязая шрайка в ярком наряде, с пышным плюмажем на голове.

— Они что-то затевают, сестры! Нам сообщили, что молотоголовые гоблины собираются у Главного Восточного Входа в канализацию, — вторила ей другая, ее пунцовый хохолок дрожал от ярости.

— Вы правы, девочки, — высказалась третья. — Титтаг явно замыслил какую-то пакость. Я чувствую его подлость каждым своим перышком!

— Именно поэтому нельзя упускать момент, сестрички, нужно напасть на них прямо сейчас и окунуть наши когти в гоблинову кровь! — страстно прокудахтала шрайка с пурпурным гребешком, стараясь перекричать и клекот гомонящих товарок, и боевые

кличи батальона, марширующего на плацу перед сосной. — В атаку! — говорю я. В атаку!

— А я говорю, надо выждать, сестричка Царапа, — перебила ее угловатая шрайка, вскарабкавшаяся на противоположную ветку, склонив набок пеструю голову. — Титтаг хитер. Сначала нам нужно заслать разведчиков, чтобы выяснить его планы, а до тех пор придется сдерживать нетерпение, сестры.

— Моя дорогая сестричка Кривоклюв обычно осторожничают, — медовым голосом прокудахтала Царапа. — Ей, видимо, больше нравится подбирать упавшие семена с земли, чем клевать свежие фрукты с ветвей...

— Верно говорите, глубокоуважаемая сестричка, — отвечала Кривоклюв, но в ее квохтанье скользили недовольные нотки. — Как вы изящно выразились, я подбираю семена с земли, но, как известно, курочка по зернышку клюет: я слышу все, о чем шелестит лес, а те, кто охотится за свежатинкой, прыгая по ветвям, могут сломать себе шею.

Глаза Царапы зло вспыхнули.

— При чем тут ветви, сестра Кривоклюв, — взорвалась она, и перья у нее встали торчком, — если можно напиться гоблиновой крови?

— Тише, тише, сестрички, — утихомирила споривших Мамаша Ослиный Коготь, раскачивающаяся на подвесном троне. — Успокойтесь. В такие тяжелые времена каждой нужен острый глаз и ясная голова...

В разгар перепалки послышался шум и к дереву приблизился отряд стражниц. Шрайки, рассеявшиеся по ветвям сосны-курятника, негодуя закудахтали.

— Тысяча извинений, почтенные сестры, мы обнаружили вот это, — произнесла стражница, волоча за шиворот юношу в испачканной грязью одежде. Грубо бросив его на площадку у корней дерева, охрана прокудахтала донесение Мамаше Ослиный Коготь.

— Ваше Верховное Владычество, мы схватили его, когда он шнырял у заставы, где Ворота на Дорогу через Великую Топь.

Шрайки заклохотали, клопоча от гнева. Молодой человек поднял голову и пугливо огляделся. Сразу же раздался щелчок костолома: охранница больно ударила его по плечу.

— Как ты смеешь глазеть на великую Шайку Шраек! — проскрипела она. — Библиотечное дерьмо!

Юноша опустил глаза.

— Прошу прощения... — сказал он. — Я должен поговорить с...

Плетка просвистела опять — хлысть!

— Будешь говорить, только когда тебя спросят! — завопила охранница.

— Пусть библиотекарь говорит, — заклохтала сестра Кривоклюв. — Я же по зернышку клюю, значит, и от него можно получить зернышко полезной информации.

— Да как он смеет смотреть нам в глаза! — взорвалась сестра Царапа. — За это ему печень порвать мало!

— Хватит! — оборвала товарок Мамаша Ослиный Коготь, уставясь неподвижными желтыми глазами на распростертого в пыли юношу. — Что же привело юного Библиотечного Рыцаря к Дороге через Великую Топь? Говори, несчастный, или мы растерзаем тебя и сожрем твою печень!

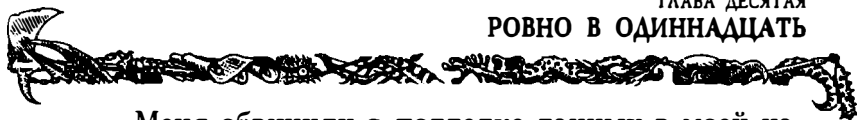
Не поднимая головы, юноша отвечал:

— Меня зовут Плут Кородер. Я когда-то был Библиотечным Рыцарем. Но я вышел из их рядов, и теперь я плевать хотел на все их правила и запреты. Ненавижу этих подземных крыс. Я хочу свободы и надеюсь обрести ее в Дремучих Лесах. Ради свободы я готов предать их всех до одного!

Кудахтанье стало громче. Мамаша Ослиный Коготь прищурилась, вглядываясь в юношу желтыми глазами.

— Встань, — повелела она. — Рассказывай по порядку.

Плут поднялся на ноги, намеренно не отрывая глаз от земли: ему больше не хотелось подвергать себя мучительной боли от удара плетью.

— Меня обвинили в подделке данных в моей научной работе и еще в краже манускриптов, — еле шевеля губами, прошептал он. — Меня оклеветали, оболгали. И за это они мне дорого заплатят!

Шрайки уgomонились. Мамаша Ослиный Коготь пригнулась к юноше и острым когтем подцепила его подбородок, чтобы приподнять голову. Плут вынужден был посмотреть прямо в глаза пернатому чудовищу.

— Дорого заплатят? — переспросила она. — А как ты себе это представляешь?

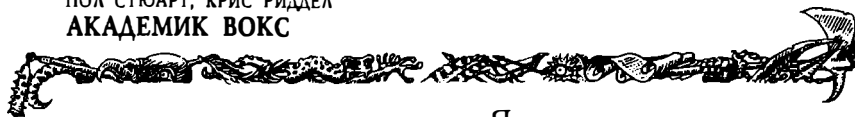
— Библиотечные Ученые в большой опасности, но они не осознают этого, — сказал Плут с горькой улыбкой. — Гоблины обнаружили тайный лаз в Центральное Книгохранилище. Они намереваются атаковать библиотеку и захватить канализацию.

— Ну, видите! — заклохтала какая-то шрайка. — А что я вам говорила! Генерал Титтаг что-то замышляет!

Мамаша Ослиный Коготь утихомирила товарку, лягнув ее когтистой лапой.

— А почему мы должны тебе верить, библиотечное отродье? — взревела она.

— Потому что я ненавижу всех Библиотечных Ученых, и если вы дадите мне немного денег за ценную информацию, я смогу заплатить за вход в Дремучие Леса, — объяснил Плут, опуская голову. — Я прошу самую малость, только пятьдесят золотых монет, ради того, чтобы разбить наголову и гоблинов, и библиотечарей одним ударом. И я знаю, что шрайки

ценят опытных разведчиков. Я могу сослужить вам хорошую службу, когда попаду на Вольную Пустошь. — Он сделал паузу. — За названную плату, разумеется.

— Продолжай, — произнесла Мамаша Ослиный Коготь, раскачиваясь на подвесном троне.

Шрайки, скопившиеся вокруг своей предводительницы, затихли.

— Сперва золото, — сказал Плут, глядя прямо в глаза шрайке.

Мамаша Ослиный Коготь, взмахнув плеткой-треххвосткой, опустила ее на тщедушного самца, примостившегося подле хозяйки. Плут заметил, что на спине у него был кожаный ранец.

— Стой спокойно, — рявкнула предводительница шраек.

Достав ключ, она отперла замок. Чемоданчик открылся, и Мамаша Ослиный Коготь запустила в него лапу, потом отсчитала монеты.

— Держи, — прохрипела она, швыряя золото на землю. — Здесь тридцать штук. Тебе за глаза хватит. И если ты не хочешь, чтобы мы выпустили тебе кишки...

Плут, ползая на четвереньках, принялся поспешно рассовывать золото по карманам. Когда звякнула последняя монета, упавшая поверх пригоршни других, юноша поднялся.

— Гоблины нападут с востока, — начал он. — Я могу показать вам вход в Большой Западный Тоннель, который приведет вас прямо в Центральное

Книгохранилище. Вы неожиданно атакуете — и окружаете гоблинов и библиотекарей разом.

Мамаша Ослиный Коготь взволнованно завохотала.

— Скажи мне, когда начинать атаку, и мы с почетом провезем тебя по Дороге через Великую Топь в моей личной карете!

Плут улыбнулся. Он широко раскрытыми глазами смотрел на шрайку.

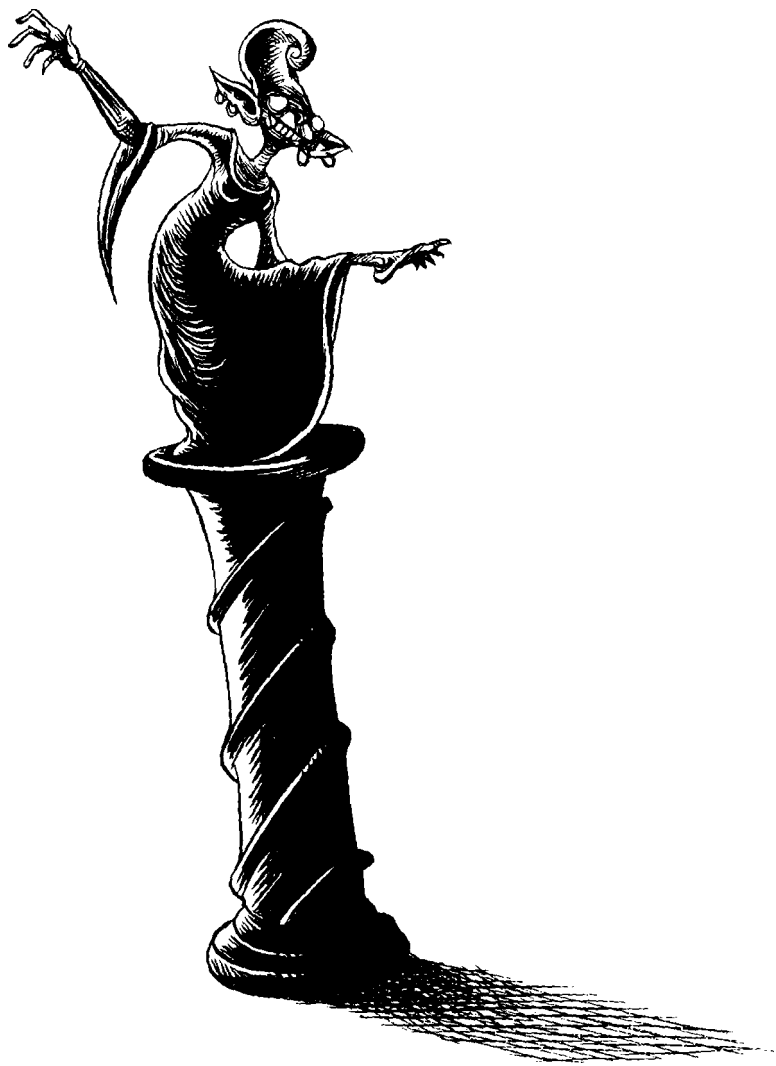
— Наступление начинайте через двое суток, — заключил он. — Ровно в одиннадцать.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

КСАНТ ФИЛАНТАЙН

Ксант стоял у окна своего кабинета, глядя на занимающийся рассвет. Голова шла кругом. Парило как никогда, воздух был недвижим, и даже сквозь широко раскрытое окно в комнату не проникало ни малейшего ветерка.

Отирая потный лоб, он с нарастающим чувством страха разглядывал тяжелые черные тучи на горизонте. Мощная, густая завеса перекрывала полнеба, и ее края граничили с кроваво-красным маревом утренней зари. Ксант испугался. Может быть, это приближалась буря, прихода которой так долго ожидали Стражи Ночи? Грозивший бедой шторм внушал глубокий ужас...

По крайней мере, подумал Ксант, если грянет буря, легче станет дышать. Предыдущей ночью он не сомкнул глаз, ворочаясь с боку на бок и скидывая мокрые простыни, а в те короткие минуты, когда ему удавалось вздремнуть, одолевали кошмары и преследовали дурные видения.

Далеко внизу просыпались обитатели Тайнограда. Жители Нижнего Города выползали на узкие улочки,

среди руин Ксант увидел крохотных прохожих — гоблинов и простой люд, спешивший по каждодневным делам. Понаблюдав за копошением горожан, он принялся изучать последний участок Дороги через Великую Топь: там тоже намечалось какое-то движение.

Ксант вытащил подзорную трубу из-под глубоких складок плаща и навел ее на фокус, чтобы получше разглядеть заставы, башни у ворот, бурлящую стаю птицеподобных чудищ, скопившихся на огромной площадке между башнями, и похожее на гигантское дерево диковинное сооружение, воздвигнутое дня два тому назад. Переведя окуляр на саму дорогу, он понял, что несметные полчища шраек прибывали с каждой минутой. Подобно черной туче, многотысяч-

ная армия пернатых монстров двигалась по направлению к Нижнему Городу.

Восточный Посад, должно быть, совсем опустел, подумал Ксант. Но почему? Неужели они тоже почувствовали приближение шторма?

Мимо окна, пронзительно каркая, пролетел белый ворон. Ксант опустил пониже подзорную трубу, следя, как птица мелькнула на фоне Башни Ночи, перемахнула через Тайноград и исчезла в поднебесье, устремясь к Каменным Садам.

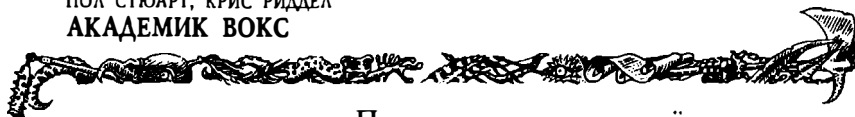
Ксант печально вздохнул: он тоже хотел бы улететь прочь, подальше от зловещей мрачной башни. Душой он всегда был не здесь...

Ах, если бы он мог летать, он выбрал бы не Каменные Сады. Нет, имей он крылья, он бы направился к Дремучим Лесам. Ксант улыбнулся. Может быть, Леддикс был прав: наверно, воздух на Вольной Пустоши вскружил ему голову.

Там, на Вольной Пустоши, он парил над Большим Озером на своем «Птицекрысе», небоходе, который построил собственными руками. Вся жизнь могла бы сложиться иначе, если бы он, совершая первый самостоятельный полет, не грохнулся оземь на Озерном Острове и не сломал ногу...

Ксант отвернулся от окна, прошелся по каменному полу и сел за стол. Ему нужно было закончить работу над переводом. Перед ним лежал старинный свиток, написанный на древнем языке первых академиков.

Юноша взял карандаш и перечитал последнее предложение: «Тк йт млнй глб сткнт йт блнй кмн тм

смм сдлв здрвм...» Потом перечитал свой перевод: «Итак, эта голубая молния ударит по больному камню, тем самым сделав...»

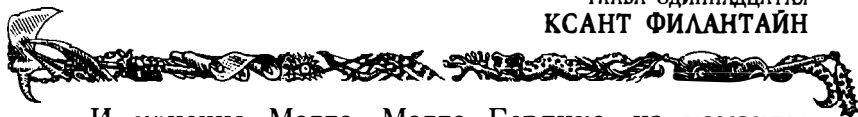
— Здрвм, — пробормотал он. — Здоровым? Здоровья вам? Здравия желаю?

Мысли путались от жары и бессонницы и расплзались. Юноша провел пальцем по завиткам и листьям, вырезанным по краю деревянной столешницы, и вспомнил Окли Баркграфа, старого доброго лесного тролля, который помогал ему выточить небоход из ствола отстойного дерева. Как здорово было почувствовать вырисовывающуюся фигуру птицекрыса, прикасаясь к теплой поверхности заготовки!

А еще Кастет, парень из племени душегубцев, его ровесник, научивший Ксанта искусству владения такелажем... Как ему нравилось завязывать сложные узлы на канате, как приятно было смотреть на раздувающиеся паруса!

Сильнее всех в душу запал Пинцет, древний шпиндель, показавший, как правильно покрывать лаком небесный кораблик. С ним они провели так много долгих часов за совместным чаепитием, потягивая ароматный напиток... и сейчас в ушах Ксанта звучал тонкий пронзительный голос старика, повествующий о тех далеких днях, когда ему доводилось гулять по улицам Старого Санктафракса.

А еще Парсиммон, Глава Озерной Академии, и Варис Лодд, и его товарищи: Стоб Ламмус, Плут Кородер...

И конечно Магда. Магда Берликс, из команды Библиотечных Рыцарей, та самая, которую он так жестоко допрашивал накануне...

— Ах, Магда! Магда! Магда! — зарыдал Ксанти, швыряя на стол карандаш и отпихивая древнюю рукопись.

Он встал — табурет тяжело отлетел в сторону, заскрежетав по каменному полу, — и принялся расхаживать взад-вперед по комнате, от узкой койки до окна и обратно, потирая бритую голову.

— Я очень старался быть хорошим стражником, — бормотал он себе под нос. — Никто не станет этого отрицать. Я подчинялся приказам. Я был верным. Безжалостным... А теперь явилась ты, Магда, и все, о чем я хотел забыть, снова всколыхнулось в моей душе. Ну как ты могла попасться в лапы стражников! Почему именно ты?..

Лицо его посуровело. Ксанти схватился за голову. Как он дошел до жизни такой?

Ксанти бросил взгляд из окна на Дворец Статуй. Минуло немало лет с тех пор, как Орбикс Ксаксис втерся к нему в доверие, соблазняя разными благами, переманил к себе, заставив бросить Вокса Верликса, у которого Ксанти числился в подмастерьях.

Улучив момент, Орбикс отзывал Ксанта и говорил: «Такого умного юношу, как ты, в Башне Ночи ждет блестящее будущее. Твое имя войдет в историю, мой мальчик, как имя человека, излечившего от недуга большую скалу и вернувшего Санктафраксу его былую славу!»

Железная маска с дымчатыми очками скрывала лицо Орбикса, противогаз глушил его голос, а сердце юноши бешено стучало от возбуждения.

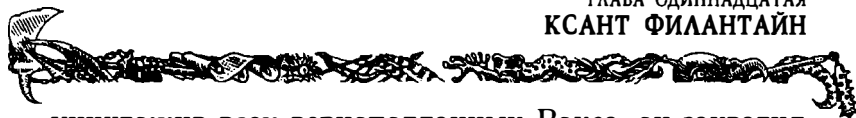
«Воксу Верликсу крышка, поверь мне, — говорил Орбикс спустя месяц. — А эти высокомерные фигляры, Библиотечные Академики, никогда в жизни не найдут средства для излечения больной скалы, со всеми их мазилками и припарками. Будущее за нами. Стражи Ночи — вот кто истинные последователи Небесных Ученых. Иди к нам, Ксант. Иди к нам...»

И Ксант перешел к ним. В ту ночь, в самый темный час перед рассветом, он выскользнул из своей спальни, встретился с новыми сторонниками Орбикса Ксаксиса и, присоединившись к группе перебежчиков, поставил свое имя под «Клятвой верности», распишавшись кровью.

Ксант еще раз прошелся по комнате: тяжелые воспоминания чередой пронесли в его памяти.

Не успела высохнуть кровь на пергаменте, как Орбикс вызвал его. Он, грубо проводя дознание, выведal у Ксанта все подробности о расположении помещений в башне, о местонахождении коридоров и лестниц, о распорядке дня, о передвижениях дворцовой челяди и о привычках самого Вокса... Через три дня Орбикс Ксаксис начал наступление:

уничтожив всех верноподданных Вокса, он захватил Башню Ночи и объявил себя Верховным Стражем. А Вокс вынужден был спастись бегством.

Ксант сел, сжавшись в комок, на край своей узкой кровати и в задумчивости раскачивался взад-вперед, взад-вперед. Хоть он и не осознавал этого полностью, он привык... Привык...

Откуда-то из темного нутра башни до него доносились приглушенные звуки хлопающих дверей и нескончаемый жалобный вой. Кормили заключенных. Двери открывались раз в сутки, и дежурный охранник просовывал в щель дневную порцию каши и воды. Скорбные стоны оглашали подвалы, и эхо разносило плач по верхним этажам башни. Открываются двери, — значит, вскоре распространится и мерзкая вонь, насквозь пропитавшая тюремные камеры.

Заключенные! Да, при Орбиксе Ксаксисе появилась масса заключенных: Библиотечные Ученые, жители Нижнего Города и бывшие Стражи Ночи, обвиненные в заговоре против власти. Каждый мог оказаться под подозрением. Ксант завоевал доверие нового хозяина, допрашивая пленников. Он прекрасно справлялся с порученным делом, используя метод кнута и пряника, — лишь бы заставить несчастных говорить!

В ту пору он познакомился с Каулквейпом, несчастным Верховным Академиком, на которого Вокс Верликс донес Орбиксу Ксаксису, а тот бросил его в тюрьму. Теперь Верховный Академик был на свободе, и Ксант скучал по нему: еще на первом допросе ему понравился неунывающий жизнелюбивый старик.

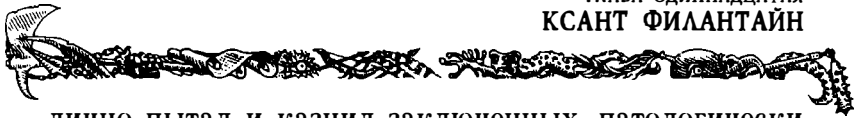

Кто, как не Каулквейп, подбадривал его, когда он впадал в дурное настроение! Ксант, чувствуя себя одиноким, часто спускался тайком в мрачные казематы послушать рассказы профессора, влюбленного в Дремучие Леса. Ксанта буквально заворожили загадочные истории, сказки и древние предания, передаваемые из уст в уста лесными жителями, обитающими там испокон веков. А когда Ксанту подвернулась возможность самому отправиться в Дремучие Леса, он с радостью ухватился за нее, хотя ему было стыдно признаться Каулквейпу, что его засылают туда как шпиона по заданию Стражей Ночи.

В комнатке было жарко и душно. Ксанта терзала печаль, мучили угрызения совести. Да, он покинул зловещую башню, он прошел долгий путь до Вольной Пустоши. И там, впервые в жизни, он испытал счастье, как и обещал ему Каулквейп. Но в конечном итоге ему пришлось возвращаться назад. У него не было выбора. Он боялся разоблачения и вернулся к Стражам Ночи. С грустью он покидал Дремучие Леса, сердце его было разбито. По возвращении он не осмелился встретиться с Каулквейпом и уже никогда не заходил к Верховному Академику в камеру. Теперь все изменилось. Каулквейп Пентефраксис, бывший Верховный Академик Нового Санктафракса, снова на свободе, а он, Ксант...

Где-то звякнула цепь. Ксант вскочил и подбежал к окну. Мимо проплыла клеть, уже пустая. Ее поднимали наверх из глубокой черной пропасти.

Ксант отошел от окна и гневно стукнул кулаком по столу. Если раньше Верховный Страж Ночи само-

лично пытал и казнил заключенных, патологически ненавидя Библиотечных Ученых, то теперь Орбикс Ксаксис и вовсе преступил черту, превратившись в жестокого тирана: он стал скармливать несчастных библиотекарей каменным демонам!

Так называемые Церемонии Очищения были не чем иным, как кровожадной забавой для извращенного ума Верховного Стража. Орбикс Ксаксис стал безумцем. Маньяком. Монстром.

Вернувшись к окну, Ксанта оглядел горизонт. При дневном свете грозовые облака казались еще более мрачными и внушительными. Быть может, после долгих месяцев засухи в Крае наконец-то начнется дождь: сумасшедший, проливной ливень, с громом и молнией...

Молния!

Ксанта почувствовал, что он весь дрожит от волнения. Священная Молния! Та самая молния, которая, как считали Стражи Ночи, ударит в Полночный Шпиль и, пронзив насквозь Санктафраксову скалу, исцелит ее!

«А что если Орбикс прав?» — метался в сомнениях Ксанта. Что будет, если разразится буря, и ударит молния, и исцелится больная скала? Что будет тогда? Здесь всегда шла борьба за власть: шрайки воевали с гоблинами, Стражи Ночи — с Библиотечными Учеными, но равновесие более или менее сохранялось.

Если же Стражам Ночи удастся излечить каменную болезнь, все мигом переменится. Стражи возьмут контроль и над Новым Санктафраксом, и над небом,

поскольку летучие камни снова начнут расти в Каменных Садах.

И если такое случится, кто станет главной фигурой во всем Крае? Ну да, Орбикс Ксаксис, Верховный Страж Ночи! Хочет ли этого он, Ксант?

Бух! Бух! Бух!

В дверь три раза постучали, и гулкие удары кулака вывели Ксанта из оцепенения. Дверь распахнулась.

— Вас вызывают на верхнюю площадку, — недовольно буркнул мрачный страж. — Следуйте за мной.

Когда Ксант вышел в коридор, в нос ему сразу же ударил зловонный дух, поднимающийся из тюремных застенков вниз.

«Бедняги, — подумал Ксант. — И Магда, одинокая, испуганная до смерти... Ах, Магда... — Он неотвязно думал о ней, следуя за вооруженным стражником вверх по лестнице в покои Верховного Стража. — Мне нужно благодарить тебя, а не проклинать за то, что ты вызвала у меня такие воспоминания о Вольной Пустоши. Я больше не могу оставаться в этом ужасном месте. Я должен уйти. И обязательно должен забрать тебя с собой».

Шаги Ксанта гулко звучали в роскошном, величественном кабинете Верховного Стража, когда он ступал по отполированному до блеска паркету из свиного дерева. Насколько его комнатка была убогой, настолько великолепны были покои хозяина. Они были битком набиты бесценными предметами искусства,

награбленными в развалившихся дворцах Тайнограда. Стены были увешаны зеркалами в золоченых рамах и затейливыми шпалерами, сверкавшими золотой и серебряной прошивой, полки заставлены вазами с орнаментом и подсвечниками, на высоких подставках и цоколях замерли статуэтки танцоров. По углам виднелись гигантские фарфоровые чаши бирюзового или огненного цвета, а над головой сверкала хрустальная люстра. У дверей на смотровую площадку стояли две скульптуры, выточенные из того же тяжелого свинцового дерева, что и паркет: они изображали свирепых толстолапов, демонстративно повернувших толстые зады ко всему миру.

— Наконец-то ты явился, Ксант! — прозвучал приглушенный стальной голос, и между толстолапами и юношей возникла фигура в черном одеянии.

— Верховный Страж... — пробормотал Ксант.

— Иди сюда, — приказал Орбикс, поворачиваясь к нему спиной.

В дальнем углу площадки суеился Леддикс, нависший над клетью для Церемонии Очищения как ворон над падалью. Он поднял глаза, но по его оплывшей физиономии ничего нельзя было прочесть.

— Подойди сюда! — рявкнул Орбикс.

Ксант приблизился к нему. Зловещее шипение несло из-под маски, скрывавшей лицо Верховного Стража. В черных очках правителя Ксант видел отражение своего перекошенного от страха лица.

— У меня были сомнения насчет тебя, Ксант, — просипел Орбикс. — Наверно, ты и сам заметил. С тех пор, как ты вернулся с Вольной Пус-с-с-тош-ш-ш-и... — Свист потихоньку улегся. — Но я зря сомневался. Когда я собственными глазами увидел, как ты лупил это библиотечное отродье, я понял, что слухи о твоей неверности были... были... — обернувшись, он бросил взгляд на Леддикса, — были, по меньшей мере, малообоснованны.

— Я дал клятву верности, — торжественно произнес Ксант, — и как Страж Ночи я выполнял свой долг.

— Да, да, — подтвердил Орбикс, — ты был великолепен.

Верховный Страж потащил Ксанта к балюстраде, которая окаймляла нависшую над землей широкую

площадку. У себя за спиной Ксант услышал довольное бормотанье Леддикса.

— Грядет Великая Буря, — произнес Орбикс, указывая на толщу черных туч на горизонте. — Мы должны подготовиться. Я хочу, чтобы ты занялся Полночным Шпилем. Почисти шестерни, смажь маслом узлы в рычагах, проверь цепи на барабанах. Все должно быть в порядке. Ты понял меня?

— Да, сэр.

Верховный Страж, ослабив хватку, отпустил Ксанта. Из-под маски раздалось довольное похрюкивание.

— Я знал, что ты не подведешь. — Орбикс распрямил плечи. — А теперь ступай. Пора за работу.

Ксант повиновался и направился к выходу.

Орбикс перевел взгляд на клеточных дел мастера. Даже сквозь маску, прикрывавшую рот, было слышно его отрывистое, тяжелое дыхание.

— Леддикс, — просипел Верховный Страж, — я надеюсь, у тебя все в порядке.

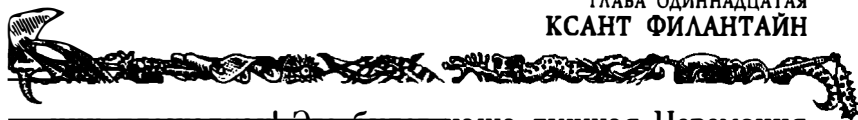
— Да, хозяин, — склоняясь в полупоклоне, отвечал Леддикс. — Тоннель между оврагом и канализацией завершен, я сам осмотрел его.

— А наживку ты проверил?

— Такое нежное, сладкое молодое мясо, Верховный Страж, — плотоядно зачмокал Леддикс. — Они обязательно соблазнятся такой добычей, я вам клянусь...

Орбикс стоял у балюстрады, задумчиво вглядываясь в даль. Леддикс вьюном вился около него.

— Они разорвут ее на куски, — кровожадно проговорил он. — А какой восторг это вызовет на верх-

них площадках! Это будет наша лучшая Церемония Очищения!

Верховный Страж повернулся к мастеру-клеточнику, укоризненно глядя на него. Орбикс презрительно оттопырил губу.

— Ах, Леддикс, Леддикс, — издевательски произнес хозяин. — Ничего ты не понял. Это будет не обычная Церемония Очищения. Я не хочу, чтобы юную жертву растерзали на куски только ради удовольствия зрителей, устроившихся на верхних площадках. — Орбикс замолчал, свистящее дыхание участилось.

— Как это не хотите, хозяин? — удивился Леддикс с разочарованием в голосе.

— Никак не хочу, идиот! — рывкнул Орбикс. — А зачем, ты думаешь, рабочие бригады трудились день и ночь весь последний месяц, сооружая тоннель между оврагом и канализацией? Зачем мы прикармливали скалистых демонов, бросая им сладчайшее, нежнейшее мясо юных библиотекарей? Просто для того, чтобы позабавить твоих кровожадных приятелей с верхних площадок?

Леддикс заерзал.

— Ну конечно нет! — ухмыльнулся Орбикс. — Я хочу заставить ее бежать по тоннелю, бежать, ради спасения своей жизни, а за ней, преследуя по пятам, с воем бросятся скалистые демоны в предвкушении сочной юной плоти.

Голос его загремел, а Леддикс, казалось, сжался вдвое.

— Они будут кишмя кишеть в каждом закоулке, в каждой щели. Они обезумеют, возбужденные и доведенные до неистовства жаждой крови, учуяв запах библиотечных ублюдков, любимый запах, к которому мы приучили их! И тогда никому не будет спасения! Ни один библиотекарь не останется в живых!

Леддикс склонился в низком поклоне.

— Гениальная идея, хозяин, — ележно просюсюкал он. — Да будут благословенны Стражи Ночи под вашей рукой, сэр!

Квакающий смех раздался из-под маски.

— Завтра ровно в полдень, когда солнце будет в зените, грянет самая последняя и самая великая Церемония Очищения!

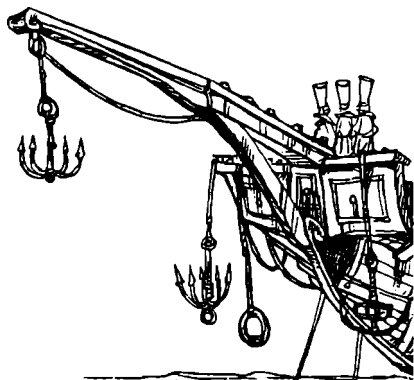

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

БИБЛИОТЕЧНАЯ ФЛОТИЛИЯ

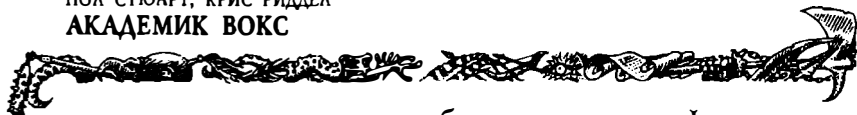

опаста вентиляторов, укрепленных на потолке, бешено кружились, как рой встревоженных лесных мотыльков при свете луны, но в духоте Центрального Книгохранилища от них было мало толку. Казалось, от их неистового вращения в помещении становилось еще жарче. А внизу, на мостах и многочисленных площадках, с мрачной целеустремленностью работали Библиотечные Ученые — одежда у них насквозь просырела, а лица блестели от пота.

Команды профессоров в конических шляпах сновали туда-сюда по мостам и извивающимся тоннелям, перетаскивая коробки, корзины и огромные пачки с манускриптами. Помощники библиотекарей в развевающихся плащах бегали взад-вперед от площадок к воде, волоча по двое тяжелые рулоны непромокаемой промасленной ткани. Смотрители подвесных кабинок-читален проворно сворачивали длинные цепи в мотки... Соединенные в объемистые букеты, летучие читальни колыхались в воздухе в ожидании своей очереди на погрузку, а на воде уже покачивались

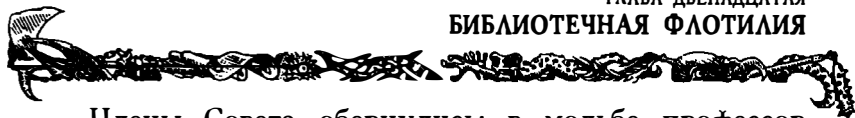

массивные плоскодонные баржи — целая флотилия из пяти судов, — на которых трудились сотни матросов и плотогонов, канатами соединяя плавающих гигантов в единый караван.

На мосту из летучего дерева собрался Совет: ученые внимательно просматривали свитки из березовой коры и прочий библиотечный материал. Там был и Фенбрус Лодд, Верховный Библиотекарь, — сердитый упрямец небольшого роста, белый как лунь, его седые растрепанные волосы образовывали светящийся ореол. Рядом, одетая в летнюю форму, стояла его дочь, зеленоглазая Варис Лодд, капитан Библиотечных Рыцарей, — собранная и хладнокровная, она внимательно следила за происходящим. Еще там находились Профессор Тьмы и Профессор Света, Таллус Пенитакс в тяжелом черном плаще и Ульбус Веспииус в белом плаще, выделявшемся ярким пятном во мраке, — они были погружены в беседу.

Позади них вырисовывалась фигура Олквикса Венвакса. Он переминался с ноги на ногу, не в силах сдержать волнения: его любимая библиотека переезжала, ценнейшие книги были упакованы и вверены коварным волнам Краевой Реки!

— Это безумие! — Его крик перекрывал общий гул голосов. — Безумие! Мы все утонем, и великая библиотека, за создание которой мы боролись не на жизнь, а на смерть, погибнет навсегда! — Голос у него сломался от горя, и слезы градом покатились по щекам. — Ну пожалуйста... Есть же какой-то другой путь спасения!

Члены Совета обернулись: в мольбе профессор упал на колени, и Варис Лодд тотчас подскочила к нему. Внезапно в подземной библиотеке воцарилась неловкая тишина: матросы и плотогоны, бросив работу, устремили свои взгляды на группу ученых, стоявших на мосту из летучего дерева.

— Другого пути нет, мой дорогой друг Олквикс, — раздался хрупкий старческий голос, в нем звучала железная уверенность в правильности действий. Решительные слова прорезали тишину, отзываясь эхом под сводами Центрального Книгохранилища. Члены Совета расступились, и вперед вышел Каулквейп, Верховный Академик, при полных регалиях. Он шагнул к перилам моста и, вскинув руки, обратился к собравшимся:

— Я знаю, многие из вас не хотят покидать нашу Великую Библиотеку.

Ропот пронесся по толпе: публика на баржах и на площадках загомонила.

— Много лет подряд она была нашим приютом, нашим убежищем, мы скрывались здесь от тех, кто хотел искоренить нас раз и навсегда... В канализации мы чувствовали себя в безопасности — и это правда. Теперь надвигается ужасная буря, трубы будут затоплены, и все, за что мы боролись, не жалея сил, погибнет. Запомните все, — голос Каулквейпа, нарастая, достиг крещендо, — вскоре Центральному Книгохранилищу придет конец. А благодаря вашей помощи, мои дорогие, отважные библиотекари, Великая Библиотека останется жить в веках!

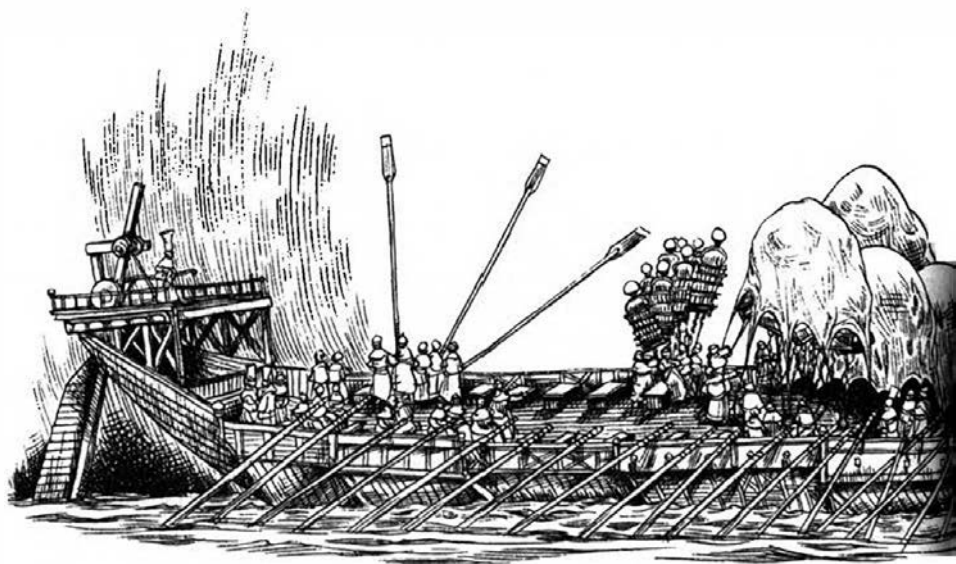

Воцарилась мертвая тишина. Было слышно только монотонное жужжание вентиляторов, работавших всю ночь. К перилам шагнул Фенбрус Лодд. Встав рядом с Каулквейпом, он вытянул вверх руку, сжатую в кулак.

— Да здравствует Великая Библиотека! — прогремел призыв.

— Да здравствует Великая Библиотека! Великая Библиотека! — Его клич подхватили тысячи голосов.

Профессора кидали в воздух остроконечные шляпы, помощники библиотекарей принялись отбивать дробь по деревянным доскам на площадках, а гребцы на баржах подняли вверх весла.

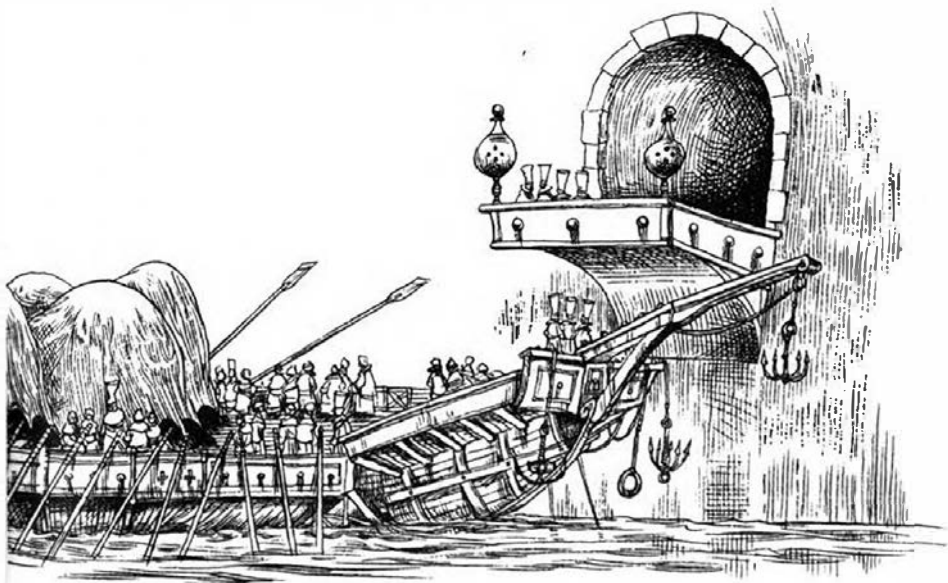

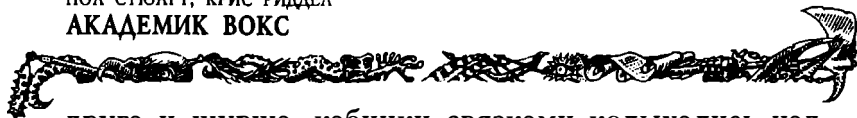

Каулквейп вскинул руку, и шум улегся.

— Спасибо вам, мои храбрые библиотекари. А теперь за работу, — скомандовал он. — Приближается назначенный час.

Все с новыми силами взялись за дело. Пять больших судов, плоские посудины с заостренными носом и кормой, скрепленные скобами из железного дерева, были почти готовы к отплытию. На носу у каждого судна закрепили якоря и гарпуны, а корму оборудовали высоким мостиком для рулевого. Вдоль палубы шли тяжелые ряды скамей, а по бортам щетинились весла. В центре каждой баржи установили подвесные кабинки-читальни, укрыли их сетями и закрепили ремнями, и теперь, задевая друг

друга и шурша, кабинки связками колыхались над водой.

— Работа идет хорошо, — заметил Фенбрус Лодд, обращаясь к Варис, она вместе с Профессорами Света и Тьмы внимательно наблюдала за погрузкой ее хрупкого небохода на четвертую баржу.

Девушка глянула на отца.

— Да, папа, — ответила она. — Хотя мне было бы легче поднять в воздух эскадрон, чем довериться воде. Кроме того, нашему флоту необходимо прикрытие с воздуха.

— Это слишком опасно, — возразил Профессор Тьмы. — Даже для тебя, Варис.

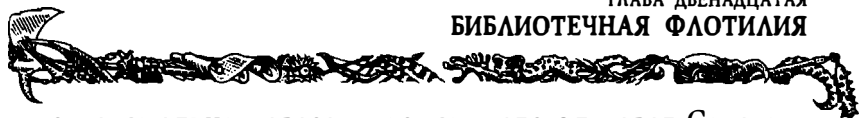
— Таллус прав, — поддержал коллегу Профессор Света. — Если начнется шторм, никакой небоход не продержится в воздухе и пяти минут.

— Нам они понадобятся позже, — подхватил Профессор Тьмы. — Когда мы покинем Нижний Город...

— Не знаю, наступит ли этот миг, — перебил его Фенбрус. — К чему сейчас дискуссии! Ради Неба и Земли, поторопитесь с погрузкой! Варис, ты поведешь профессоров. И никаких небоходов! Нам остается надеяться на лучшее и молиться, чтобы мы не встретили противника у ворот на Дорогу через Великую Топь.

— Никаких противников не будет, я обещаю вам! — прозвучал чей-то голос.

Из мрака тоннеля, отходящего от моста из летучего дерева, вынырнула фигура в плаще. Человек

стремительно пересек мост и предстал перед Советом, откинув капюшон.

— Плут! — воскликнул Фенбрус. — Как я рад тебя видеть, мальчик мой!

— Я тоже очень рад, сэр Верховный Библиотекарь! — ответил юноша. — Мне нужно многое вам рассказать.

— Докладывай, — приказал Фенбрус Лодд. — Теперь все зависит от твоих слов.

Члены Совета сгрудились вокруг побледневшего от усталости Библиотечного Рыцаря. Каулквейп подал ему стул из летучего дерева.

— Не толпитесь вокруг него, — сказал Фенбрус Лодд, спустившись из кабинки-читальни. — Эй, ты! — Он указал на помощника библиотекаря. — Сбегай принеси ему воды.

— Садись, — предложил Плуту Каулквейп, кладя руку ему на плечо, — и переведи дух. Вот так.

Плут, у которого тряслись коленки, присел и повел свой рассказ.

— Было ужасно, — проговорил юноша. — Я совсем забыл, какие жуткие монстры эти шрайки. Вонь, галдеж и еще — глаза, немигающие желтые глаза, которыми они пялятся на тебя... — Плут вздрогнул. — Могу поклясться, они видят тебя насквозь...

— Ты храбрый парень, Плут, — заметил Каулквейп. — Теперь ты в безопасности. Если бы они умели видеть насквозь, тебя бы с нами сейчас не было...

Плут выдавил жалкое подобие улыбки.

— Я твердо придерживался легенды, которую мне сочинил Вокс, — о том, что я ненавижу библиотекарей и готов предать их...

— Шрайки обожают предателей и предательство, — вмешалась Варис. — Они легко покупаются на это.

— Я сказал им, когда и где нападать, именно так, как мы договорились с вами, — продолжал Плут, беспокойно поглядывая на Верховного Библиотекаря и Профессоров Света и Тьмы.

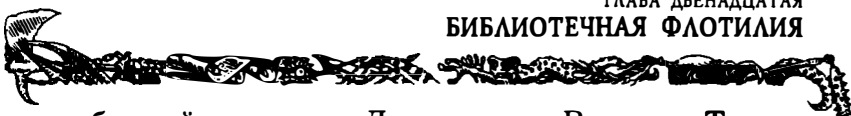
— Пути назад нет, — подытожил Фенбрус Лодд, косясь на обеспокоенное лицо Олквикса Венвакса.

Профессор Света и Профессор Тьмы обменялись взглядами.

— А Мамаша Ослиный Коготь поверила тебе? — спросил Профессор Тьмы.

— Поверила, когда я запросил с нее пятьдесят золотых, — ответил Плут. — И она обеспечила мне

свободный проезд по Дороге через Великую Топь в своей собственной карете, на том условии, что я изложу ей детали. Она думает, что я ее личный шпион и буду работать на нее до гроба. Поэтому она оставила меня в живых.

— Как я и говорила, — пробормотала Варис, — шрайки понимают, что такое предательство.

Каулквейп повернулся к Плуту:

— Значит, ты утверждаешь, что Дорога через Великую Топь будет свободна?

— Да, я уверен, — ответил Плут. — Когда я ехал, я видел полчища шраек, бесконечным потоком льющиеся из Восточного Посада. Там целая армия монстров. Их план — наводнить всю канализацию ровно в одиннадцать, а у ворот останутся только птенчики да тщедушные самцы.

— Ну с ними-то мы справимся, — твердо заявила Варис.

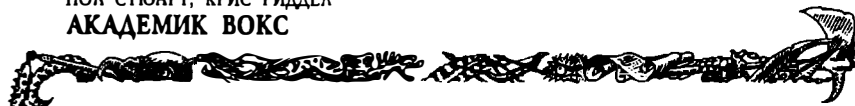
— Великолепно, — воскликнул Каулквейп. — У меня были сомнения, но, кажется, план Вокса сработал.

— Жирный слизняк, — брезгливо скривился Фенбрус.

— Ты сослужил хорошую службу Библиотечным Ученым, Плут, — продолжал Каулквейп. — Отдохни чуть-чуть, а потом спускайся к причалу. Тебя ждет место на барже.

Плут улыбнулся. Варис обняла его за плечи.

— Пойдем, Плут, — сказала она. — Тебе надо хоть что-нибудь поесть.

Тут до ушей Плута донесся жалобный вой с дальнего края моста из летучего дерева.

— Вух-вух, Пв-ут-ут, Вурра-ло! Вурра!

Юноша сразу узнал переливчатые трели.

— *Добро пожаловать, Плут, тот, кого поразила отравленная палочка. Мы скучали по тебе.*

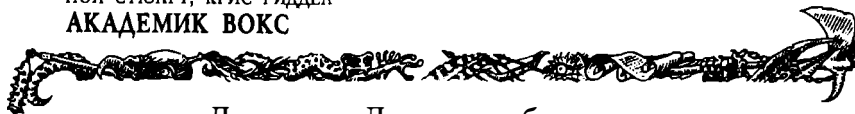
— Ура! Толстолапы! — закричал он.

Первой Плут увидел Молин, старушку толстолапиху, улыбающуюся ему беззубым ртом, — свет блеснул на ее единственном обрубленном клыке. Рядом был Виг, огромный косолапый самец с безобразным шрамом на плече, и Вурало, милая Вурало, самка с забавной отметиной на морде — черным пятном вокруг глаза, спускающимся к носу, — та самая толстолапиха, которую он спас на Опушке Литейщиков, заслонив ее своим телом и получив за это удар отравленной стрелы в плечо. Последней стояла Вумеру — она была для него дороже всех. Сколько лун миновало с их первой встречи в Дремучих Лесах?

Забыв об усталости, Плут с распростертыми объятиями бросился к своей подруге, и она крепко обхватила его за плечи. Остальные радостно тискали юношу, прижимая к груди.

Зажатый среди гигантов, Плут вдыхал уютный аромат замшелого меха, и это успокоило его, погасило скачущий ритм вырывающегося из груди сердца. Он вспомнил о порабощенных толстолапах, о Великой Сходке, о толстолапихе, которая много лет назад спасла его, осиротевшего малыша, потерявшегося

в темных Дремучих Лесах, и заботилась о нем, пока не пришли люди и не унесли его с собой...

— Мои друзья... — пробормотал Плут, освобождаясь из могучих лап. — Вурра-вух, меерала! *Сердце мое поет от счастья при встрече с вами!*

— Вух-вух! Вух-вух! Вурра — виг! Ларра-виравух! — хором заговорили толстолапы.

Вумеру заставила их замолчать, слегка склонив голову набок.

— Вух-велла-лум! — серьезно произнесла она. — *Наши сердца радуются, что ты снова с нами. Вира-вуррала. Но наши сердца грустят, что мы должны покинуть тебя.*

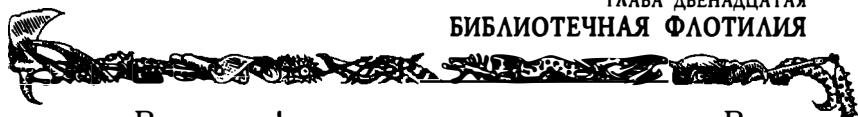
Плут отступил на шаг.

— Покинуть меня? — переспросил он, прижимая ладонь к груди и склоняя набок голову. — Почему? Не успели встретиться, как нужно расставаться!

Вумеру, взяв Плута за подбородок могучей лапой, притянула его к себе. Юноша чувствовал ее теплое дыхание, видел печаль в ее глазах. *Мы должны доставить толстяка к Воротам на Дорогу через Великую Топь. Таков уговор.*

— Это так, — подтвердила Варис, появившись рядом с ними. — В наше соглашение с Воксом входил пункт о том, что мы берем эту тушу собой. Толстолапы согласились забрать его из Дворца Статуй и в специальном паланкине доставить в безопасное место.

— Вух-вух вуралах, — тихо прошептал Плут. — *Задание это опасное. Никто бы не винил вас за отказ.*

— Вурра-виг! — оскалившись, резко ответила Вумеру. — Вурро-лера. *Наши сердца лопнули бы от стыда.*

Варис улыбнулась.

— Они никогда не подведут нас, Плут, — сказала она. — Да благословят нас Небеса! Я надеюсь, мы все еще встретимся у Ворот на Дорогу через Великую Топь.

Она подала знак толстолапам, и они поочередно обняв Плута на прощание, сошли с моста.

Издали, в полумраке тоннеля, Плут увидел высокое изящное сооружение, напоминающее беседку. Паланкин был установлен на резной раме, от которой отходили полированные длинные ручки. Толстолапы нагнулись, подхватили горизонтальные шесты когтистыми лапами и по команде Варис Лодд дружно подняли паланкин.

— Вух-вух, веера-луг-вух, — пробормотала себе под нос Молин с молодецовой ухмылкой. — *Легкий как перышко, даже для такого старого мешка с костями, как я.*

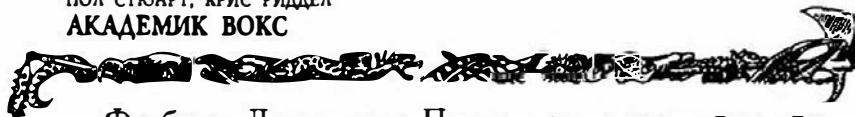
Плут улыбнулся в ответ. Какие отважные ребята!

— Вух-вух, — прошептал юноша, легонько прикоснувшись рукой ко лбу и груди. — *Прощайте.* — У него в глазах стояли слезы.

— *Прощай, Плут,* — крикнули толстолапы, погружаясь в тоннель. — *Пусть луна озарит нашу следующую встречу.*

У Плута комок стоял в горле.

— Мы обязательно встретимся, — сказал он себе. — Непременно встретимся.

Фенбрус Лодд, взяв Плута под руку, увел его с моста.

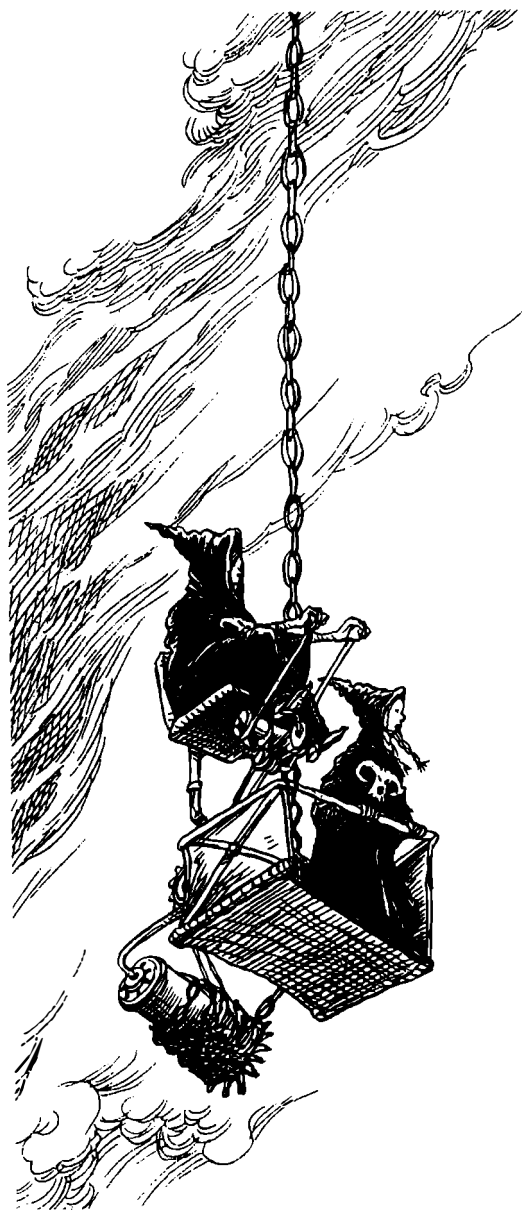
— Ты хорошо поработал, Плут Кородер, — произнес он. — Поешь, а потом займи свое место на барже, рядом со старым профессором Олквиксом Венваксом. Ему нужна поддержка, мой мальчик. А теперь ступай. Да благословят Земля и Небо нас и нашу Великую Библиотечную флотилию!

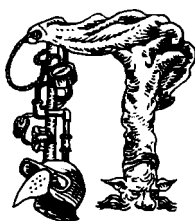
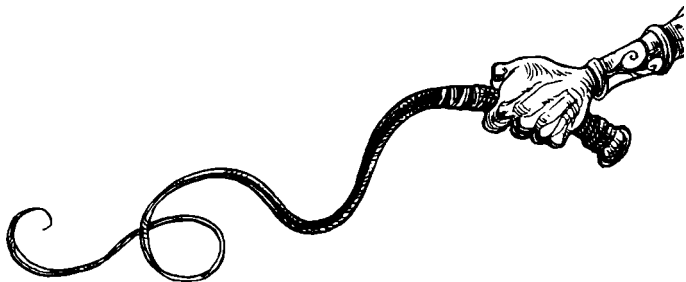

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

ДУРКОТРОГ НА ПОСТУ

Пока Ксант Филантайн спускался по узкой лестнице, закончив работу на шатком карнизе шпиля, венчавшего Башню Ночи, кожаная сумка с инструментами соскользнула с его плеча и с металлическим лязгом брякнулась о ступеньки.

— Хрумхрымс тебя побери! — выругался Ксант и снова взвалил сумку на плечо.

Ящик с инструментами был тяжелым. Внутри лежали гаечные ключи, щетки-корчетки, масленка с длинным тонким носиком и множество измерительных приборов. Спиртовой уровень, напоминающий веретено и вертикальный отвес, тиски, напильники для обточки зубцов взаимосвязанных шестерней и самое ценное — откалиброванный барометр и астролябия, показания которых Ксант должен был снимать ежедневно. На этот счет он получил четкие распоряжения Верховного Стража Ночи, тот самолично проверял полученные цифры.

Механизмы должны были работать без сбоев.

Губы Ксанта искривились в мрачной ухмылке. Отирая потный лоб, он продолжал, задыхаясь, спускаться

по лестнице. Ксант встал на рассвете, и хотя было еще раннее утро, жара изнуряла, высасывала все силы, лишала способности сосредоточиться. Спускаясь вниз, он на минутку задержался, чтобы полюбоваться прекрасным видом на Краевые Земли. Только с борта небохода перед ним открывалось такое изумительное зрелище. Однако сегодня он не увидел обычной деловой суеты: город наводнили военные формирования гоблинов, марширующих по опустевшим улицам и стекающихся на площадь в восточном квартале. В противоположном конце города в призрачном утреннем свете Ксант разглядел несметные полчища шраек в многоцветном оперении, от их пестроты у юноши зарябило в глазах. Кроме того, он увидел, как собираются черные тучи, нависшие над горизонтом: мрак сгущался и грозовая толща сливалась в сплошную стену.

Добравшись до нижней ступеньки, Ксант соскочил на смотровую площадку и открыл сумку с инструментами. Порывшись в ее содержимом, он вытащил металлический стержень, остро заточенный с одного конца и украшенный головой Хрумхрымса с другого, бегло осмотрел оружие. Внезапно над ухом Ксанта раздался грубый окрик, и от испуга у него волосы встали дыбом.

— Кто идет? — рявкнул постовой.

Ксант быстро спрятал в карман заточку. Перед ним высился неповоротливый дуркотрог: волосатой лапищей, похожей на бычью ногу, он крутил рукоять огромной кривой шашки, висевшей у него на поясе.

Дуркотрог, раздувая ноздри, красными маленькими глазками уставился на Ксанта.

Ксант полыхнул взглядом в ответ.

— Это я, — сердито отозвался он. — Ксант Филан-
тайн. Ты сам, дубина, вызвал меня сюда.

— Пароль, — хрюкнул дуркотрог, не меняя тупо-
го выражения лица.

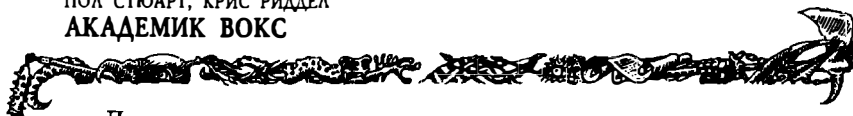
Ксант вздохнул.

— Скалистые демоны подняли визг, — отчека-
нил он.

Дуркотрог механически буркнул отзыв:

— Ибо скоро они выйдут на свободу.

— Ну что? Теперь ты доволен? — спросил Ксант. —
Убедился, что я тот самый Ксант Филантайн, которого
ты вызвал сюда полчаса назад?

Дуркотрог, прищулив крохотные глазки, смотрел в упор на Ксанта ледяным взглядом. Он и не думал пропускать Ксанта.

— Правила нужно соблюдать, — проворчал он. — Они для всех одинаковы, даже для любимчиков Верховного Стража, обожающих библиотекарей...

— Что ты сказал? — прогремел Ксант, сверкая синими глазами. — Я действую от имени Верховного Стража Ночи!

— Правила нужно соблюдать, — пробормотал стражник уже не так уверенно, как раньше.

— Я давно мог сгноить тебя, отправив в самую вонючую камеру в башне, наглый ублюдок. И не сомневайся: я еще займусь тобой, — горячился Ксант, вперившись в дуркотрога. — Подойди ко мне и посмотри на меня! Запомни меня хорошенько! Если еще хоть раз ты проявишь подобную дерзость, ты будешь иметь счастье видеть меня в глазок тюремной камеры, только с обратной стороны! Ты понял?

Дуркотрог уставился на свои кованые сапоги и пропустил Ксанта.

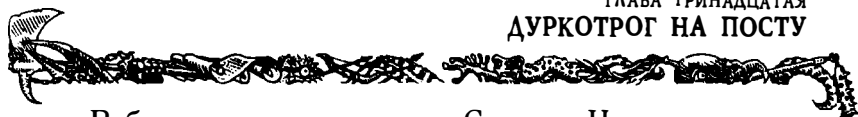
— Ты понял? — переспросил стражника Ксант.

— Да, — утробно проворчал дуркотрог.

— Так-то лучше, — заметил Ксант и, скользнув мимо охранника, стал резво спускаться по винтовой лестнице.

Дуркотрог посмотрел ему вслед.

— Ксант Филантайн, — прохрипел он, будто отплеываясь. — Не волнуйся, я хорошо запомнил тебя.

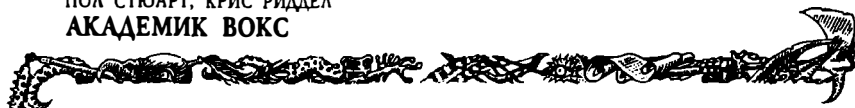

В башне кишмя кишели Стражи Ночи в черных плащах. Они торчали на открытых площадках, стоя на карауле, толпились у бойниц, сустились возле гарпунных установок и поворотных катапульт, готовые начать атаку в любую минуту. Пока Ксант кружил по винтовой лестнице, закончив работу на Полночном Шпиле, ему в голову пришла мысль, что Стражи Ночи, так же как гоблины и шрайки, объявили мобилизацию. И действительно, вся армия сегодня была поднята на ноги.

— Расступитесь! — кричал он снова и снова, прокладывая путь к основной башне. — Дайте пройти! Я по срочному делу к Верховному Стражу!

Он миновал дозорные башни и караульные помещения, оставил за спиной большую внешнюю площадку, за которой зловеще маячила клеть для жертв, скармливаемых демонам. Казалось, прутья клетки подрагивали в горячем колеблющемся воздухе. Грустные мысли овладели им. Он действительно шел по важному делу, но не к Верховному Стражу. Будь он проклят! В эту минуту он, наверно, усмехается, дыша в свою мерзкую железную маску, в предвкушении удовольствия от Церемонии Очищения, назначенной на двенадцать часов дня.

Церемония не состоится, если он, Ксант Филан-тайн, сумеет помешать Орбиксу Ксаксису! Магда, его верный товарищ, никогда не станет наживкой для скалистых демонов — он ни за что не допустит этого! Сердце у Ксанта сжалось: времени почти не оставалось, минуты текли неумолимо.

— Разойдитесь! — закричал он, прорываясь сквозь отряд Стражей Ночи на открытой площадке.

Ксант торопился, спускаясь все ниже и ниже. Жара изнуряла, тяжелый горячий воздух, пропитанный запахами свежих опилок и немых тел, давил на плечи. Ксант проскочил мимо покоев Орбикса Ксаксиса, мимо залов для муштры и кладовых, мимо караулок и следственных камер и наконец добрался до места, где башня разделялась на внешний и внутренний отсеки. Во внешней стене башни располагались залы и покои. Снаружи можно было увидеть балконы, площадки и окна с карнизами различной формы. Во внутренней стене, смотревшей в бездонный двор, были камеры, точнее, ничем не огороженные уступы, где держали заключенных. Ксант, как кусок мяса в сэндвиче, оказался зажатым между двух стен на площадке, тускло освещенной масляной лампой с металлическим абажуром.

— Пароль! — Путь Ксанту преградил плоскоголовый гoblin, выступивший из полутьмы.

— Скалистые демоны подняли визг, — ответил Ксант, еле переведя дух.

— Ибо скоро они выйдут на свободу, — отозвался гoblin. — Проходи, Страж Ночи.

Едва удостоив охранника взглядом, Ксант продолжал путь. Чем глубже он спускался, тем удушливее становилась атмосфера. Жар обжигал тело. Преследовали душераздирающие стоны за стенами.

Ксант бегом добрался до перепутья: отсюда веером расходились узкие коридоры и шаткие лесенки.

Каждая лесенка вела к отдельной двери во внутренней стене. За такой дверью была Магда Берликс, и Ксант хорошо знал, где ее искать. С этой камерой Ксант был уже знаком: когда-то там был заключен его старый друг Каулквейп. Теперь в застенках содержались узники из числа библиотечных ученых, для которых была уготована кровавая Церемония Очищения.

Добравшись до последней ступеньки пролета, юноша столкнулся нос к носу с двумя дюжими громилами, стоявшими на карауле у низенькой, обитой коваными полосами двери. Один, держа тяжелую палицу наперевес, шагнул навстречу Ксанту, а другой нацелил арбалет прямо ему в грудь.

— Стой, кто идет? — спросил первый.

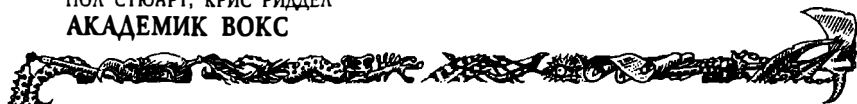
— Ксант Филантайн. По важному делу. Приказ Верховного Стража.

— Пароль! — потребовал охранник.

Ксант нетерпеливо поцокал языком.

— Скалистые демоны подняли визг, — проговорил он.

— Ибо скоро они...

— Ну хватит, — оборвал его Ксант, стараясь изобразить ярость. — Сам Орбикс Ксаксис послал меня сюда. Он хочет лично допросить пленницу.

Стражники обменялись взглядами, и тот, у кого был в руках арбалет, недоверчиво покачал головой.

— Орбикс Ксаксис, говоришь... — задумчиво произнес он. — А нам ничего не известно...

— Вы что, сомневаетесь в моих полномочиях? — спросил Ксант, перейдя на зловещный шепот. — Ну что ж, придется сообщить Верховному Стражу о вашем неповиновении приказам.

Стражники снова обменялись взглядами. Ксант, воспользовавшись их замешательством, поднял руки и, разведя в стороны лук и арбалет, протиснулся между гоблинами. Перед ним была дверь в тюремную камеру: на почерневшей от времени толстой деревянной доске были вырезаны имена всех бывших узников, томившихся здесь. На самом верху стояло имя Каулквейпа Пентефраксиса, а под ним — целый список имен Библиотечных Рыцарей, заплативших жизнью за преданность Библиотеке. Торват Лимбус, Мисха Бликс, Эстина Флембел... В самом конце погибельного списка значилось имя той, кого он надеялся спасти. Магда Берликс.

Ксант отодвинул засовы. Не обращая внимания на озабоченные переговоры гоблинов у себя за спиной, он распрямился и, крепко схватившись за ручку, толкнул дверь. Раздался глухой стук: дверь, раскрывшись, хлопнула по внутренней стене.

У Ксанта резко закружилась голова. Он так и не смог привыкнуть ни к зияющей пропасти, открывающейся под ногами, ни к мерзкому зловонию. Здесь пахло нечистотами и смертью. Заключенные, скрючившись, примостились на высоких уступах. Те, кто услышал звук открывающейся двери, упали на колени и сложили руки в мольбе.

— Смилуйтесь, глубокоуважаемый Страж! Освободите меня! — рыдал одноглазый тролль.

— Это ошибка! Ужасная ошибка! — взывал к нему разжалованный седовласый профессор в вонючих лохмотьях.

Ксант опустил глаза, чтобы не смотреть на несчастных. Узенькая лестничка кончалась внизу уступом, повисшим над пропастью. И там, посередине шаткой доски, сидела Магда в летной форме, повернувшись к нему спиной. Ее длинные косички свисали на плечи.

— Встать, когда входит Страж Ночи! — спустившись по ступенькам, рявкнул Ксант.

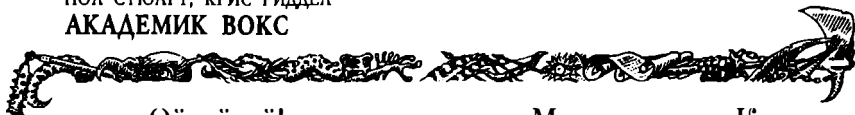
Магда подняла на него измученные глаза.

— Встать, дрянь! — приказал он ледяным тоном. — Следуй за мной. Верховный Страж желает допросить тебя еще раз.

Магда повернула голову, не делая попытки встать. Ксант пересек площадку и пихнул ее сапогом.

— Вставай, кому сказано! — повторил он.

Магда по-прежнему не двигалась. Ксант, наклонившись, схватил ее и насильно поставил на ноги.

— Ой-ой-ой! — вскрикнула Магда, когда Ксант заломил ей руку за спину. — Мне больно!

— Заткнись, дура, — прошипел Ксант ей в ухо. — Делай, что тебе велят.

Дотащив пленницу до верхней ступеньки, он грубо протолкнул ее сквозь дверной проем, и, минуя стражников, поволок вверх. Только когда охрана осталась далеко позади, Ксант ослабил хватку. Нагнувшись к девушке, он еле слышно проговорил:

— Иди за мной. И ни звука!

Стражники у настежь распахнутой двери с недоумением посмотрели друг на друга.

— Что-то тут не так, — проговорил один, не снимая палец со спускового крючка своего арбалета. — Как ты думаешь, что задумало это свиное рыло в железной маске?

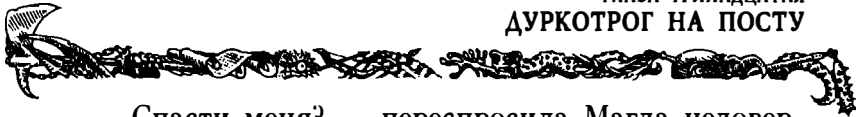
— А я почему знаю! — отвечал второй. Он несколько раз постукал дубинкой по раскрытой ладони, прежде чем засунуть ее в футляр у пояса. — Не знаю, как ты, а я лучше пойду поищу Леддикса. Он главный по клетям, и, по правде говоря, библиотечная девчонка — его пленница.

Тем временем Ксант и Магда пробирались по темным коридорам. Неожиданно она воспротивилась.

— Я дальше не сделаю ни шага! — объявила Магда.

Ксант отпустил ее руку.

— Магда, — ласково произнес он, — я хочу тебя спасти.

— Спасти меня? — переспросила Магда недоверчиво. — Ты же ударил меня, помнишь? И назвал дрянью...

— Извини, — пробормотал Ксант. — За мной следили. Если бы они заподозрили меня в сговоре с тобой, я бы разделил твою участь: нас обоих посадили бы в клеть и скормили на обед скалистым демонам! За мной и сейчас, возможно, следят, так что нам надо торопиться!

— Ты мне чуть руку не сломал! — пожаловалась Магда, потирая пульсирующий от боли локоть.

— Магда, ну пожалуйста... — умолял Ксант. — Когда они поймут, что ты сбежала, немедленно прозвучит тильдеров рог, в башне поднимут тревогу и охрана бросится за нами в погоню.

— Почему я должна тебе верить, Ксант? — упрямо повторяла Магда, гневно сверкая зелеными глазами. — Ты предал Библиотечных Рыцарей на Озерном Острове. Ты служишь Верховному Стражу Ночи. Ты лжец и обманщик. Почему я должна верить человеку, который носит эмблему с ненавистным нам всем Хрумхрымсом на груди?

Синие глаза Ксанта наполнились печалью.

— Ты права, — признал он. — Я совершил множество дурных поступков. Ужасных, непростительных... Но ты, Магда... ты всколыхнула во мне воспоминания о самых прекрасных днях в моей жизни, а с ними — желание навсегда покинуть это ужасное место. Пойдем со мной, Магда. Клянусь, я отведу тебя назад, к Библиотечным Ученым. — Голос у него

сломался. — Пора платить за чудовищные преступления, которые я совершил.

Магда, плотно сжав губы, внимательно изучала лицо своего бритоголового спасителя.

— Ты отведешь меня в Книгохранилище? — спросила она. — Обещаешь?

— Даю тебе честное благородное слово.

Магда протянула ему руку, и Ксант радостно схватил ее.

— Мы сядем в корзины, которыми пользуется патруль, когда нужно спуститься в Нижний Город, — объяснил он. — Восточный спуск. Мы окажемся недалеко от Каменных Садов, почти у самого Края. Я знаю, как пройти в Нижний Город, минуя Тайноград.

— Ну пошли! — проговорила Магда, решительно направляясь вперед. — Чего мы ждем?

— Не туда! — остановил ее Ксант. — Нам сюда!

Ксант уверенно пошел вперед, и Магда старалась не отставать. Внизу, у основания башни, он решительно свернул направо и поспешил по длинному узкому коридору на просвет вдаль.

— Ну вот и Восточные Ворота. — Резко остановившись, юноша схватил Магду за руку. — Я совсем забыл, что корзины охраняются, — прошептал он.

Магда с удивлением наблюдала, как Ксант стаскивает с себя плащ с капюшоном. Под верхним плащом оказался второй, точь-в-точь такой же, как первый. Магда, сморщив нос, брезгливо оглядела маскировочный костюм, протянутый ей Ксантом.

— Надень, — произнес он. — А то твоя зеленая форма бросается в глаза.

Магда натянула на себя тяжелое одеяние, еще хранящее тепло ее товарища. Она подвернула рукава и разгладила складки на груди, неприязненно поежившись, когда пальцы ее дотронулись до вышитой спереди эмблемы с изображением оскалившегося Хрумхрымса.

— Подними капюшон, — скомандовал Ксант. — Когда мы выйдем отсюда, не говори ни слова. Говорить буду я.

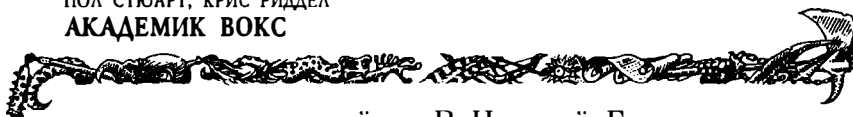
Они покинули башню, жмурясь от солнечного света, ослепительно яркого после мрака внутренних помещений. В дальнем конце широкой площадки они заметили полдюжины корзин: цепи их были пропущены через системы блоков, укрепленных на стойках, — по три с каждой стороны. Навстречу вышел охранник — гоблин-утконос с морщинистой физиономией.

На нем был такой же черный балахон, как на Ксанте и Магде, но одеяние было явно велико для него — размера на три больше, чем нужно. Закатав рукава до локтей, он ухватился за меч костлявой рукой.

— Пароль, — сказал он.

— Скалистые демоны подняли визг, — ответил Ксант.

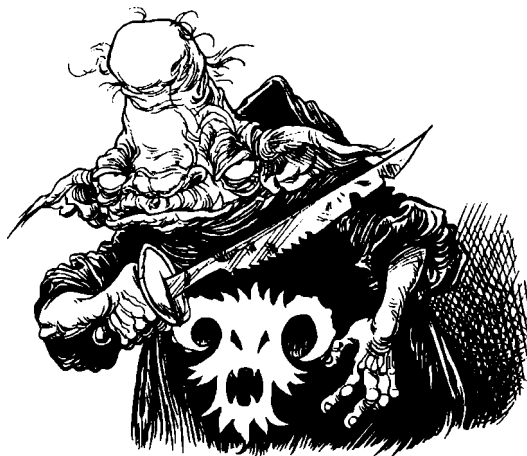
— Ибо скоро... они скоро... — Запутавшись в словах, гоблин сосредоточенно сдвинул брови. — Ладно, — пробормотал он дрожащим голосом, опасаясь,

что получит нагоняй. — В Нижний Город по делу Стражи?

— Тебя это не касается, — отрезал Ксант.

Магда, не отставая, последовала за ним.

Гоблин-утконос шагнул и наступил на полы вполочащегося по земле балахона. Ксант, не мешкая, забрался в ближайшую корзину и помог Магде перелезть через борт.

Устроившись на приподнятом над днищем винтовом стульчике, Ксант освободил зажим, которым была схвачена цепь.

— Держись крепче! — шепнул он Магде и поставил ноги на педали.

Гоблин следил за ними у входа в башню. Когда-то он был бравым воякой, рубился в жестоких боях плечом к плечу с плоскоголовыми и молотоголовы-

ми гоблинами вдвое выше его ростом и добывал ценные трофеи. Сейчас старые кости ныли, мышцы одрабли. Он слишком ослаб, чтобы драться с мечом в руках, сделался подслеповат, и его назначили смотрителем при корзинах, на самую низшую должность в Башне Ночи. Однако Леддикс хорошо платил ему за то, что он всегда держал ушки на макушке.

Гоблин усмехнулся, когда два Стража Ночи исчезли из виду. Дела в Нижнем Городе! Надо же! Дойдя до края площадки, он натужно свистнул.

Раскачиваясь и вращаясь, корзина падала вниз, и Магда в испуге затаила дыхание. Она совершила немало полетов на своем веку, но между вольным плаванием по воздуху на ее ненаглядном «Мотыльке», который она смастерила собственными руками, и опасным спуском в трясущейся корзине, подвешенной на скрипучей ржавой цепи, была большая разница.

Чем глубже они опускались, тем ближе становилась хвоя Санктафраксова скала. В какой-то момент Магде захотелось протянуть руку и прикоснуться к крошащейся породе, и лишь страх нарушить равновесие шаткой корзины удержал ее от необдуманного поступка. Пористый камень был испещрен трещинами и разломами — массивные отколовшиеся глыбы висели на ниточке, грозя рухнуть в любую секунду. Проносясь мимо, девушка на мгновение поймала на себе взгляд серого зверька с подрагивающими ушками, который тотчас же шмыгнул в норку, оставив за собой тучи пыли.

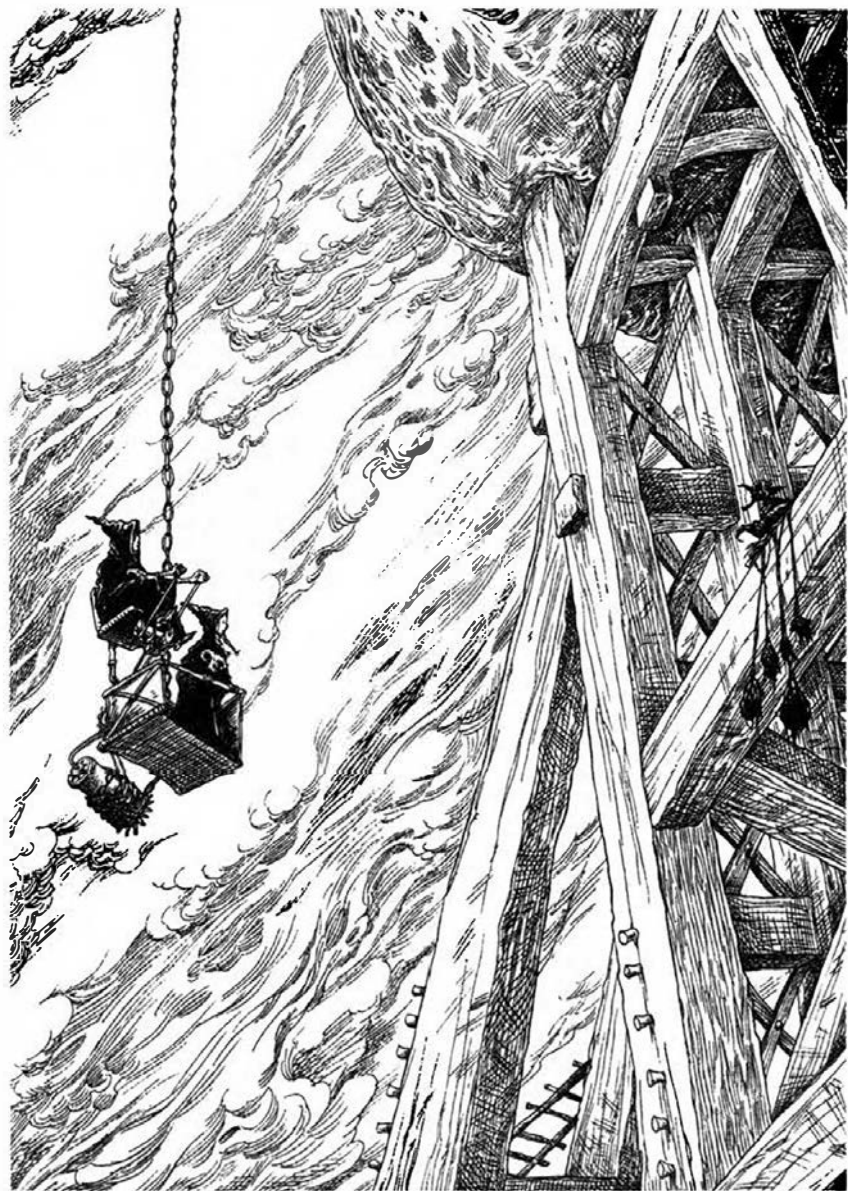
— Скоро мы поравняемся с Санктафраксовым Лесом, — пояснил Ксант, вращая скрипучие педали.

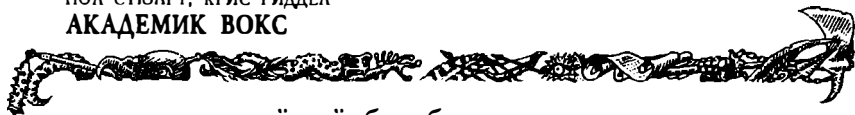
Через несколько минут появились деревянные опоры и поперечные балки, построенные для поддержки скалы.

— Санктафраксов Лес, — трепеща, прошептала девушка сдавленным голосом.

«Неудивительно, что эту конструкцию называют лесом», — подумала она. Должно быть, для ее сооружения вырубili половину Дремучих Лесов. Магда с ужасом смотрела на громоздкие стойки, устремленные в небо, как стволы могучих деревьев, на хаотичную путаницу перекладин, напоминающих ветви, на балки, рей, стропила, распорки, подкосы и поперечины... Темный лес. Бесконечный лес. Живой лес. Казалось, сам дух Дремучих Лесов перенесся сюда вместе со срубленными деревьями.

Санктафраксов Лес служил двойной цели. Изначально его возвели для укрепления больной скалы, чтобы та не обрушилась на Нижний Город. Нельзя сказать, что план увенчался успехом, руины Тайнограда — печальное доказательство провала этой затеи. Однако, благодаря проницательности Вокса Верликса и изнурительному труду рабов, ущерб свели к минимуму. Другая причина строительства была изощренной. Как известно, Стражи Ночи, в отличие от Библиотечных Ученых, полагали, что нельзя допустить соприкосновения скалы с землей, поскольку излечить каменную болезнь может только молния. Споры об исцелении от напасти постоянно вели

к ожесточеннейшей борьбе и соперничеству между Стражами Ночи и библиотекарями.

Магда повернулась к Ксанту.

— Значит, ты веришь в священную молнию? — спросила она. — Молния излечит каменную болезнь?

Ксант, замявшись, поднял глаза. Корзина покачнулась.

— Как Страж Ночи, верю, — ответил он. — Хотя после занятий на Озерном Острове сомневаюсь. — Пожав плечами, юноша замолчал. — Может быть, они все ошибаются, — заметил он после паузы. — Может быть, каменная болезнь неизлечима и лекарства от нее не найти ни на небе, ни на земле.

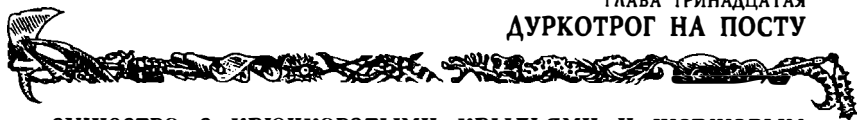
Магда тряхнула головой:

— Как Библиотечный Рыцарь, я верю, что исцеление от недуга можно отыскать в Дремучих Лесах. Но я не понимаю, почему Стражи Ночи так ненавидят нас за наши убеждения. Разве в итоге мы хотим не одного и того же?

Ксант отвернулся:

— Я привык верить в это, Магда. Здесь больны не только камни: сердца Стражей Ночи отравлены ядом зависти и ненависти. Жаль, что я не понял этого раньше...

Корзина накренилась набок и опять обрела равновесие. Магда так крепко вцепилась в края корзины, что костяшки пальцев у нее побелели. Корзина повернулась, и Магда услышала какой-то свистящий звук, будто воздух с силой вырывался из маленького отверстия. Она увидела похожее на летучую мышь

существо с крючковатыми крыльями и шершавым носом-хоботком: оно парило между перекрытиями, собираясь сесть на гнездо, одно из многих, размещившихся вдоль массивной поперечной балки. Это был карликовый гнилосос.

Хриплое сипение становилось все громче, и Магда поняла, что там прячется целая туча мерзких тварей. Сотни кровопийц, хлопая гладкими крыльями, укрывались в тени перекрытий. Они слетались сюда каждое утро, чтобы отдохнуть в прохладной тени до сумерек.

Корзина полетела дальше, оставив гнилососов позади. И новая разноголосица наполнила пространство: гудели пилы, звенели топоры, ритмично стучали тяжелые молоты и все заглушали душераздирающие стоны.

— Так, а теперь навались плечом! — В воздухе просвистела плетка. — Выше подымай! Выше!

— Рабы, — мрачно пробормотал Ксант. — Они трудятся на стройке и день и ночь.

В голосе надсмотрщика звенела ярость.

— Придурок! — Снова просвистел хлыст. — Давай все сначала, а то я тебе шею сверну!

При виде рабов Магда чуть не вскрикнула. Она знала, что жизнь рабов на строительстве Санктафраксова Леса нелегка, но увиденное было за пределами всех ее ожиданий. Перед Магдой промелькнули десятка полтора изможденных, чумазных страдальцев, она среди них сумела различить нескольких кучкогномов и гоблинов-сиропщиков, дуркотрога, дрыготрога, пару плоскоголовых...

На беднягах не было ничего, кроме замызганных набедренных повязок. Несчастные, балансируя на шатких козлах, оскальзываясь на едва держащихся подмостках, с трудом удерживали на весу тяжелую поперечную балку из железного дерева. Заморенные рабы — кожа да кости — напрягались из последних сил.

— Ты все равно не можешь им помочь, — шепнул Ксант.

У Магды исказилось лицо.

— Я знаю, — ответила она. — И это больше всего.

Дружный стон волнами накатывал и гас, пока рабы пытались установить непокорную балку.

— Выше! Еще выше! — размахивая плеткой, орал надсмотрщик, грузный молотоголовый гоблин в рогатом медном шлеме и тяжелых кожаных доспехах. — Еще чуть-чуть!

Прозвучал сдавленный крик, и Магда увидела, как гоблин-сиропщик, споткнувшись, рухнул на колени. Остальные, тяжело дыша и пошатываясь от напряжения, старались удержать на весу балку из железного дерева. Молотоголовый надсмотрщик, вне себя от ярости, шагнул, схватил раба за грудки и оторвал его от земли.

— Я тебя предупреждал! — прошипел гоблин. — Дармоед проклятый!

Держа испуганного сиропщика на весу, молотоголовый верзила повернулся к остальным.

— Сейчас я вам задам жару! — взревел он, сворачивая бедняге шею: захрустели шейные позвонки, и все было кончено.

Магда закричала от ужаса.

Молотоголовый гоблин зло зыркнул на нее.

— Стражи Ночи, да? — хмыкнул он.

Магда опустила голову, радуясь, что капюшон скрывает залитое слезами лицо.

— Приветствую вас! — отозвался Ксант, на секунду прекратив давить на педали. — Приятно видеть, что забота о священной Санктафраксовой скале вверена в надежные руки. Сам Верховный Страж услышит о ваших заслугах!

Надсмотрщик сбросил обмякшее тельце гоблина-сироппика с мостков и упер руки в бока.

— Пока старик в железном наморднике платит нам, мы будем следить за его драгоценной скалой, — огрызнулся он, и кривая ухмылка исказила его лицо. — Может, вы желаете предложить свою помощь?

Ксант ничего не ответил и с удвоенной силой налег на педали.

Магда онемела. Жестокость надсмотрщика поразила ее, и жуткая сцена снова и снова вставала перед глазами. Корзина опускалась все ниже...

— Магда, — позвал Ксант. Она не шелохнулась, погруженная в свои мысли. — Магда! Мы прибыли!

Клеть с глухим стуком ударилась о землю, и Ксант надавил на тормозной рычаг. Соскочив с поворотного стульчика, он выбрался из корзины.

— Магда, — позвал он в третий раз. — Мы почти на месте. Самое страшное уже позади.

— Для нас, кажется, да, — ответила девушка.

С помощью Ксанта она перелезла через борт корзины и невидящим взглядом обвела открывшееся пространство.

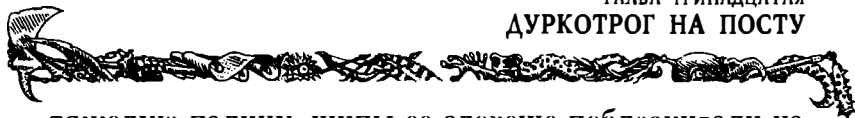
— Что-нибудь ищите? — раздался хриплый бас.

Магда в изумлении отпрянула. Ксант повернул голову: перед ним, сложив сильные руки на груди, стоял дуркотрог в форме Стражей Ночи.

— Скалистые демоны подняли визг, — отчеканил юноша.

Стражник оценивающе изучал юношу. На губах играла насмешливая улыбка.

— Кажется, мне знакомо ваше лицо, — сказал он, хитровато прищурившись, и вытащил из-за пояса

тяжелую палицу, шипы ее зловеще поблескивали на солнце.

— Немедленно дайте пройти! — скомандовал Ксант гневно. — Я Ксант Филантайн, выполняю приказ Верховного Стража Ночи. И если ему станет известно...

Тут из-за спины стражника появился жилистый человек с прямыми гладкими волосами и лисьими чертами лица.

— Скоро ему все станет известно, — высоким голосом проговорил он.

— Леддикс! — ахнул Ксант, побелев как мел.

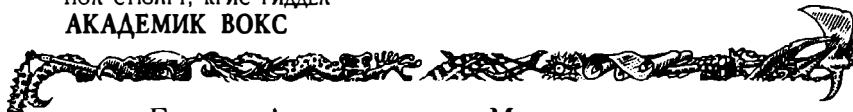
— Не ожидал увидеть меня здесь, Ксант? А? — спросил мастер-клеточник. — Не думал, что за тобой следят? — Он поцокал языком. — Я давно ждал такого момента, мой коварный друг... Очень давно...

— Предупреждаю тебя, Леддикс, — выдохнул Ксант. — Ты делаешь большую ошибку... очень большую...

— Это ты предупреждаешь меня? — переспросил Леддикс с изумлением. — Ты беспринципный обманщик, Ксант Филантайн. Втерся в доверие к Верховному Стражу, нашептываешь ему лживые сплетни про меня. — Лицо его приобрело жесткое выражение. — Попался, голубчик... Как веревочке ни виться, а кончик найдется...

— Да как ты смеешь! — отрезал Ксант, изображая благородное негодование.

Леддикс щелкнул пальцами, и дуркотрог, размахивая палицей, набросился на юношу.

— Берегись! — закричала Магда.

Но было поздно. Тяжелая дубина с шипами обрушилась на голову Ксанта. Последнее, что он увидел, — злорадную улыбку Леддикса, торжествующего победу. Тонкие губы. Темные гнилушки зубов. Тусклые глаза.

Потом — чернота.

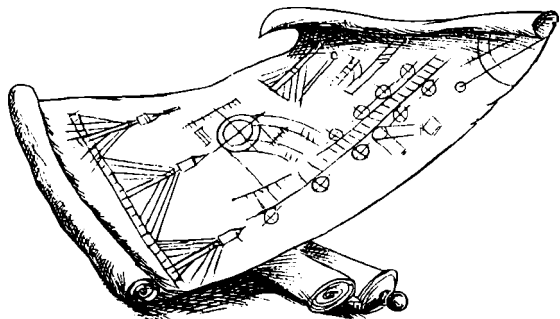

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

АМБЕРФУС

икто, никто не понимает, как трудно быть эльфом», — с горечью подумал Амберфус.

Усики у него задрожали от негодования, он провел пальцем дорожку по толстому слою пыли, осевшей на уставленной склянками лекарственной этажерке, рядом с его креслицем на воздушной подушке.

Здесь давно пора вытереть пыль!

Его мысль бритвой прорезала мозг няньки, у которой в голове вечно царила неразбериха.

— Ах господи ты боже мой! — раздался возглас из соседней комнаты, сопровождаемый звоном разбившейся стеклянной крышки. — Сколько раз я вам говорила, Амби, душенька? Ваша нянюшка не любит, когда копаются у нее в башке.

— Извини, Фламбузия, — жалобно захныкал Амберфус.

Даже Фламбузия, пышная красавица Фламбузия, которая лечила, успокаивала и утешала его, даже она не понимала, как трудно быть эльфом. Столько чужих мыслей лезет в голову: они перешеп-

тываются, стонут, кричат — и ни секунды передышки!

Восемьдесят лет назад, в глухомани болотистых чащоб, в самых отдаленных закоулках Краевой Земли, где обитают эльфы, все было иначе. Амберфус мечтательно закатил глаза, и от улыбки усики его снова задрожали. Он вспомнил дивную тишь, окружавшую его, когда он был ребенком. Там царили покой и безмолвие, лишь изредка нарушаемые шепотом призрачных эльфов.

Амберфус вздохнул.

Он, подобно многим, отправился на поиски счастья в Нижний Город, его влекли надежды на лучшую жизнь и мечты о несметных богатствах. Одних тогда постигло разочарование, другие впали в отчаяние, но Амберфус был не из их числа.

Эльф расплылся в улыбке, в глазах зажегся веселый огонек.

Он нашел работу. Для сообразительных эльфов, умеющих молчать и слушать, всегда найдется работа. У Амберфуса постоянно были уши на макушке, и вскоре он присмотрел выгодное местечко в Школе Света и Тьмы, где подслушивал разговоры академиков и доносил о них своему начальнику, амбициозному Верховному Академику.

«Его уже давно нет», — с грустью подумал Амберфус.

Профессор щедро платил за наушничанье: ему исправно докладывали, о чем болтали, трепали языком, сплетничали в гудящем на все лады Старом

Санктафраксе. Так много чужих мыслей! И так много шума!

Амберфус нагнулся, чтобы почесать коленку: сухая кожа шелушилась и зудела.

Вскоре он научился сортировать чужие мысли, слушая избирательно и просеивая глупую болтовню. Поначалу он едва выдерживал напряжение. Другие эльфы сошли с ума, не прожив и нескольких лет в Нижнем Городе. Амберфус выстоял! Он был крепким орешком, и, кроме того, у него хранилось целебное снадобье!

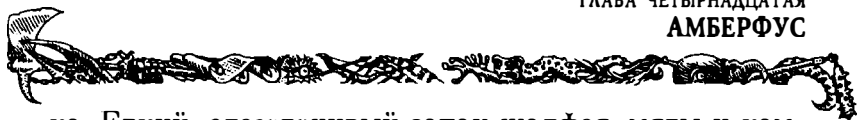
Кашель сотрясал тщедушное тельце, пока Амберфус оглядывал ряды запыленных флаконов на этажерке.

В кувшинах хранились настойки, в склянках поменьше — сильнодействующие капли, приносящие облегчение его усталым, больным ушам. В длинных фигурных флаконах содержались целебные мази и бальзамы, а еще там стояли баночки с растираниями и примочками — черными, жирными... Как ему было приятно, когда Фламбузия крепкими руками массировала ему спину!

Амберфус захлебнулся в жестоком приступе кашля, который на сей раз никак не утихал.

— Ах ты боже мой! — воскликнула Фламбузия, врываясь в комнату, ее тяжелые каблуки громко цокали по мраморным плитам. — Ну просто ни минуты покоя!

Она подскочила к задыхающемуся эльфу, на бегу вытаскивая затычку из пузатенького синего горшоч-

ка. Едкий, слезоточивый запах шалфея, мяты и камфары наполнил помещение.

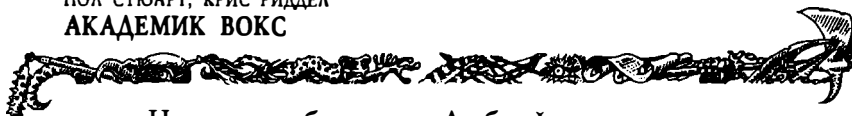
— Задерите-ка рубашечку, — спокойно проговорила она, — и нянюшка натрет вам грудь мазью.

Она помогла ему распахнуть халат и, сунув руку под рубашку, а другой набрав растирание из горшочка, склонилась над эльфом. Упругими крепкими пальцами она втерла снадобье в бледную, покрытую пятнами кожу... Дышать стало легче. Кашель улегся. Закрыв глаза, эльф откинулся на спинку креслица.

Где-то в глубине сознания он различал мысли Фламбузии: спутанные, суматошные... Амберфус забыл про нянюку и вспомнил прошлое.

Профессура! Каким ужасным сбродом была вся их братия, с вечными перебранками, пустяковыми огорчениями и ничтожной ненавистью... Амберфус познакомился с Воксом Верликсом, младшим научным сотрудником Школы Облаковедения. Необязательный, хвастливый задира, тот был счастлив, если ему удавалось подавить кого-то своим авторитетом, и Амберфус понял: у неоперившегося птенца есть кое-что за душой — нечто большее, чем обыкновенная спесь или низменные желания... Вокс был гением, его творческий дар поразил Амберфуса, и вскоре они стали работать в одной упряжке.

— Ну, на сегодня хватит, — объявила Фламбузия, опуская рубашку и застегивая на эльфе халат. — И не надо волноваться, — проворчала она. — Вы же знаете, ни к чему хорошему это не приведет.

— Чаю, — пробормотал Амберфус, чуть приоткрыв глаза, — я хочу крепкого травяного чаю.

— Придется чуть-чуть подождать, — ответила Фламбузия, поворачиваясь спиной. — Нянюшка сейчас занята. А вы пока отдыхайте, Амби, деточка моя...

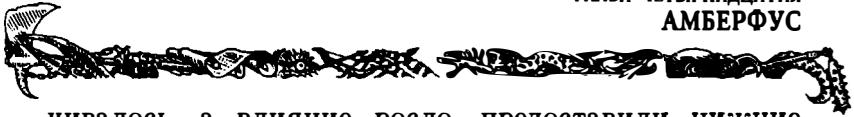
Амберфус, смирившись, покорно закрыл глаза.

Ах да... Первые дни работы... Он ассистент Вокса. Много ярких событий свершилось в то время... Он помнил и Мать Штормов, и гибель Старого Санктафракса, и рождение новой скалы. Ах, какие были времена!

Амберфус, задумавшись, принялся раскачиваться взад-вперед.

Вокс снискал расположение одного молодого придурка из Верховной Академии, Каулквейпа Пентефраксиса. Он притворился, будто верит в несусветную чушь, которая овладела умами и академиков, и жителей Нижнего Города. Амберфус внимательно прислушивался к разговорам и докладывал обо всем Воксу, и они оба затаились в ожидании своего шанса.

Край был поражен каменной болезнью: Санктафраксова скала крошилась, и некогда могучий флот Лиги пришел в упадок. Нижний Город и Новый Санктафракс охватила паника, а Каулквейп впал в отчаяние. Тут у Вокса возник блестящий план: снести множество небольших зданий, где располагались вечно соперничающие школы и академии, а взамен соорудить гигантскую башню на Санктафраксовой скале. Земным Ученым, чье число постоянно увели-

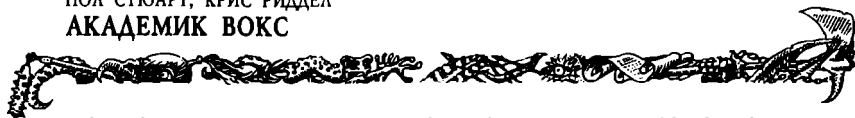
чивалось, а влияние росло, предоставили нижние этажи для размещения библиотеки. Работая там, они могли продолжать исследования в Дремучих Лесах, отыскивая средство для исцеления от каменной болезни. Небесным Ученым отвели верхние этажи: предполагалось, что они оборудуют там лаборатории и мастерские и будут наблюдать за строительством устремленного в поднебесье шпиля. Шпиль этот, как считали Небесные Ученые, предназначался для поглощения энергии молний, способных излечить занедужившую скалу.

Проект был гениальный, все проекты, разработанные Воксом, были гениальны.

Но именно он, Амберфус, воплотил его в жизнь. Он вел переговоры, лавировал, улещал...

Он был хитер, необыкновенно хитер и сумел убедить самых влиятельных членов Лиги из Нижнего Города в необходимости использовать их последние небесные корабли для доставки стройматериалов из Дремучих Лесов. А когда гигантская стройка поглотила все, что было привезено, он создал бригады из жителей Нижнего Города, и те разобрали по бревнышку дома в близлежащих районах. И конечно же, работая на Вокса, Амберфус никогда не забывал про себя, взимая дань и собирая налоги. Затея эта практически разорила академиков, но Башня Ночи все же была завершена.

Из соседней комнаты слышалось бульканье микстуры и звон ложечки о стакан. Амберфус приоткрыл глаза, но Фламбузии не было. Сквозь окно,

прикрытое колышущимися кружевными занавесями, ему были видны размытые очертания башни — она, казалось, глумилась над ним.

— Да... Башня Ночи, — пробормотал Амберфус. — Наш первый шедевр. — Голос у него был слабый, с присвистом. — Почему же все пошло наперекосяк?

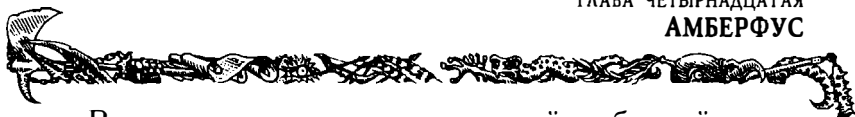
Вопрос не требовал ответа, стоило только повернуть прошлое.

Земные Ученые с самого начала возненавидели башню, и Рыцари Академии разделились на две фракции — земную и небесную. Те, кто симпатизировал взглядам первой фракции, поспешили сомкнуть ряды с Земными Учеными, как только было создано Книгохранилище. Объединившиеся союзники стали известны под именем «библиотекарей». Они составляли оппозицию Небесным Ученым во главе с неким Орбиксом Ксаксисом, интриганом с одутловатым лицом и бельмом на глазу. Они называли себя Стражами Ночи.

Библиотекари и Стражи — у тех и других были свои программы.

Амберфус щелкнул языком. Никогда еще он не слышал столько пустой болтовни! Черные мысли! Эмоциональные всплески! Он рекомендовал Воксу поддержать Стражей Ночи и за услугу Орбиксу сорвал изрядный куш.

— Ах, какая это была ночь! — вспоминал Амберфус, качаясь на подвесном стульчике. — Хрумхрымсова ночь!

В черных мундирах с вышитой эмблемой оскандившегося Хрумхрымса Стражи пошли в наступление. Те, кто отрыто поддерживал Каулквейпа, были подавлены или уничтожены, а сам Верховный Академик бесследно исчез.

Вокс, как хорошо помнил Амберфус, объявил себя Новым Верховным Академиком, а эльфа назначил Канцлером. Он и сейчас с трепетом вспоминает тот момент. Маленький, никому не известный эльф из Дремучих Лесов — Верховный Канцлер Нового Сантафракса и Нижнего Города!

«Где же травяной чай? — думал он, барабанил пальцами по ручкам кресла. — Интересно, с чем она там возится?»

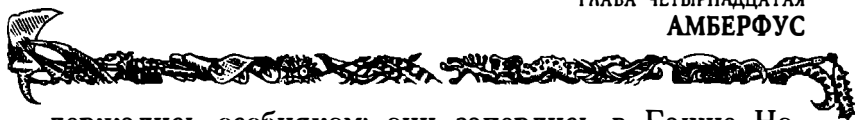
Долго он не продержался. Ему нужно было повнимательнее отнестись к коварным замыслам Орбикса Ксаксиса, а он, опьяненный данной ему властью, упустил момент, и его беспечность была наказана. Счастье еще, что в ту роковую ночь, когда Орбикс послал Стражей сбросить Вокса вместе с Канцлером с высокого этажа, эльф был на чеку...

Орбикс намеревался захватить башню, истребив всех Библиотечных Ученых, чье непокорство росло: они постоянно выражали недовольство, критиковали его методы, срывали планы. Амберфус, понимая, что книжные черви могут еще пригодиться, вовремя предупредил их, и те скопом бежали в Нижний Город. А Вокс с Амберфусом укрылись во Дворце Статуй, опустевшем после распада влиятельных Купеческих Лиг. Именно тогда Амберфус и занял эту маленькую, драгоценную его сердцу комнатку...

Эльф устало вздохнул. Как быстро пролетели годы...

Сначала они оба жили припеваючи во Дворце Статуй. Вокс, Новый Верховный Академик, был признан жителями Нижнего Города; сбор налогов с граждан и торговля оказались в ведении Амберфуса, и золото потекло к ним рекой. Стражи Ночи

держались особняком: они заперлись в Башне Ночи, ожидая прихода долгожданной Матери Штормов. В Крае установилось хрупкое равновесие.

Такое положение не могло продлиться долго, поскольку Нижний Город оказался отрезанным от Дремучих Лесов. Какое-то время город существовал за счет сделок с воздушными пиратами, а когда небесные корабли пришли в негодность из-за безжалостно надвигающейся каменной чумы, торговля заглохла. Нижний Город охватила паника: население скупало все подряд, начались грабежи. Озверевшие толпы бросились на улицу... Экономика трещала по швам, грозя крахом...

К полудню солнце залило комнату, и крохотные пылинки, витавшие в воздухе, превратились в золотые крупички.

У Амберфуса запершило в горле, и он, проклиная нерадивую няньку, прикрыл рот платком, чтобы не наглотаться пыли. Комната требовала генеральной уборки! Было время, когда эльф сам прибирался у себя в кабинете: аккуратно переставлял флакончики с микстурами и баночки с мазями, тщательно вытирал пыль, придирчиво оценивая свою работу...

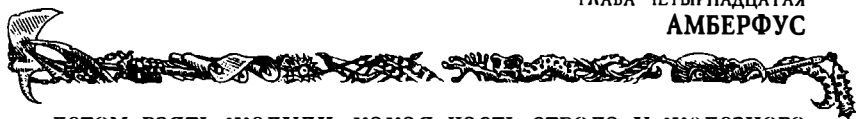
Амберфус, вздохнув, закрыл глаза, чтобы не смотреть на царивший в комнате беспорядок. «Ах, Вокс! — подумал он. — Какой у него был талант к изобретательству!»

Как-то поздним вечером Амберфус навестил Вокса. Он помнит, какое у приятеля было лицо: волосы всклокочены, глаза сияют... Вокс вытащил рулон из

тубуса и, развернув чертеж на столе перед Амберфусом, принялся объяснять секреты сложной конструкции, поставленной на опоры.

— Я придумал что-то вроде моста. Эта штука протянется от Дремучих Лесов к Нижнему Городу. Я собираюсь назвать ее Дорогой через Великую Топь, — пояснил Вокс, возбужденно размахивая руками. — Ты только подумай, Амберфус! По этой дороге все богатства Дремучих Лесов можно будет перевезти в Нижний Город! Я уже заручился поддержкой Библиотечных Ученых. Они очень обрадовались, узнав, что можно заново наладить связь с Дремучими Лесами. Они у нас будут экспертами по дереву — ты знаешь, у них богатый опыт, знают буквально все о лесе: где

летом взять желуди, какая часть ствола у железного дерева самая крепкая...

— Я хотел бы отрезвить тебя, — ответил тогда Амберфус. — Сама идея построить мост через Топи хороша. А как ты собираешься миновать Сумеречные Леса?

— А шрайки на что? — воскликнул Вокс. — Мы должны заключить сделку со шрайками. Они неподвластны влиянию Сумеречных Лесов. Они могут построить дорогу через лес и соединить ее с нашим мостом. И тогда, Амберфус, все сокровища Дремучих Лесов достанутся нам!

— Скорее в когти шраек, — мрачно сострил эльф.

— Ты же можешь договориться с ними, Амберфус, — парировал Вокс. — Только ты, и никто другой.

Вокс оказался прав. Амберфус заключил договор с желтоглазой сухопарой курицей в летах, Мамашей Горлодер, она занимала должность Главной Наседки несметной стаи кочевых шраек. За кругленькую сумму она согласилась построить проходящий через Сумеречные Леса участок Дороги через Великую Топь. В обмен за услугу она получала разрешение взимать дань с каждого путешественника, пересекающего вверенный ей отрезок пути.

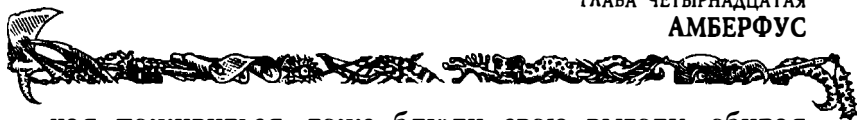

Дорога через Сумеречные Леса была проложена за полгода, свежесрубленные деревья вновь поступали из Дремучих Лесов, так что библиотекари и жители Нижнего Города смогли продолжить строительство оставшегося участка пути через Топь. Для завершения строительства потребовалось три года. Все это время Мамаша Горлодер получала изрядную мзду, требуя и денег, и оказания услуг; Амберфус тоже не упускал своего шанса.

— Самые счастливые дни моей жизни, — вздохнул эльф, кашлянув в платок. — Самые-самые счастливые...

И только когда последние участки пути, соединяющие крайнюю восточную точку Лесов с крайней западной точкой Нижнего Города, были завершены, Вокс понял, насколько высока цена услуг, предоставленных ему шрайками. Не успели громохнуть колеса первых телег, как армия шраек заполонила всю Дорогу через Великую Топь, захватив новый мост.

Размышляя над случившимся, Амберфус пришел к выводу, что могло быть и хуже. Шрайки хозяйничали на дороге, ведущей к Дремучим Лесам, но у Вокса пока оставался Нижний Город, из которого он продолжал выжимать налоги. Деньги текли рекой. Амберфус разбогател, как никогда, заставляя розничных торговцев и купцов платить высокие пошлины на ввоз стройматериалов, а также на вывоз товаров: тонких тканей, инструмента, оружия из местных ремесленных мастерских. Шрайки, не упускавшие слу-

чая поживиться, тоже блюли свою выгоду, обирая путешественников. Неудивительно, что торговцы вечно на них жаловались.

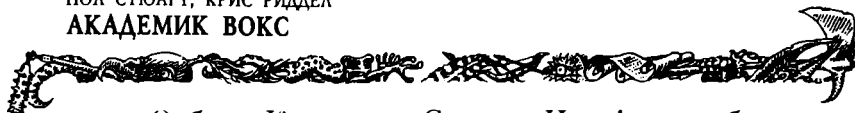
Амберфус прислушивался к неодобрительному шепоту, угрозам и проклятиям. Настроение у всех было подавленным, ходили слухи о восстании, даже о революции. Жители Нижнего Города поговаривали о свержении Вокса. И кто был зачинщиком беспорядков, кто подстрекал толпу, сея зерна недоверия и распаляя недовольство? Ну разумеется, библиотекари, да обрушится проклятие Небес на их головы!

Амберфус нахмурился. Поведение Библиотечных Ученых не лезло ни в какие рамки. Если прежде они вели себя глупо, веря в несусветную чушь, которую проповедовал Каулквейп о равенстве академиков и жителей Нижнего Города, то теперь они стали попросту опасны. С ними пора было кончать.

Сквозь окно Амберфус видел Башню Ночи на крошащейся скале. Она сплошь была обложена подпорками — Сантафраксовым Лесом.

Да, то была неплохая сделка. Даже сейчас Амберфус не изменил своего мнения. Эльф подслушал, что во Дворце Пожертвований, великолепном здании на берегу реки, которое Библиотечные Ученые сделали своим центром, состоится встреча библиотекарей и купцов Нижнего Города. Такой шанс нельзя было упустить. Предателей надо было душить в зародыше. Для проведения операции требовалась целая армия безжалостных убийц.

Амберфус отвернулся от окна.

— Орбикс Ксаксис и Стражи Ночи! — пробормотал он.

Да, то была неплохая сделка. Он сумел убедить Вокса, что иного выхода нет.

— Священная скала опускается ниже и ниже, — говорил его хозяин во время роковой встречи со своим врагом, Орбиксом Ксаксисом. — Но я могу остановить процесс до того, как скала коснется земли. Вы очень боитесь, что скала осядет. Я предлагаю вам свою помощь и предотвращу падение скалы на землю.

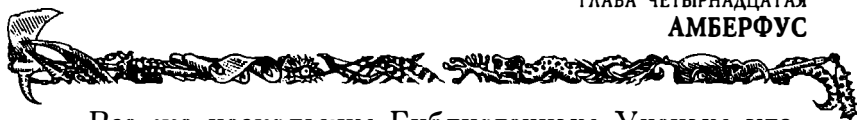
— Но как?

— Я сооружу гигантскую деревянную люльку, Сантафраксов Лес, и она сможет удержать скалу на весу. Ты знаешь, Орбикс, что я способен на такое... Если захочу...

— А если ты построишь такую штуку, чем я смогу тебе заплатить? — рыкнул Орбикс.

— Тебе понравится мое предложение, — хохотнул Вокс, и три его подбородка (уже в те годы он стал полнеть) затряслись от смеха. — Единственное, что нужно, — перерезать библиотечное отродье вместе с их дружками-приятелями, купцами из Нижнего Города. Эту почетную задачу я поручаю тебе, мой дорогой друг.

Амберфус поежился. Ксаксис справился, его стражи окружили Дворец Пожертвований и устроили кровавую бойню. Улицы вокруг здания были залиты алыми потоками, и все же... Во всякой ситуации бывает «и все же», с грустью подумал Амберфус.

Все же нескольким Библиотечным Ученым удалось спастись: они скрылись в канализации, где, подобно пестрым крысам, и оставались до сих пор.

— Да благословят Небеса Библиотечных Ученых! — улыбнулся Амберфус, поскольку даже сейчас от них была польза...

— Иду-иду, мой драгоценный, — засюсюкала Фламбузия, чей голос раздавался из соседней комнаты. — Кастрюлька вот-вот закипит...

Амберфус слабо кашлянул. Травяной чай — именно то, что нужно для смягчения раздраженного горла. Эльф оглядел комнату. Есть ли здесь все, что ему нужно? Путешествие будет долгим... Да, кажется, здесь есть все необходимое. Фламбузия в момент сгребет его лекарства в свою сумку. Милая, добрая Фламбузия! Конечно же, она поедет с ним! Нельзя же бросить ее здесь! Нет, и еще раз нет! Хотя наверняка найдется сотня других, кто с радостью будет растирать ему спину... Например, генерал Титтаг.

Амберфус вспомнил свою первую встречу с плоскоголовым бандитом. Его представил генералу Хамодур Плюнь, деловой партнер Амберфуса с Опушки Литейщиков. Хамодур отвечал за проведение Амберфусовой операции в Дремучих Лесах и неплохо погрел на ней руки.

— Вам надо встретиться с Титтагом, — скаля зубы, предложил Плюнь. — Генерал на днях прибывает в Нижний Город из Гоблинова Гнезда, и, я думаю, он именно тот, кого вы ищете.

Амберфус посмотрел на исполосованное глубокими шрамами лицо гоблина, на уши, изрезанные ударами меча, на покрытые татуировкой руки и утыканную шипами броню — впечатление было сильным.

По правде говоря, ликвидация Библиотечных Ученых не решала проблемы. Без влияния библиотекарей население Нижнего Города оставалось неуступчивым и упрямым, а Стражи Ночи требовали немедленно приступить к строительству Санктафраксова Леса. Начался саботаж и намеренная порча инструмента, рабочие отлынивали, дело застопорилось.

Вокс ничего не замечал. Он трудился над рисунками и чертежами, по-дурацки купаясь в счастье, если ему удавался новый гигантский проект. Воплощать гениальные проекты следовало Амберфусу. Для постройки Санктафраксова Леса был единственный способ... Если горожане не желали работать добровольно, их надо было заставить. Слишком долго они гуляли на свободе. Амберфус решил превратить их в рабов, а для этого нужны были надсмотрщики, целая армия надсмотрщиков...

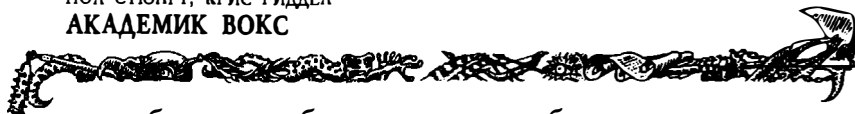
— Армия у меня есть, — заявил Титтаг. — В Гоблиновом Гнезде. И не какой-нибудь сброд, вроде пучковолосых или длинноухих разгильдяев. Мои воины — тренированные, закаленные в боях молотоголовые и плоскоголовые гоблины. Я предупреждаю вас, глубокоуважаемый Верховный Канцлер, — мрачно добавил он, — задешево мы не продаемся.

— Денег на всех хватит, — рассмеялся Амберфус. — Только введите войска в Нижний Город, и за мелкую услугу вы получите крутой навар.

Через несколько недель плóскоголовые и молото-головые гоблины, переодетые лудильщиками, паяльщиками, портными, разносчиками, охотниками и ремесленниками, группками по двое — по трое прошли по Дороге через Великую Топь. Шрайки ничего не заподозрили. Призрачный эльф, Верховный Канцлер, встречал их у ворот Нижнего Города, пересчитывая бойцов по головам. Вскоре гоблиновы полчища заполнили город. Затаившись, гоблины ждали, пока Амберфус подаст генералу Титтагу сигнал к действию.

Погруженный в воспоминания, эльф раскачивался на своем креслице, потирая длинные паучьи ручки. Кровавая Неделя! В течение семи дней гоблины прочесали каждый дом. Негодных к работе, больных

и слабых, они безжалостно поубивали, остальных превратили в рабов. Порабощенные горожане выкопали рвы для массового захоронения трупов...

Амберфус зевнул. «Цель оправдывает средства», — подумал он, покусывая обгрызенный ноготь на указательном пальце. Вокс радовался такому повороту событий. А он сам, Амберфус, сколотил на той операции огромное состояние!

Ах, если бы Титтаг не был так жаден! Амберфус должен был заметить его ненасытную страсть к обогащению еще с первой встречи. Гоблинова алчность погубила эльфа. Титтаг мог бы довольствоваться доходами от литейных цехов и от поставок рабочей силы для строительства Санктафраксова Леса, а он захотел иметь все сразу.

Вокс и Амберфус оказались вне игры: генерал завладел Санктафраксовым Лесом и единолично стал управлять Нижним Городом. До Амберфуса дошли слухи, что генерал хочет присвоить себе золотую цепь Вокса, чтобы объявить себя Верховным Академиком.

«Какая наглость! — с негодованием думал Амберфус. — Неотесанная деревенщина из Гоблинова Гнезда — Верховный Академик! Полный абсурд!» Эльф понимал, что Титтаг не остановится, пока не прикончит и его, и Вокса. Титтаг и Плюнь наступали ему на пятки, но эльф чувствовал смертельную опасность.

Итак, счет был не в его пользу. Вокс оказался заложником во Дворце Статуй, где его обихаживала горстка верных слуг. Единственной защитой Нового Верховного Академика были смертельные ямы-

ловушки, расставленные по коридорам. Может, сложившаяся ситуация и устраивала Гестеру-отравительницу, по уши влюбленную в своего хозяина, а заодно и глуповатого, преданного Воксу Костоглота, — призрачному эльфу такое было не по вкусу.

У него был отложен кругленький капиталец на Опушке Литейщиков, который он сколотил на махинациях с Хамодуром Плюнем, — сейчас накопленные деньжата были недоступны.

Воксу хана! Нижнему Городу хана! Пора было подумать о себе.

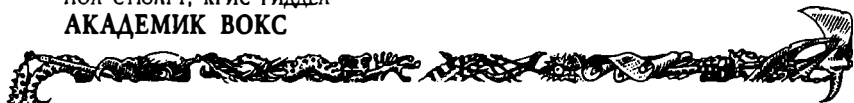
В комнату вплыла Фламбузия, держа в одной руке чашку с травяным чаем, над ней поднимался ароматный пар, а в другой — блюдо с вафлями. Водрузив угощение на изящный столик, она придвинула к нему эльфа.

— Ну вот и я, — сообщила она. — Принесла вам чаю с вафельками. Угощайтесь на здоровье. И сперва выпейте лекарство.

Нянька вытащила из кармана фартука стеклянный пузырек, отвернула пробку и налила полную ложку кроваво-красной жидкости. Сунув флакончик обратно в карман, она приблизилась к эльфу.

— Откройте рот пошире, — проворковала нянька.

«Я это не буду пить, Фламбузия. — Мысль Амберфуса острой льдинкой процарапала мозг няньки. — Сегодня у меня должна быть ясная голова. Поэтому никаких снадобий! Ты поняла?»

— Амби, душенька, — запричитала нянька, — не капризничайте, пожалуйста. Я не люблю, когда вы...

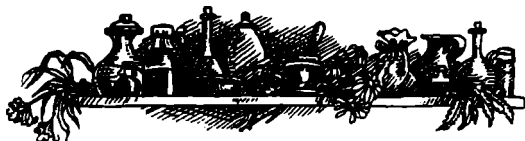
«Ты поняла, Фламбузия? — Эльф прищурился, и его редкие усики затрепетали. — Приведи тут все в порядок. И пусть твой ум очистится от всяких мыслей... Раз и навсегда...»

Фламбузия уронила ложечку и, захныкав, упала на колени.

«Дай мне флакон. — Мысль эльфа снова внедрилась в сознание Фламбузии Лисохвост. Она протянула эльфу пузырек, и тот схватил его паучьей лапкой. — Теперь аккуратно упакуй все мои лекарства. Только смотри ничего не разбей. А потом отвезешь меня к Костоглоту. У меня есть для него поручение». Амберфус, взглянув на склянку с микстурой, мрачно рассмеялся.

Нянька покорно кивала.

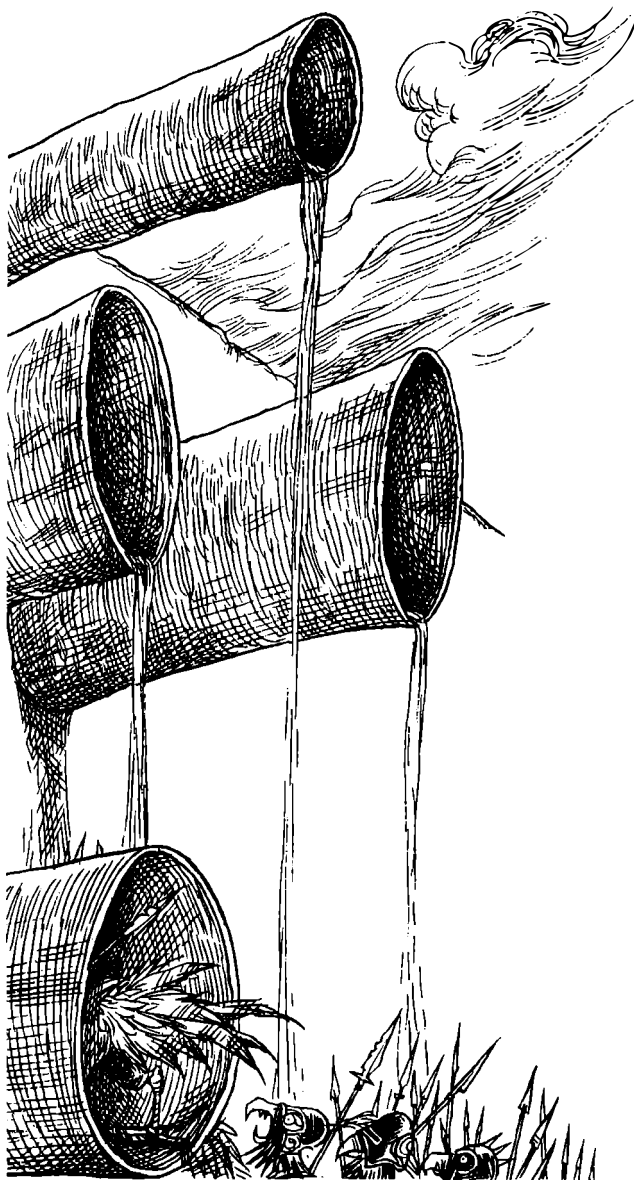
— Отлично! — ухмыляясь, подытожил Амберфус. — И давай, Фламбузия, радость моя, поторопись. — Нянька застыла в недоумении, тупо смотря на хозяина пустыми глазами. — Времени у нас в обрез.

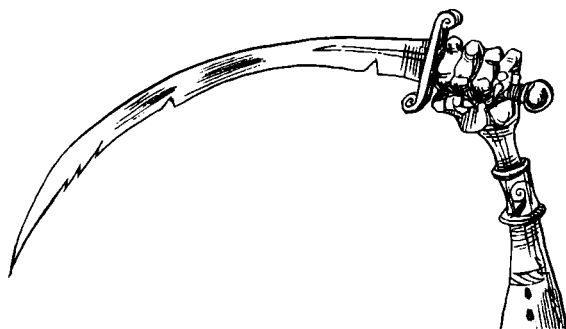

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

ШЛАК, КОГТЕДЕР И СТИКС

1. Армия гоблинов

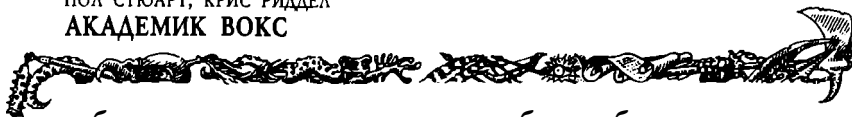
й, Шлак, поднимайся! — За громким окриком последовал пинок ногой. Смуглокожий молотоголовый гоблин открыл глаза и увидел нависшего над собой армейца в тяжелых сапогах по прозвищу Тяпляп. — Живо! Вся фаланга уже в сборе!

Шлак сел.

— Должно быть, я задремал, — пробормотал он, стряхивая с себя сонное оцепенение.

С трудом поднявшись, Шлак потянулся и зевнул, достал увесистый резной щит и двурогий шлем — знак принадлежности к элитному подразделению молотоголовых стражей. Натянув шлем до самых глаз, гоблин закинул щит через плечо.

А на унылом плацу уже строились гоблины всех мастей и расцветок: приземистые крепкие гоблины-утконосы в небогатых доспехах, дюжие плоскоголовые гоблины с тяжелыми палицами, пучковолосые и длинноволосые гоблины с фигурно изогнутыми луками и стрелами, веером торчащими из колчанов, толс-

тобровые, вислоухие и акулозубые гоблины, вооруженные бьющими наповал именными копьями с зазубренным древком. У каждого солдата была своя, особая метка принадлежности к тому или иному клану: татуировка, кольцо или эмблема — и все они были готовы к бою!

Авангард состоял из молотоголовых, они построились в гигантскую фалангу: триста рядов по двести воинов в каждом. Щиты воинов, перекрывая краями друг друга, образовывали сплошную непреступную стену.

В первом ряду стоял Шлак, плечом к плечу со своим товарищем по оружию Тяпляпом. Они рубились вместе во многих битвах. Тяпляп спас ему жизнь в кровавом побоище со шрайками, а Шлак, вернув долг, отстоял друга в сражении с пучковолосыми гоблинами.

Оба были молотоголовыми гоблинами, а значит, рождены для битв. Однако здесь, в Нижнем Городе, жизнь текла нудно и неинтересно. Бесконечная муштра да скучные караулы на Ульеподобных Башнях, лишь изредка оживляемые охотой на беглого раба или поручениями, вроде присмотра за мастером литейного цеха. «Сегодня наступит великая ночь: враг будет разбит, победа будет за нами!» — подумал Шлак.

Перед фалангой стоял главнокомандующий: в ожидании приказа он неотрывно смотрел на генерала Титтага, взгромоздившегося на высокий каменный постамент.

— Фаланга! — взревел генерал. — Шагом марш!

Шлак, радостно хмыкнув, зашагал в ногу с остальными.

Хватит с него полевых учений, патрулирования, мелких стычек, не приносящих удовлетворения его воинственной натуре. Грядет долгожданная, настоящая битва! Армия, громохвая железом, дружно выкатилась с площади на дорогу.

Шлак гордо задрал голову. Ему нравилось поигрывать своими крепкими, натренированными мускулами! Гоблин жадно прислушался к грохоту кованых сапог. Земля дрожала под ногами легендарной армии, отправившейся в поход!

Когда солдаты маршем проходили мимо развалившихся лачуг с прохудившимися черепичными крышами и дверями, еле державшимися на одной петле, Шлак заметил разбуженных шумом горожан, украдкой наблюдавших за гоблинами из-за притворенных ставней. В глазах у них застыл страх, в душах царило смятение...

Шлак был доволен. Все как и прежде! Похоже, возвращаются старые времена! Он снова чувствовал себя непобедимым.

Армия направилась на площадь с высокой аркой. Площадь огибал канал с грязной булькающей водой, которая водопадом низвергалась в нырявшую под землю трубу. Над аркой горели предупреждающие огни, вход для безопасности был загорожен несколькими рядами решеток. Это и был печально извест-

ный Центральный Западный Вход в канализацию Нижнего Города. По команде фаланга остановилась перед ним.

— Я ничего не понимаю, Шлак, — прошептал Тяпляп, прикрываясь щитом. — Нас ведут на верную смерть! Чистое безумие — лезть в канализацию через Западный Вход!

Тяпляп был прав. Через перекрытый металлическими заслонками вход они попадали в вертикальный сток, откуда вода, бурля и клубясь, падала в глубокий черный резервуар — так называемый Мертвый Омут. Много гоблинов погибло там при попытке проникнуть в систему сточных труб, а те, кто добрался до подземных лабиринтов, были в итоге уничтожены библиотечными стражами.

До сих пор никому из гоблинов не удалось попасть во владения библиотекарей.

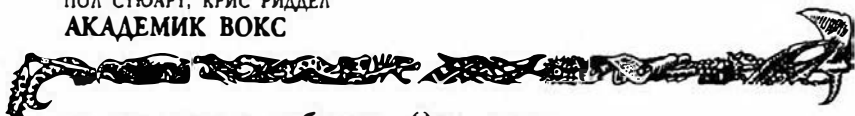
— Зачем мы здесь? — прошипел Тяпляп.

Шлак пожал плечами:

— Понятия не имею, Тяп.

Из задних рядов вышел генерал Титтаг в сопровождении съезжившего-

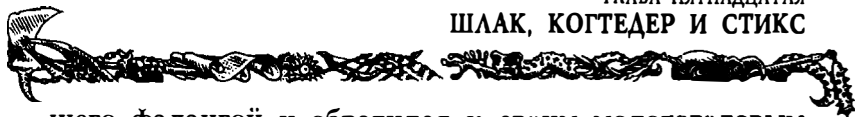

ся от страха гоблина. Они остановились перед невысоким каменным корытом, позади которого располагалась удлиненная фигурная стела с прикрученной посередине темной плитой. Шлак с изумлением наблюдал за этой парочкой.

Генерал подтолкнул гоблина, и тот двинулся вперед. Интересно зачем?

Не говоря ни слова, гоблин обеими руками нажал на плиту. Раздался тихий щелчок, потом каменный скрежет, и за обелиском открылась длинная темная шахта. Генерал поманил пальцем главнокомандую-

щего фалангой и обратился к своим молотоголовым бойцам:

— Тайный ход в канализацию открыт. Он лежит перед вами. Но библиотекари умны и коварны. Проход настолько узок, что вам придется идти гуськом. Вам, мои верные гвардейцы в переднем ряду, я предоставляю честь стать первопроходцами!

Облизав пересохшие губы, Шлак шагнул вперед, за ним Тяпляп, а следом цепочкой выстроилась вся головная шеренга. У входа в тоннель начальник колонны передал Шлаку зажженный факел.

Шлак забросил щит за спину и, с поклоном приняв факел, крепко сжал древко рукой. Поцеловав точеный костяной амулет, который он носил на шее, гоблин направился в темноту. Он думал, что найдет там лестницу, а вместо нее внутри оказался крутой металлический желоб, и гоблин стремительно покатился вниз. Пламя факела угрожающе затрепетало в кромешной мгле.

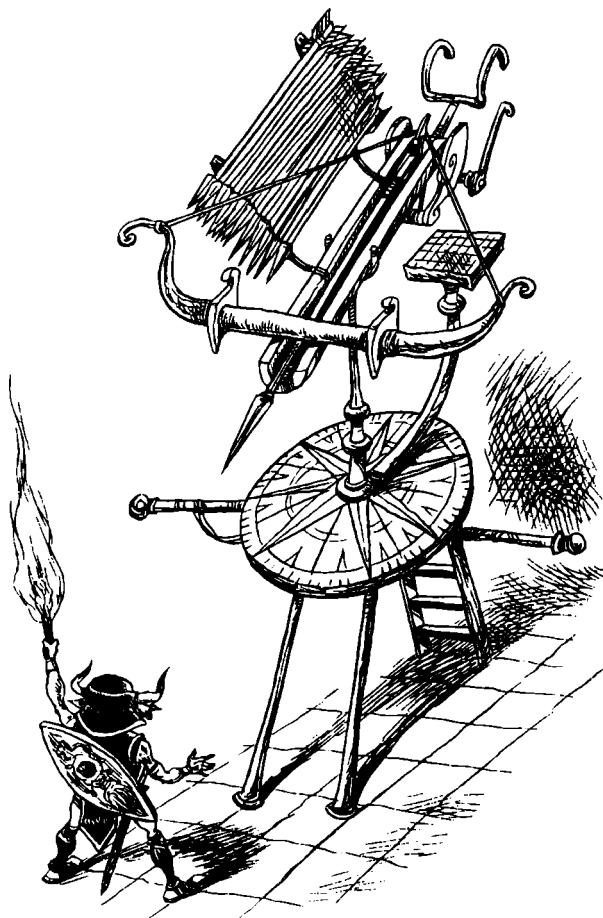
Тяжелые сапоги ударились о землю, и факел вспыхнул с прежней силой. Шлак разогнулся и с факелом над головой двинулся вперед. Из гигантского подземного зала в разных направлениях расходились тоннели. За спиной у Шлака ревела вода, водопадом обрушиваясь в смертоносное озеро и защищая вход в канализацию. На высокой металлической платформе стоял колоссальных размеров арбалет с нацеленным на Шлака болтом. Рядом никого не было.

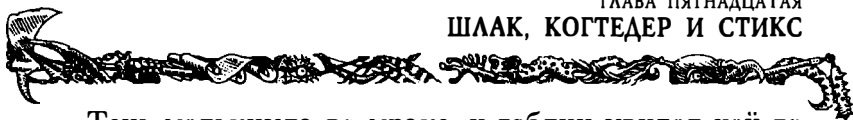
Шлак опасливо пошел дальше, освещая факелом темные закоулки и выбоины. Мрачная подземная пе-

щера, оглашаемая звоном вечно капающей воды, производила гнетущее впечатление. Здесь он чувствовал себя не в своей тарелке. Это место для крыс и двуногих в академических мантиях...

— Выходи! — рявкнул Шлак. — Я все равно тебя найду!

Тень мелькнула во мраке, и гоблин увидел чей-то силуэт. Вытащив меч из ножен, Шлак бросился наперерез врагу и резко опустил клинок. К ногам упала отрубленная голова тощей пестрой крысы. Гоблин ухнул, с шумом выпустив воздух, и расплылся в довольной улыбке.

Тут в черной трубе раздался топот — в подземной пещере появился Тяпяп.

— Здесь все спокойно! — крикнул Шлак, и гулкое эхо, отразившись от стен зала, повторило его слова.

Пещера стала наполняться солдатами. Разноголосица, шум, кашлянье, воркотня и грохот сапог огласили подземные своды, пока разномастные гвардейцы — плоскоголовые, утконосые, пучковолосые и акулозубые гоблины — набивались в зал.

Скоро, скоро будет бой! В висках у Шлака стучало от предвкушения битвы, кровь стремительно текла по жилам, сердце колотилось в бешеном ритме. Да, все как в прежние времена! Тяпяпа, заметил Шлак, охватило такое же возбуждение: глаза горели, он судорожно облизывал губы и побелевшими от напряжения пальцами сжимал свой щит.

Наконец последний гоблин, миновав узкий проход, появился в сводчатом зале. Генерал Титтаг с занесенным над головой мечом вышел вперед. Он резко откинул голову, как бы собираясь крикнуть, но вместо громогласного вопля прозвучал зловеющий шепот:

— Фаланга! К бою готовься! Смерть библиотекарям!

2. Пернатые боевики

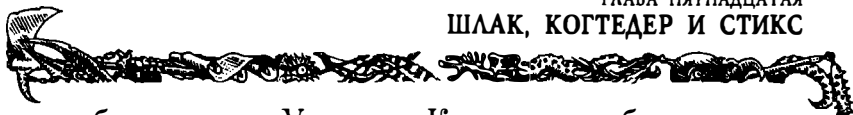
Сестра Когтедер, взгромоздившаяся на высокий столб, ожесточенно скреблась, тербя торчащие клочьями перья вокруг клюва: от жары лесные блохи просто взбесились!

Немигающими желтыми глазами она вглядывалась в даль, наблюдая за гоблиновой армией: один из батальонов генерала Титтага, шагавший впереди, вступал в Нижний Город через Главные Ворота на Дороге через Великую Топь. Должно быть, генерал решил отыграть очко у шраек, не понимая, чему он подвергает себя и свою гвардию. Сестра Когтедер заквохтала от удовольствия.

Ее мысли прервал свист сестры Перощип. Она заняла пост у основания левой башни. Ответный свист означал, что сестра Кривоклюв тоже готова.

Громко вскрикнув, сестра Когтедер спорхнула со столба у Главных Ворот и перелетела через границу захваченного гоблинами Нижнего Города. Плоскоголовый стражник повернулся: на его зверской физиономии отразилось изумление. Одной рукой гoblin схватился за меч, другой стал нащупывать нож. Врага нигде

не было видно. У сестры Когтедер все было продумано заранее.

Легко махнув крыльями, она взлетела вверх и ударила гоблина когтистой лапой. Острые как бритва шпоры разодрали живот гоблина, кишки вывалились наружу, и шрайка набросилась на свою жертву. Шея хрустнула, голова воина, будто подвязанная веревками, безвольно повисла на сухожилиях.

С такой же жестокостью энергично орудовали сестра Пероцип и сестра Кривоклюв, раздирая в клочья гвардейцев. На помощь товарищам спешили гоблины с занесенными мечами и палицами, однако было поздно. Сестра Когтедер уже сняла цепь с Главных Ворот и настежь распахнула створки. Охрана не успела и глазом моргнуть, как ее подмял поток могучей армии кровожадных шраек.

Впереди несметной птичьей стаи, сверкая золотом и пурпуром, верхом на разукрашенном живопыре скакала разряженная в пух и прах Мамаша Ослиный Коготь.

— Вперед, сестры! — визгливо кричала она. — Сегодня у нас будет пир на весь мир! Сердце гоблина и печень библиотекаря будут вам наградой! Все знают, во имя чего мы идем на бой! В атаку, сестры! В атаку!

Сестра Пероцип и сестра Кривоклюв во главе отрядов пернатых пехотинцев направились к южным складам. Хриплым посвистом и гортанным клекотом сестра Когтедер собрала бойцовых кур своего отряда. Они должны были взять приступом северные склады, уничтожая всех гоблинов, попадающихся на пути.

Пересчитав воинственных птиц по головам и дав им последние наставления, сестра Когтедер поскакала вперед.

Все новые подразделения шраек прибывали для охраны Главных Ворот. Взрослых громким чириканьем поддерживали неоперившиеся пестрые птенчики, прятавшиеся в тени. Рядом с ними, тоненько попискивая и звякая серебряными цепочками, примостились шрайки-самцы.

Оставив площадь перед Дорогой через Великую Топь, эскадрон шраек стройными рядами вошел в Нижний Город и рассыпался на отдельные отряды, заполонив переплетение улиц. У каждого перекрестка стаи воссоединялись, а потом опять распадались. Группами по двое — по трое они прочесывали темные переулки и аллеи, пересвистываясь и перекрикиваясь хриплыми голосами... Эта часть Нижнего Города была свободна от гоблинов — сестра Когтедер готова была побиться об заклад, что это так.

Выполнив задание, по узкой тропинке, петлявшей между высокими деревянными строениями, патруль направился к Краевой Реке, туда, где западная городская стена подступает к самой воде. Далеко впереди маячили бойцовые куры в пестром оперении, снующие по грязному илистому берегу возле выступающих на поверхность сточных труб. Подойдя ближе, сестра Когтедер увидела Мамашу Ослиный Коготь на полковом живопыре, произносящую речь.

— ...коварны... не отклоняйтесь... — ветром доносило обрывки фраз. — Нельзя быть доверчивыми...

Трубы опасны... ведут в тупик, в них расставлены ловушки...

Сестра Когтедер, по принадлежности к правящей верхушке Шайки Шраек, присутствовала на совете, когда юный перебежчик... Как бишь его? Плут?..

Она хорошо запомнила, что перебежчик рассказывал о расположении сточных труб: вода в них меняет направление. Долгие годы хитроумная схема обеспечивала безопасность подземным жителям... Никто не мог прорвать смертоносную линию обороны. Юнец сообщил чрезвычайно важную информацию, он сказал, что ровно в десять часов вечера в Большом Зале Центрального Книгохранилища состоится собрание, на котором будут присутствовать все Библиотечные Ученые. И во время церемонии положение клапанов в трубах меняться не будет, а значит, шрайки смогут беспрепятственно пройти сквозь всю систему, не опасаясь, что их смоем или они захлебнутся в нечистотах.

Сестра Когтедер принялась. От затхлого духа библиотечных работников, доносившегося через трубу, у нее слюнки потекли. Морда шрайки расплылась в плотоядной улыбке.

По приказу Мамаши Ослиный Коготь эскадроны шраек и боевая пехота ринулись в канализацию, выбирая трубы посуше. По дну трубы, в которую сестра Когтедер повела своих подруг, текла тонкая струйка воды. Хотя шрайка ненавидела воду и ей было противно мочить лапы в грязи, она точно знала, что ручеек приведет их к цели. Острое зрение и чуткий нюх

помогали ей ориентироваться в лабиринте протоков. Миновав развязку, где были установлены вентили для труб, и прислушавшись к реву воды за перегородкой, сестра Когтедер с облегчением вздохнула: информация, полученная от корыстолюбивого юнца, оказалась верной.

Шрайки бодро устремились вперед: недаром они были боевыми курицами! Мамаша Ослиный Коготь подняла обросшие перьями верхние лапы, призывая к тишине.

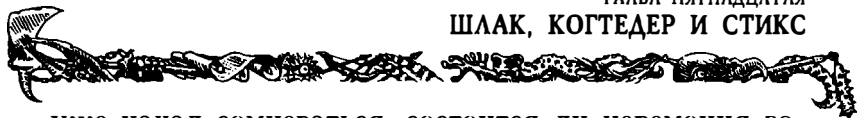
— Остановитесь, сестры! — выкрикнула она. — Подождите!

Сестра Когтедер, успевшая сунуть нос в темный тоннель, замерла, подавив разочарование. Ждать? Чего ждать, когда они так близко от цели! Она явственно различает запах книжных червей! Она уже чувствует вкус их плоти во рту! Мякенькие кругленькие сердца... Сочная печень...

— Не теряйте головы, сестры, — продолжала Мамаша Ослиный Коготь. — Помните, что в одиннадцать гоблины нанесут удар по библиотеке. Мы не станем сдерживать их. Пусть хищник схватит добычу. А потом, когда с библиотекарями будет покончено, гоблины сами превратятся в добычу. В нашу добычу! И тогда мы перегрызем им глотки!

3. Стражи Ночи

Орбикс Ксаксис, Верховный Страж Ночи, явно опаздывал. Полдень давно миновал, а Церемония Очищения все не начиналась. Минул день, наступила ночь, и Стикс, коренастый гоблин-утконос с пучками волос на ушах и шрамом на лице, стал скидывать. Десять часов подряд он торчал на посту, ожидая сигнала для спуска клетки. Десять часов! Он

уже начал сомневаться, состоится ли церемония вообще...

Где-то внизу, в Нижнем Городе, на башенных часах пробило девять. Стикс заметил какое-то шевеление у дверей на площадку. Это был Орбикс: черные полы его плаща развевались на ветру. Завидев хозяина, гoblin вскочил. Из-за маски и темных очков нельзя было понять, какое у Орбикса выражение лица, и на всякий случай гoblin решил не подавать виду, что дал слабину.

— Я специально вызвал именно тебя, Стикс, — произнес Орбикс. — Я хочу, чтобы ты спустил клеть как можно тише и аккуратнее. Проверь все механизмы.

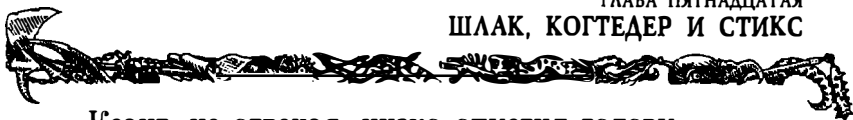
— Слушаюсь, сэр, — пробормотал гoblin, склонив голову в поклоне.

Механизм управления располагался выше клетки, и Стикс, не спускаясь на платформу, намотал на барабан провисший остаток плетеного каната и осмотрел противовесы. Пока он работал, на площадке появился Леддикс в сопровождении двух дюжих плоскоголовых стражников. Стикс обернулся. Стражники крепко держали пленников: девушку и юношу. У девушки лицо было бледным, глаза ввалились, губы дрожали. Юноша был худ, изможденное лицо в синяках и кровоподтеках. Стикс узнал его — это был приближенный Верховного Стража, советник по особо важным делам. Как же его зовут?

— Мужайся, Магда, — говорил юноша, пока здоровенные молодцы волокли пленников к клетю. — Не показывай, что боишься их. Помни, ты сильнее всех!

— Ты действительно так думаешь? — хохотнул Орбикс Ксаксис. — Ты разочаровал меня, Ксант. — Голос его сипел под маской. — Глубоко разочаровал. — Кивнув в сторону Магды, Верховный Страж неодобрительно поцокал языком. — А тебе должно быть стыдно: как ты мог допустить, чтобы библиотечное отродье вскружило тебе голову!

Ксант, не отвечая, низко опустил голову.

— Даже сейчас, Ксант, я даю тебе шанс. Скалистые демоны ждут не дождутся, когда им бросят кусок сладкого молодого мяса. У тебя есть шанс избежать смерти, если ты сам скинешь девушку вниз. — Орбикс хохотнул. — Ну, что ты выбираешь, Ксант? Пожертвовать девушкой и спастись самому или остаться с ней и погибнуть?

Ксант упорно молчал.

Орбикс раздраженно засопел.

— В клетку обоих! — приказал он. — Церемония начинается!

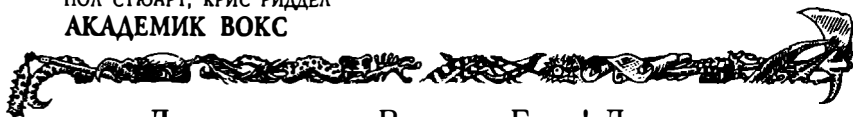
Девушку с помертвевшим от страха лицом вместе с бритоголовым тощим парнишкой пихнули в хитроумное приспособление с решеткой, зависшее над пропастью. Когда за ними с силой захлопнулась дверь и повернулся ключ в замке, клеть угрожающе закачалась.

Ноздри у гоблина-утконоса затрепетали. «Свежатинка! — подумал он. — Скалистые демоны будут довольны!»

Верховный Страж Ночи поднял обе руки.

— Да здравствует Великая Буря! — заревел он. — Опускайте клетки!

Стикс, ухватившись за поворотную рукоять, начал крутить колесо. Вздвогнув, устройство поползло вниз. Клеть шла медленно и плавно, без малейшего шума: по приказу Верховного Стража Стикс вплел в цепь полоски ткани, чтобы приглушить нескончаемый звон металла. Скалистых демонов не следует тревожить загодя.

— Да здравствует Великая Буря! Да здравствует Великая Буря! — хором голосили Верховный Страж, мастер-клеточник и четверо рядовых.

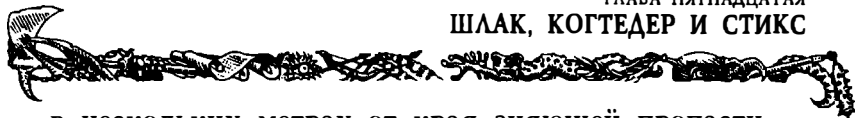
У Стикса напряглись мускулы. Он понимал, что обязан действовать осторожно. Во-первых, клеть должна опускаться беззвучно, во-вторых, оператору нужно точно рассчитать момент, когда жать на тормоза. Слишком рано — заключенные выпадут из клетки на лету. Слишком поздно — клеть ударится о дно ущелья и разлетится на куски. В обоих случаях демоны встрепаются до того, как у заключенных появится шанс улизнуть. Орбикс Ксаксис, сверкая глазами из-за темных очков, не раз повторял, что демонов нельзя тревожить преждевременно.

— Я должен справиться, — взволнованно бормотал Стикс. — Только не надо суетиться...

Леддикс так сильно ударил его плетью за ошибку, допущенную в прошлый раз, что на спине долго оставался кровавый рубец. Стикс даже думал, что рана никогда не заживет... Если и сегодня что-нибудь пойдет наперекосяк...

— Да здравствует Великая Буря! Да здравствует Великая Буря!

— Аккуратнее, аккуратнее, — не обращая внимания на завывания Стражей Ночи, прошептал себе под нос Стикс, когда клеть качнулась от порыва ветра. — А вот тут скала. Еще чуть-чуть... Ниже. И еще чуть-чуть... — Он потянул на себя рычаг тормоза и, взглянув на дно каньона, с облегчением вздохнул. Клеть прочно встала на ровное плато буквально

в нескольких метрах от края зияющей пропасти. — Отлично, — выдохнул он.

Орбикс, перегнувшись через балюстраду, наставил на пленников подзорную трубу: он сам желал контролировать ситуацию. Потом он повернулся к гоблину-утконосу.

— Открыть клетку! — приказал Верховный Страж Ночи.

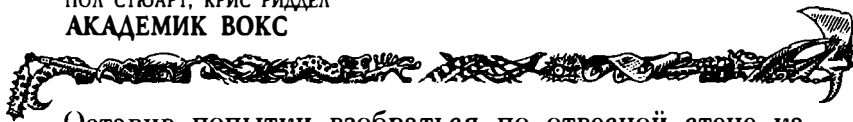
Стикс протянул руку и, ослабив зажим, с силой дернул за плетеный канат. Далеко внизу щелкнул замок и дверца клетки распахнулась. Гоблин, затаив дыхание, продолжал наблюдение за пленниками. Юноша и девушка выбрались из клетки. Постояли. Огляделись. В какое-то мгновение Стиксу показалось, что парочка собирается расстаться...

— Выходите, Демоны Тьмы! — нараспев произнес Орбикс. — Настало ваше время!

По всей видимости, двое решили не разлучаться, подумал Стикс, глядя, как фигурки, сверху похожие на муравьев, вместе отходят от клетки. Вряд ли они заметили расщелину в породе, поскольку шли в противоположную сторону. Гоблин в изнеможении отер потный лоб. Если хоть что-то случится не так, виноват будет он, и только он!

В следующую секунду он заметил, как рушатся куски породы со скалы, и услышал завывания и визг. Из мрака глубокого каньона на свет поползли тучи призраков.

Юная парочка, должно быть, заметила погоню: пленники понеслись сломя голову и сменили курс.

Оставив попытки взобраться по отвесной стене каньона, они во всю прыть мчались к тоннелю.

— Прекрасно, — замурлыкал Орбикс, и Стиксу показалось, что он видит расплывшуюся в улыбке физиономию Верховного Стража сквозь маску с железным соплом и темными очками.

— Да здравствует Великая Буря! — воскликнул Орбикс в тот самый миг, когда Ксант и Магда исчезли в тоннеле и далекая зарница полыхнула на небосклоне. — Да здравствуют Демоны Тьмы! Да избавят они нас от всех, кто загрязняет наше чистое небо! Избавят раз и навсегда!

Пока Орбикс взывал к демонам, их темные силуэты замаячили у проема. Первый из своры замер на секунду перед входом, подозрительно пригнувшись.

Стикс смотрел, как скалистые демоны потоком вливаются в тоннель. От их оглушительного визга гоблин покрылся холодным потом, несмотря на изнурительную жару. Вопреки всему, он почему-то надеялся, что юная парочка сумеет спастись. Библиотекарь ты или нет — все равно... Никто не заслуживает такой ужасной смерти!

Гоблин-утконос почувствовал, как Орбикс Ксаксис, Верховный Страж Ночи, положил тяжелую руку ему на плечо.

— Ты молодец, Стикс, — похвалил он гоблина. — Благодаря искусному управлению клетью ты окончательно решил судьбу библиотекарей.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

КАМЕННАЯ ГОЛОВА

Плут волновался. Его любимый профессор Олквикс Венвакс будет рядом. Он не видел старика с начала погрузки.

Баржа накренилась, они подплывали к выходу из канализации. Четыре баржи Центрального Книгохранилища уже миновали сточную трубу, и теперь их подхватило сильное течение Краевой Реки. Плут различал фигурки гребцов: пытаясь подняться вверх по реке, они взмахивали веслами, отчаянно борясь с течением, но баржи раскачивались на волнах, как поплавки. Порывом ветра баржу Плути тряхнуло, посуда дала крен, и грузы поползли на одну сторону, обшивка угрожающе затрещала. Плути окатило с головы до ног.

— Режьте сеть над кабинками-читальнями! — перекрывая рев воды, крикнул капитан.

Библиотекари ножами перерезали сеть, и летучие кабинки устремились ввысь, как воздушные шары. Судно выпрямилось. Библиотекари опять сели на весла, и баржа, развернувшись, поползла вверх по течению под аккомпанемент грозных команд капитана.

— И — раз! И — два! — кричал он. — Десять гралусов лево руля! И — раз! И — два! Налегли, ребята!

Медленно, но верно баржа с Плутон на борту поднималась вверх по Краевой Реке, замыкая флотилию. Плыть было тяжело из-за сильного встречного течения и лобового ветра, сносившего висячие кабинки-читальни и грозившего утащить неповоротливую громаду к самому Краю, где река превращалась в крутой водопад.

— И — раз! И — два! Быстрее! Еще быстрее! — продолжал подбадривать команду капитан.

Плут огляделся. На другом берегу горели огни. Флотилия держалась середины реки, где вода была глубже: никому не хотелось сесть на мель. Далеко-далеко маячили величественные башни Ворот у Дороги через Великую Топь. Плут почувствовал, что кто-то положил руку ему на плечо. Обернувшись, он увидел рядом Верховного Академика.

— Здесь свободно? — поинтересовался он. — Ты не против, если я сяду рядом?

— Вообще-то это место Олквикса, — ответил Плут. — Правда, я не видел его с тех самых пор, как мы сели на борт.

Каулквейп опечалился:

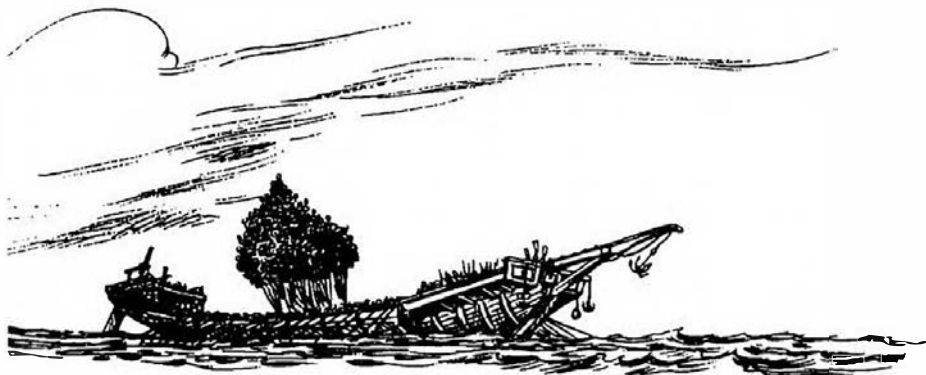
— Этого-то я и боялся, мальчик мой.

— Чего этого? — спросил Плут.

— Он не смог заставить себя покинуть свою любимую библиотеку, — ответил Каулквейп.

— Значит, он остался там вопреки всему? — У Плута на глаза навернулись слезы.

— Да, несмотря на то что приближается роковой час, — сказал Каулквейп. — В одиннадцать гоблины будут в канализации. И шрайки тоже. Благодарю небеса, что мы сумели вовремя убраться отсюда.

Оба стали вглядываться в предгрозовое небо. В неверном лунном свете, сгущаясь, вихрились и кружились зловещие тучи.

— Мы спасемся, да? — спросил юноша, поворачиваясь к Верховному Академику.

Библиотекари, кряхтя от напряжения, налегали на весла, слушаясь команд капитана.

Каулквейп изучал небо.

— По расчетам Вокса — он сам показал мне свои записи — черная буря налетит ровно в одиннадцать.

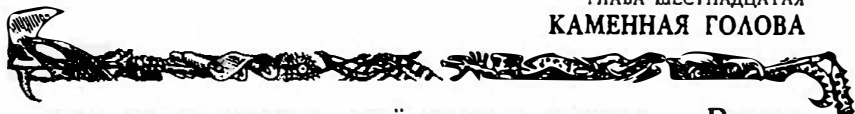
У Плуто тошнота подступила к горлу. Не от морской болезни — его одолевала тревога. Что-то сокровенное, чего он не мог высказать, терзало душу.

— Лучший облаковед из выпускников Школы Облаковедения, — напомнил Каулквейп. — У Вокса был талант, он всегда был впереди всех. Если Вокс сказал в одиннадцать, значит, точно в одиннадцать.

— Налегай! Еще разик! Еще раз! — надрывался капитан.

— Башня Ночи, Дорога через Топь, Санктафраксов Лес... — Каулквейп обвел рукой горизонт, на котором вырисовывались силуэты зданий Нижнего Города. — Говори что хочешь про жирного него-

дая, но он оставит свой след в истории. — Взгляд профессора упал на эмблему — свидетельство его высокого звания, и он рассеянно стал теревить свой нагрудный знак. — Я не знаю никого, кто мог бы сравниться с ним.

Теперь настала очередь Плута успокаивать старика. Юноша положил руку на плечо Верховного Академика.

— Не терзайте себя зря, профессор, — проговорил он. — Пусть Вокс оставит след в истории Нижнего Города, зато вы оставите след в людских сердцах. И я отлично знаю, что ценнее.

— Да благословят тебя Небеса, юноша! — воскликнул Каулквейп. — Когда я сидел в казематах Башни Ночи, я стал сомневаться в себе.

Плут потряс кулаком:

— Плевать я хотел на все изобретения! Башня Ночи — тьфу! Дорога через Топь — тьфу! — Юноша рассмеялся. — Санктафраксов Лес — тьфу! Младенец Вокса — тьфу!

Каулквейп переспросил:

— Младенец Вокса?

— Да, — хохотал Плут. — Его последнее изобретение — огромный шар, набитый желедами-кровавиками и пылефраксом.

— Пылефракс! — задохнулся Каулквейп, побелел как мел.

— Жуткая смесь, — сказал Плут. — По собственному опыту знаю. Когда я служил у Гестеры на кухне, у меня случилась неприятность: частица пылефракса случайно попала на каплю воды и — бабах! Взрыв был ужасный.

— Значит, он набил доверху весь шар пылефраксом, — слабым голосом проговорил Каулквейп. — О Небеса! Мне ясно. Огненные шары, Плут! Должно быть, один из них и сбил твой небоход. Вокс наверняка проводил испытания. — Голос академика потух. — Я не думал, что Вокс способен на такое! Он безумен! Совершенно безумен!

— Я... Я не понимаю... — с несчастным видом пробормотал Плут, испытывая чувство вины, внезапно накатившее на него. Он сам принимал участие в «кормлении младенца»! Что же он натворил?

— Разве ты не понимаешь, Плут? — спросил Каулквейп. — Если Воксов младенец, начиненный жемудрами дуба-кровососа и пылефраксом, взрывоопасен, как ты говоришь...

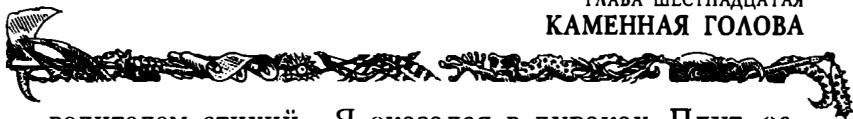
Плут согласно кивнул.

— Значит, его запуск может вызвать...

— Черную бурю... — прошептал Плут.

Грозовые тучи надвигались: вдалеке прогремел гром. Высоко в небе кружил и кружил белый ворон.

— Так вот как он предсказал момент бури! — пробормотал Каулквейп. — Он всегда хотел быть по-

велителем стихий... Я оказался в дураках, Плут, ослепленный его расчетами и картами звездного неба...

— Вашей вины тут нет, — возразил Плут. — Виновен только я, потому что вовремя не распознал, насколько опасен Воксов младенец, и не предупредил вас...

— Нет, Плут, — ответил Каулквейп, вставая. — Как ты мог догадаться? До сих пор никому еще не удавалось прочесть мысли Вокса, а те, кто пытался узнать, что у него на уме, потерпели жестокую неудачу.

Каулквейп перегнулся пополам и, обхватив голову руками, испустил тихий стон.

— Что с вами, сэр? — испуганно спросил Плут. — Что такое?

Каулквейп поднял глаза. В лице его не было ни кровинки — Плут никогда не видел Верховного Академика в таком состоянии.

— Вокс потребовал, чтобы толстолапы отнесли его к воротам на Дорогу через Великую Топь к десяти часам, хотя буря разразится в одиннадцать. Я ни о чем таком не подумал, разглядывая его проклятые карты и выкладки, а теперь...

— А теперь нам известно, что он решил спровоцировать черную бурю, и мы, Библиотечные Ученые, сами согласились перенести его в безопасное место! — ужаснулся Плут.

— Да, — подтвердил Каулквейп, переводя взгляд с темного неба на быстрые воды Краевой Реки. — Его ничто не остановит: он запустит младенца, чтобы вызвать черную бурю, и уничтожит всех!

— У нас еще есть время, — мрачно возразил Плут. В голосе его звучал металл. — Я сорву запуск младенца, даже ценой своей жизни.

Юноша стремительно бросился к борту, сложив над головой руки для прыжка.

— Встретимся у ворот! — крикнул он. — Да помогут нам Земля и Небо!

— Нет, Плут! — гаркнул Каулквейп. — Вернись!

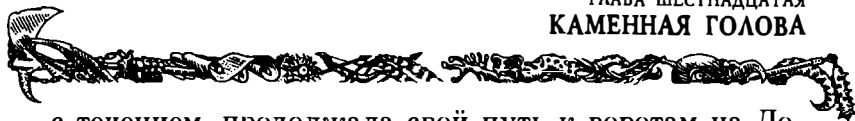
— Это мой долг! — ответил Плут, ныряя в бурные волны Краевой Реки.

Высоко над ним хрипло каркнул белый ворон и, сделав последний круг над водой, повернул к Нижнему Городу.

— Удачи тебе, мальчик!

Дрожащий старческий голос понесся над волнами вздыбленной реки, тогда как флотилия, борясь

с течением, продолжала свой путь к воротам на Дорогу через Великую Топь.

Плуту оставалось полагаться только на удачу. Он поплыл к берегу, молясь, чтобы на сей раз ему не встретилась коварная илистая рыба. Через несколько минут он коснулся ногами дна, и ботинки сразу зачавкали, провалившись в затянутую ряской хлябь. Стараясь не волноваться, Плут на четвереньках пополз к суше и в полном изнеможении вылез из воды.

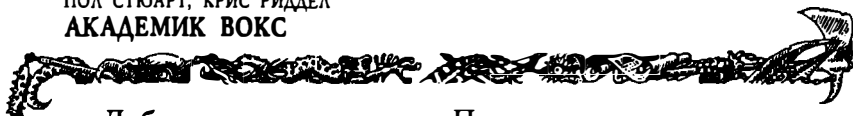
В последний раз бросив взгляд на уходящую флотилию, Плут встал на ноги и потащился вверх по осклизлому склону: вдали маячил рваный контур Дворца Статуй.

Он добрался до береговых домишек в сумерках и стремглав пустился по узенькой аллее. По его расчетам дворец находился где-то справа. Он резко свернул и выскочил на пустынную площадь. Пронесся под высокой аркой и, оказавшись на широком правительственном шоссе, вскрикнул от радости:

— Благодарение Небесам!

Перед ним во всем великолепии возвышался Дворец Статуй, купающийся в игре теней. Из окон лилось золотое сияние, четко обрисовывая и статуи на балконах, и памятники на постаментах вокруг стен. А сквозь стеклянный купол верхнего этажа, где располагался Зал Заседаний Лиги, бил мощный сноп огней, напоминающий раскаленную печную трубу на фоне мчавшейся в вихре армады грозových облаков.

— Еще немного, — задыхаясь от бега, пробормотал Плут. — Еще чуть-чуть...

Добравшись до дворца, Плут взлетел по мраморным ступеням и принялся дубасить кулаками в тяжелые двери. Стук гулким эхом прокатился по зданию, и все стихло. Никто не вышел ему навстречу. Встречать посетителей было обязанностью Костоглота, и Плут догадался, что привратник наверху, в Зале Заседаний Лиги, подготавливает младенца к запуску.

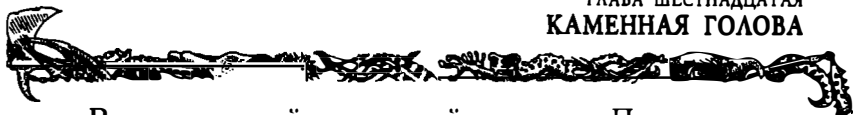
Опрометью Плут обежал здание кругом, внимательно изучая стены. Одна из статуй первого этажа скособочилась и, отклонившись от перпендикуляра, лежала криво, упираясь источенной ветрами головой в глухую стену. Если каменная фигура не завалится прямо сейчас, ему удастся вскарабкаться по ней на балкон, а оттуда, прикинул Плут, будет совсем нетрудно найти путь к самому верху.

Статуя пошатнулась, как только Плут поставил на нее ногу. Фигура еле держалась на постаменте, а поверхность камня была скользкой. Юноша добрался до массивных колен, потом до пояса и, уцепившись за складки объемистого плаща, подтянулся на плечи изваяния. Он выбросил руки вперед, ухватился за стойки ограды и перелез через перила.

Как только Плут оказался на балконе, раздался страшный грохот: ноги у статуи подломились и массивное изваяние рухнуло на тротуар.

Отерев потный лоб, Плут перепрыгнул с балкона на статую, стоявшую справа, вскарабкался по ее могучему торсу и влез на узкий уступ над ее головой.

«Что ж, пока все удачно», — подумал юноша.

Разгоряченный и мокрый от пота, Плут остановился перевести дух на узеньком выступе. Мрак между тем сгущался: черные клубы тумана кружили вокруг, и промозлый ветер, от которого немели пальцы, свистел в пустотах между каменными идолами.

До Зала Заседаний оставалось четыре этажа. Сименон Зинтакс. Фаркхар Армрайт. Эллерекс Эртклей. На табличках, прикрепленных у ног истуканов, были выведены их имена. Фигура с каменным долотом и резцом изображала Линдуса Ледбелла, некогда бригадира камнерезов. По ней Плут легко вскарабкался вверх. И тут случилось нечто ужасное.

Голова шевельнулась.

Плут с криком подпрыгнул, еле-еле взгромоздился на узкий уступ и глянул на памятник камнерезу. Сердце ушло в пятки: он увидел, как голова, отвалившись, летит вниз.

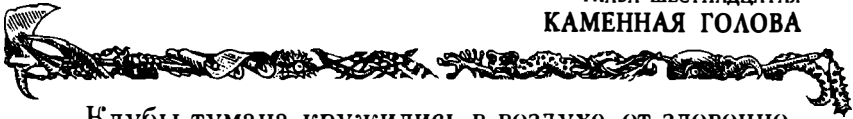
Тут что-то толкнуло его в спину. Холодное. Твердое... Кто-то хотел столкнуть его с уступа!

Плут уцепился за локоть ближайшего монумента и не успел опомниться, как каменная рука отвалилась. Потеряв равновесие и издав отчаянный вопль, Плут разжал пальцы и прильнул к стене.

Чтобы успокоить нервы, Плут глубоко вздохнул, оценивая, сколько ему еще осталось этажей и какие статуи выглядят понадежнее.

«Это не члены Лиги и не покойники, — уговаривал он сам себя, продолжая карабкаться вверх. — Это всего лишь статуи. Каменные идолы...»

Клубы тумана кружились в воздухе, от зловонного сероводорода в горле першило, глаза слезились. Перебросив тело через ограждение с резными стойками, Плут оказался на плоской крыше Зала Заседаний Лиги.

Он посмотрел сквозь прозрачную кровлю вниз. Весь зал был перед ним как на ладони: деревянная платформа, круглая подставка с колыбелью, на которой лежит шарообразный младенец... А где же Костоглот?

Плут торопливо обошел прозрачную сферу в поисках выбитого стекла. Через отверстие юноша увидел разгромленный стол, на котором лицом вверх валялась каменная голова. Плут отпрянул: на него застывшими глазами пялился сам Вокс Верликс.

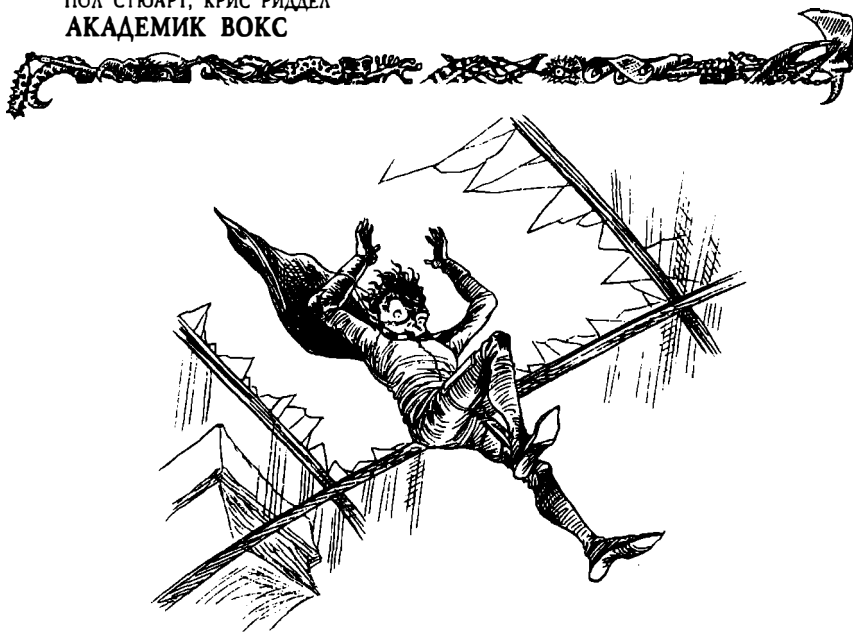
Тут послышался сиплый голос привратника:

— Пора нашему птенчику вылететь из гнезда! Старик Костоглот все знает, и он не подведет своего хозяина. Никогда не подведет. Время настало. Десять часов.

Плут не отрываясь следил, как привратник подходит к колыбели и вставляет воронку в обшитый металлическим кожухом шар. Гоблин взял бутылку, отвернул пробку и приготовился вылить ее содержимое внутрь шара.

Плут закусил губу. Одна капля воды — и шар взлетит!

— Нет! — закричал Плут, прыгая сквозь переплет, в котором торчали осколки стекла. Кувыркаясь и дрыгая ногами в воздухе, он тяжело шлепнулся на расхлябанный стол.

Костоглот, зарывав, обернулся. Сжимая горлышко бутылки, он другой рукой вытащил нож.

— Кто осмелился помешать старику Костоглоту? — взревел привратник. — А, это ты, кухонный раб? — Костоглот прищурился.

Нагнувшись, Плут схватил каменную глыбу, валившуюся у него под ногами.

— Сейчас же брось бутылку, Костоглот!

Костоглот, помедлив, направился к воронке. Плут с невероятным усилием запустил в привратника каменной головой. Раздался удар: голова Вокса, перелетев через зал, сшибла незадачливого гоблина с ног. Костоглот, пискнув, брякнулся на пол, возле него лежала бутылка, и ее содержимое с бульканьем выливалось на каменные плиты.

— Пропал Костоглот, — прошептал привратник. —
Наконец статуи добрались до него...

Плут поднялся и поплелся к колыбели. Положив ладонь на гладкий металлический бок младенца, он заглянул в нутро шара через торчавшую из обшивки воронку. Плут взмок от горячего влажного воздуха — капля пота, сорвавшись с кончика носа, соскользнула в железный раструб и упала вниз.

Плут оцепенел. Внутри шара раздалось злобное громохание, сопровождаемое щелчками и потрескиванием, — помост затрясся, угрожая развалиться на куски. Плут ждал, что будет дальше. В следующую секунду что-то звякнуло, горизонтальные крепежные брусья, удерживающие пружинный механизм, раскрылись, резко поднявшись вверх. Птичка, выпорхнув из гнезда, пробилла стеклянный купол. На пол посыпался град осколков, и младенец исчез в ночном небе.

На секунду воцарилась мертвая тишина.

Затем...

Ослепительная вспышка...

Удар! Бах-бабах!

Сверкнула молния, и прогремел гром, подхваченный неистовым воем внезапно налетевшего вихря. Ураган срывал крыши, валил дома, опрокидывал статуи... Порывом ветра юношу оторвало от пола и швырнуло в дальний конец зала.

Когда пыль улеглась, Плут осторожно встал на ноги. Ошеломленный и испуганный, он смотрел на небо сквозь дыру в стеклянном куполе. Яркое пятно на небе сузилось, но, как ни странно, горело все интенсивнее, будто всасывая в себя весь свет окрест. Постепенно пылающий круг превратился в крошечную яркую звездочку и растаял в непроглядной мгле ночи.

Мрак расползлся как чернильное пятно, густой завесой тьмы укутывая небо. Черные тучи низко нависли над Краем: не было видно ни зги. Вскоре на землю упали первые капли дождя. Крупные, тяжелые, они посыпались на Нижний Город, на площадь перед Дворцом Статуй, забарабанили по стеклянному куполу, стекая в зал сквозь разбитые стеклянные панели.

И тут грянул потоп: хляби небесные разверзлись, дождь полил как из ведра, ливень хлестал неистово. Плут побежал прочь в поисках укрытия. У подножия дворца растекалось огромное озеро: вода поглотила упавшие во двор статуи. Если здесь, на суше, творилось невообразимое, каково же было его друзьям на кораблях Библиотечной флотилии? Смогут ли они невредимыми добраться до Дороги через Великую Топь?

— Да помогут вам Земля и Небо! — пробормотал Плут и, шлепая по растекающимся лужам, побрел к дверям. — Да помогут вам Земля и Небо, — повторил он и добавил: — И мне тоже.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

БИТВА НА МОСТУ ИЗ ЧЕРНОГО ДЕРЕВА

ерховный Страж Ночи ухватился за перила, ограждавшие верхнюю площадку башни, и, склонив голову на длинной шее, посмотрел вниз. Из-под маски слышалось пыхтение.

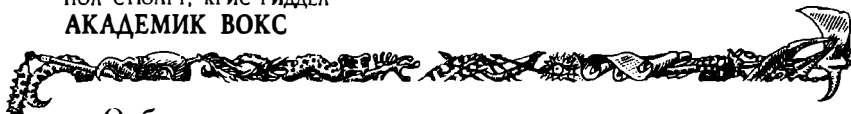
— Пора, — буркнул он. — Время пришло.

Глядя на грозное небо, обложенное дымными клубами туч, он подумал, что в эту минуту скалистые демоны уже заполняют сточные трубы. Канализация будет очищена, грянет Великая Буря и исцелит священную скалу.

— Время пришло...

На открытых площадках башни стражники в молчании наблюдали за предгрозовым небом. Стаи мятущихся черных туч, месяцами обходившие стороной Нижний Город, теперь соединились в плотную массу, напоминающую наковальню. Плотный и густой воздух давил на плечи...

Внезапно над открытыми площадками, где скопилось множество народу, в небе пронесся огромный огненный шар: он описал дугу над Нижним Городом и направился к центру мощной завесы кучевых облаков.

Орбикс засопел под металлическим намордником:
— Благодарение Небесам!

Огненный шар исчез, растворившись в тяжелых облаках, на мгновение над землей повисла противоестественная тишина. И тут же прогремел могучий взрыв: яркая вспышка озарила небо, и сразу же ослепительно белое зарево сменилось чернильной мглой. Оглушенный неистовым грозовым раскатом, Орбикс воздел руки.

— Да здравствует Великая Буря! — торжествовал он.

— Да здравствует Великая Буря! Да здравствует Великая Буря! — Клич Орбикса подхватили сотни голосов, и эхо, повторяя радостные возгласы стражников, гулко прокатилось по Башне Ночи. — Да здравствует Великая Буря!

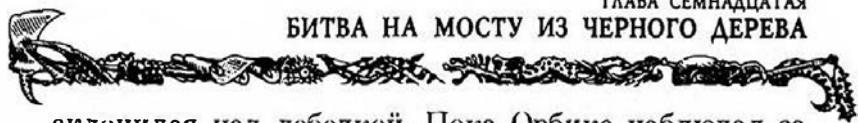
Поднебесье было изрезано зигзагами молний, черные тучи сталкивались друг с другом, яростно грохотал гром, и причудливые ломаные линии света пучками разбегались в разных направлениях. Едва успевала погаснуть молния, как тотчас же воздух сотрясал оглушительный треск, будто по небу, топоча, мчалось перепуганное стадо исполинских ежеобразов.

— Полночный Шпиль! — заревел Орбикс, стараясь перекрыть гул толпы.

С верхней смотровой площадки он различил фигуру Моллуса Леддикса, взгромоздившегося на высокий уступ у основания шпиля. Мастер ждал команды.

— Поднимай шпиль! — гаркнул Орбикс.

Леддикс махнул Орбиксу Ксаксису рукой в знак того, что он услышал слова Верховного Стража, и

склонился над лебедкой. Пока Орбикс наблюдал за происходящим, крупная капля дождя упала ему на лицо. Не успел он смахнуть ее рукавом, как еще одна капля со звоном ударилась о железную маску, потом еще одна и еще...

Дождь хлынул как из ведра. Огромная серая наковальня съежилась, и теперь над Башней Ночи висел плоский вращающийся диск, похожий на колесо гигантской тачки. От грохотания закладывало уши.

— Да здравствует Великая Буря! — орали Стражи Ночи. — Да здравствует Великая Буря!

Нельзя было терять ни минуты. Орбикс должен был обуздать стихию и воспользоваться ее целительной силой. Верховный Страж с силой ударил кулаком по перилам.

— Скорее, Леддикс! — заорал он. — Поторопись!

Леддикс, чертыхаясь, возился с лебедкой. Не его это дело! Такими вещами всегда занимался Ксант Филантайн! Шпиль медленно поднимался, скользя по промасленному желобу: скоро его острый наконечник будет нацелен прямо в бушующие небеса. Леддикс перевел дух.

— Еще немного... — с натугой пробормотал он. — Еще чуть-чуть...

Дзынь!

Шпиль принял почти вертикальное положение, и канат лебедки туго натянулся в руках Леддикса. Мастер по изготовлению клетей поднял руку, чтобы достать стопорный болт, висевший на крюке, и рука мастера застыла в воздухе...

— Да что ж это такое! — взвыл Леддикс, стараясь удержать раскрученный канат. — Куда же запропастился стержень!

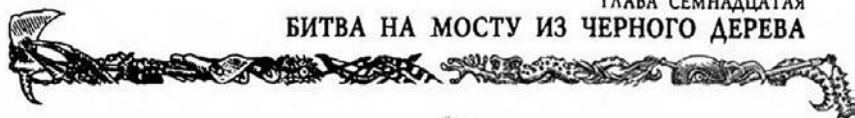
Стопор — длинный заостренный штырь с позолоченной головой Хрумхрымса на торце — бесследно исчез...

Леддикс запрокинул голову, подставив искаженную злобой физиономию под струи дождя.

— Будь ты проклят, Ксант Филантайн! — взревел он.

Еще несколько секунд Леддикс боролся с механизмом, удерживая тяжелый шпиль весом своего тела, но руки его ослабели.

Рычаг лебедки выскользнул из потных ладоней, и колесо, дребезжа, закрутилось в обратную сторону. Шпиль опустился и лег обратно в желоб.

Дзынь!

Вспышка за вспышкой, громохание... На небе творилось что-то невообразимое.

Фигура в маске появилась на уступе рядом со шпилем. Орбикс Ксаксис, яростно размахивая руками, шагал к Леддиксу.

— Я велел тебе поднять шпиль, Леддикс! — перебивая раскаты грома, завопил Верховный Страж.

Схватив за шкуру съжившегося от страха мастера-клеточника, он сунул железное рыло в маску ему прямо в лицо.

— Я... я... я... не могу, сэр, — заикаясь, промямлил Леддикс. — Сто-по-по-пор куда-то пропал!

— Пропади и ты пропадом! — взревел Верховный Страж Ночи.

Когтистыми пальцами он схватил упирающегося мастера-клеточника и, подняв в воздух как пушинку, сбросил с высокого уступа вниз.

Крик Леддикса утонул в громовом раскате.

— Да здравствует Великая Буря! Да здравствует Великая Буря! — хором твердили в экстазе Стражи Ночи.

А над высоченной башней кружили зловещие вихри, будто в гигантском небесном котле кто-то варил густую черную кашу, помешивая ее огромной ложкой. Молнии сменили конфигурацию и теперь сплетались в световой клубок.

— Да здравствует Великая Буря!

У него нет времени снова водружать шпиль на место, понял Орбикс. Но и позволить буре пройти мимо он не мог! С отчаянным воплем он запрыгнул на кожу барабана лебедки.

В следующее мгновение ливень обрушился с новой силой, и небо опять осветилось ослепительной вспышкой: заряженные электричеством зигзагообразные ветви изрезали черный небосклон.

— Да здравствует Великая Буря! — надрывался Орбикс. — Да здравствует...

Башня Ночи закачалась от шпилья до фундамента, и балконы стали рушиться. Падавшие вниз стражники беспомощно кувыркались в иссиня-черной

мгле. Могучая энергия шторма втянула все и вся в свой смертоносный водоворот: Башня Ночи загорелась, а больная, истекающая влагой скала, на которой держалось это деревянное сооружение, затрещала по швам, разваливаясь на куски.

И тут Верховный Страж Ночи, стоявший на самом верху, испустил леденящий душу вопль...

— Как ты думаешь, мы оторвались от них? — прошептала Магда.

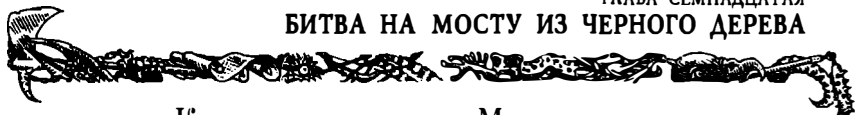
Ксант стоял на коленях рядом с ней, скрючившись в узкой боковой трубе, проходившей над Южной Магистралью.

— Не знаю... — замялся он. — Надеюсь, что да.

На их долю выпали тяжкие испытания, на какое-то мгновение Ксанту даже показалось, что им не уйти от скалистых демонов, гнавших за ними по пятам. К счастью, Магда всегда была прилежной ученицей и на отлично выучила географию подземного мира. Зная систему канализации, она нарочно выбирала самые узкие и неудобные проходы, тогда как их преследователи, досадливо пыхтя, устремились в погоню за беглецами по широким трубам. Теперь, как правильно рассчитала Магда, они оказались рядом с Главным Тоннелем, откуда было рукой подать до Центрального Книгохранилища.

— Что там? — пробормотал Ксант.

Магда нахмурилась. Она тоже слышала шум. Высоко над головой раздавался ровный, мерный топот, сопровождаемый лязгом металла. Оба прислу-

шались. Ксант повернулся к Магде с помертвевшим лицом.

— Ты понимаешь, что это такое? — прошептал юноша.

Назад пути не было: скалистые демоны наступали им на пятки. Магда схватила Ксанта за руку и потащила его к выходу из поперечного тоннеля, хлюпая по щиколотку в воде.

В точке пересечения с Главным Тоннелем они выглянули из-за угла и увидели, как из боковой, круто падающей наклонной трубы в Главный Тоннель вливается бесконечный поток гоблинов: плоскоголовых, пучковолосых, длинногривых, а у дверей Центрального Книгохранилища выстроились отряды закованных в броню молотоголовых стражей.

— Гоблинова армия! — ахнула Магда, прикрывая рот рукой. — У самого Центрального Книгохранилища!

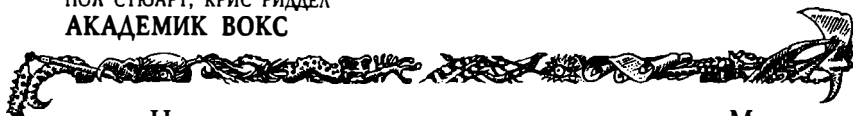
— Впереди гоблины, позади скалистые демоны, — шепнул ей на ухо Ксант. — Мы в западне.

— Все кончено, Ксант, — прошептала Магда, обхватив голову руками и сотрясаясь от слез. — Я дальше идти не могу!

— Ты должна идти, — послышался чей-то слабый голос у нее за спиной.

Ксант обернулся, готовый с кулаками наброситься на врага, Магда вовремя удержала его руку: из тьмы выплывала знакомая фигура профессора Олквикса Венвакса.

— Олквикс, неужели это вы! — возликовала Магда со слезами на глазах.

— Не плачь, детка, не надо, — успокаивал Магду добряк профессор, гладя ее по голове. — Я боялся, что мы потеряли тебя, как и Плута, а вы оба, к счастью, живы и вернулись сюда целыми и невредимыми!

Магда перестала плакать.

— Как! — вздрогнула она. — Неужели Плут жив?

— Да, моя милая девочка, — ответил Олквикс. — Он жив. Благодаря ему Центральное Книгохранилище спасено от нашествия варваров!

— Ничего не понимаю... — пробормотала Магда.

Олквикс остановил ее, предупредительно подняв палец.

— У тебя будет достаточно времени, чтобы порасспросить обо всем, когда ты встретишься с библиотечным отрядом у ворот на Дорогу через Великую Топь, — проговорил старик. — А сейчас надо спешить. Трубы уже заполняются водой.

Ксант посмотрел под ноги. Профессор был прав. За те недолгие минуты, что они провели в тоннеле, узкий ручеек превратился в поток. Олквикс подошел к выходу из трубы и выглянул.

— Послушайте, молодой человек, — сказал старик, впервые обращаясь прямо к Ксанту. — Как вы думаете, вы сможете пересечь Главный Тоннель, чтобы попасть в водопропускную трубу вон там? Через нее вы проберетесь к решетке, которая выведет на поверхность в восточной части Нижнего Города.

— А как же гоблины? — спросил Ксант. — Мы же будем у них на виду?

— Предоставьте гоблинов мне, — ответил профессор Венвакс. — У вас есть цель — добраться до ворот. Нашей библиотеке нужны такие храбрые рыцари, как вы, чтобы заново воссоздать ее на Вольной Пустоши.

— Нет, Олквикс, нет! — Магда бросилась на шею старику. — Мы не можем оставить вас здесь!

Профессор мягко отстранил ее.

— Я стар, — проговорил он с грустной улыбкой. — Свои лучшие годы я провел в Центральном Книгохранилище. Знаете, я собственными руками строил мост из черного дерева еще в те годы, когда вас и на свете не было. Я не могу все бросить, даже сейчас. — Слезы покатались по щекам старого ученого. — А теперь ступайте!

Он тихонько отодвинул Магду и Ксанта и побрел вдоль Главного Тоннеля. Было слышно, как постукивает его посох по стенам канализационной трубы...

— Да здравствует Великое Центральное Книгохранилище! — крикнул профессор, поравнявшись с рядами гоблинов.

Пока профессор отвлекал врага, две фигурки, пригнув головы, незаметно пересекли Главный Тоннель и шмыгнули в боковой отросток трубы.

— Хватайте его! — заревел генерал Титтаг, стоявший у входа в Центральное Книгохранилище, двери которого бушующая толпа гоблинов пыталась пробить тараном.

Пучковолосые гоблины окружили старого библиотекаря, нацелив острые копыя прямо в его горло. Мускулистый молотоголовый стражник схватил Олквикса за шиворот и потащил к дверям книгохранилища. Титтаг ухмыльнулся, когда профессора швырнули к его ногам.

— Наш первый библиотекарь, — хмыкнул генерал, поворачиваясь к взмокшим от пота воинам, безуспешно таранившим двери библиотеки. — Остальные ублюдки притаились за этими хилыми дверями. Их постигнет та же участь! Пусть старик станет нашим полковым штандартом!

Генерал Титтаг щелкнул пальцами, и двое плоскоголовых знаменосцев, выскочив вперед, грубо схватили Олквикса и привязали к шесту, увенчанному резной фигурой Режущего Червя.

— В атаку! — рывкнул генерал, подняв доморощенное боевое знамя над плотными рядами гоблинов.

Молотоголовые гоблины, с неистовством ударив тараном по створкам дверей, разлетевшихся в щепки, прорвались внутрь.

— Победа за нами! — ревел генерал. — Победа за нами!

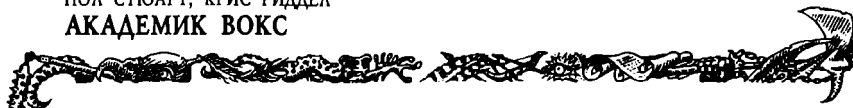
— Победа за нами! — дружно вторила ему великая армия гоблинов, наводняя помещение библиотеки. — Победа за нами!

В первых рядах, высоко подняв штандарт с Реющим Червем, на котором подвесили старика профессора, маршировали молотоголовые бойцы: щиты их были сомкнуты, образуя сплошную стену. Громяхая сапогами, они перешли через мост из черного дерева, а в боковых тоннелях, и сверху, и снизу от них, на всех площадках и на мосту из летучего дерева уже кишмя кишели гоблины всех мастей: сверкая доспехами, они шли вперед, держа наготове копыя и арбалеты.

Генерал Титтаг, окруженный военачальниками, оглядывал поле битвы.

— Ничего не понимаю! — пробормотал он, переводя взгляд на Олквикса. — А где же библиотекари?

Тысячи глаз устремились на старика профессора. На секунду воцарилась мертвая тишина, ее нарушил прерывистый смех Олквикса.

— Их тут давно нет! И след простыл! — хохотнул профессор. — Они спасены, и спасена наша Великая Библиотека! Да здравствует Центральное Книгохранилище!

В толпе гоблинов началось какое-то движение, и воздух прорезала желто-голубая вспышка. В сердце старика вонзилась стрела с пестрым оперением.

В оцепенении гоблины смотрели на свой штандарт: голова профессора тотчас поникла и по груди заструилась алая кровь.

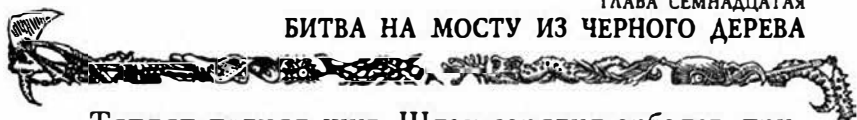
— Это шрайки! — взревел знаменосец, угрожающе подняв кулак и показывая рукой в направлении верхней площадки. — Стреляли вон отту...

Не успел он окончить фразу, как стрела с красочным оперением воткнулась ему в горло. Знаменосец рухнул на колени, заливаясь кровью.

— Измена! — заорал Титтаг. — Немедленно при- тащите ко мне этих мерзких птиц!

Как бы в насмешку над приказом генерала на открытые площадки отовсюду хлынули шрайки в боевых доспехах. Надрывно гомоня, они подняли луки, и в воздухе замелькали тысячи свистящих стрел. А на мосту из черного дерева плоскоголовый гoblin Шлак готовился к атаке, сняв с плеча арбалет.

— Прикрой меня, — шепнул он своему боевому товарищу Тяпляпу.

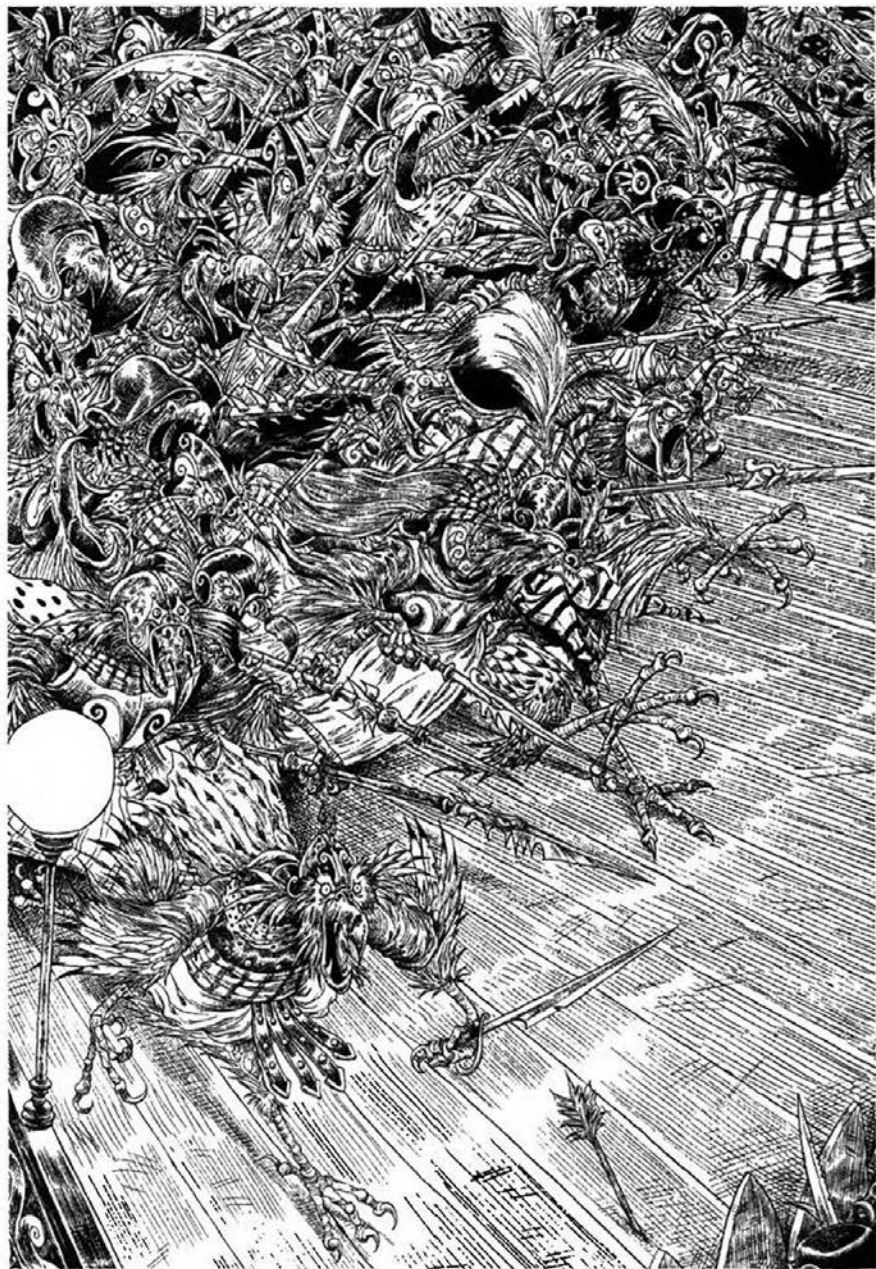
Тяпляп поднял щит. Шлак зарядил арбалет, прицелился, взяв на мушку жирную, безвкусно разукрашенную курицу с пышной грудкой, и нажал на курок. Цель была поражена. В воздухе закружились пух и перья, брызнул кровавый фонтан, и птицеподобное чудовище рухнуло на мост из черного дерева.

— Первая кровь! — плотоядно воскликнул Шлак.

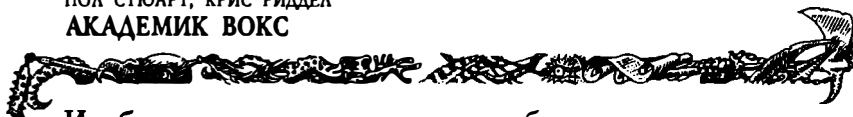
Он поднял арбалет во второй раз, внимательно следя, чтобы щит Тяпляпа прикрывал его от града вражеских стрел. Натянул тетиву. Мягко опустил палец на спусковой механизм, и...

И тут массивные двери к западу от моста распахнулись. У Шлака перехватило дыхание: перед молотоголовой гвардией сплошной стеной стояли шрайки.

Их были сотни, тысячи, и они были вооружены до зубов.

Шлак вытащил свое непобедимое оружие — великолепный двуручный меч.

— О, мой верный Хрясьпополам, клянусь Небесами, сегодня ты напьешься вражеской крови!

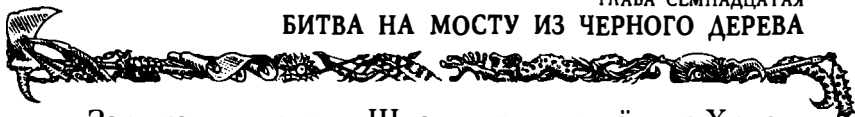
Гоблины, готовые биться плечом к плечу рядом с ним, тоже обнажили зазубренные клинки и произнесли свои заклинания. Боевые курицы наступали: их армия, как девятый вал, накрыла первые шеренги гоблинова войска. Шрайки были вооружены луками и стрелами, пиками, плетками и костоломами, но больше всего Шлак боялся их железных клювов и сверкающих острых когтей.

Шрайки, оглушительно кудая, сломили щитовой заслон и сплелись с гоблинами в смертельной схватке. Пятна алой птичьей крови окрасили доспехи гоблинов.

— Вперед, Тяпляп! — взревел Шлак. — Они наступают!

Отряд шраек расколол стену молотоголовых бойцов пополам.

Шлак почувствовал, как на него уставилась пара неподвижных желтых глаз, вокруг на мосту из черного дерева, залитому потоками крови, валялись обезглавленные, изрубленные тела его товарищей. Тяпляп вырвался вперед, чтобы прикрыть своего друга, и успел подставить щит в ту самую секунду, когда острый как бритва коготь шрайки был на ладонь от горла Шлака.

Зарывав от ярости, Шлак поднял свой меч Хрясь-пополам, чтобы ударить в грудь боевой сестре-шрайке, нависшей над ним. Шрайка в ярком оперении отклонилась, и меч Шлака обезглавил ее соседку.

За спиной у гоблина раздался стон: нагрудная пластина Тяпляпа была пробита насквозь и кровь хлестала фонтаном. Боевая шрайка с испачканным кровью клювом двинулась на Шлака.

— Нет! — взревел гoblin.

Ослепленный яростью, он взмахнул клинком, и Хрясьпополам рассек надвое птицеподобную тварь.

Шлак взглянул на Тяпляпа — тот был мертв. Шлак жаждал мщения.

— Ур-р-ра! — утробно зарывчал гoblin, бросаясь вперед.

Издав пронзительный вопль, сестра Когтедер подпрыгнула и выпустила шпоры. На физиономии ее противника, плоскоголового гоблина, отразилось искреннее изумление. Шрайка ударила гоблина пикой прямо в сердце, он перегнулся через перила моста из черного дерева и, кувыркнувшись, упал в стремнину.

— Еще! Еще! — заходилась в ликующих воплях шрайка.

Углом глаза шрайка заметила, как сверкнул металл: приближающийся к ней длинноволосый гoblin вращал над головой цепь с тяжелым железным шаром на конце. Сестра Когтедер, отступив на шаг, гневно сплюнула.

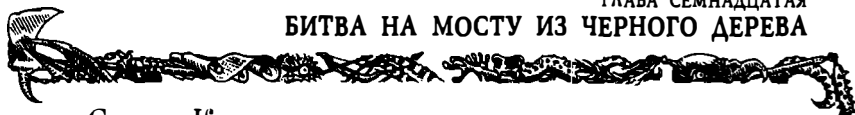
Перед носом у длинноволосого гоблина оказался зеленый клюв, послышалось шипение — и в следующую секунду его лицо было раскроено пополам.

— Мои глаза! — завопил гоблин. — Мои глаза!

К шрайке приближался Шлак. От приступа гнева пена пузырилась у него на губах. Он в упор смотрел на заляпанное алыми пятнами пестрое оперение сестры Когтедер, и глаза ему застилала кровавая пелена.

— Ур-р-ра! — завопил гоблин, налетая на шрайку с двуручным мечом, зажатым в окровавленной руке.

Сестра Когтедер, выпустив все когти сразу, ринулась на противника. Враги встретились посередине моста, загромождая доспехами.

У Восточного входа разрозненная кучка гоблинов из побитого отряда молотоголовых жалась к генералу Титтагу. У западных дверей кудахтали и хлопали ощипантыми крыльями потрепанные отряды боевых куриц, слетевшихся под знамя Мамаши Ослиный Коготь. Внизу пространство Главного Тоннеля стремительно заполнялось водой: мост из летучего дерева уже затопило, и оставшиеся в живых гоблины и шрайки укрывались на верхних этажах.

Надрывные вопли Шлака и шрайки слились в единый рев, и глаза их на секунду встретились. Меч Хрясьпополам перерезал шею птицеподобного чудовища в ту секунду, когда когти шрайки вцепились в горло Шлака. Их тела осели, и в смертельных объятиях враги повалились на доски моста.

Зловещая тишина повисла над мостом из черного дерева.

Все завершилось. И тут над полем брани появились темные существа, проникшие в канализацию сквозь щели в сводчатой кровле. В просторном помещении библиотеки они контрастно выделялись на белом камне, повиснув на потолке вниз головой и жадно принюхиваясь к запаху мертвечины. Криками призывая сородичей, черные твари заполняли подземелье: новые и новые полчища прибывали с каждой минутой, просачиваясь во все трещины и дыры... Потом, как по команде, стая расправила

ПОЛ СТЮАРТ, КРИС РИДДЕЛ

АКАДЕМИК ВОКС

крылья и стала кругами спускаться на поле сражения.

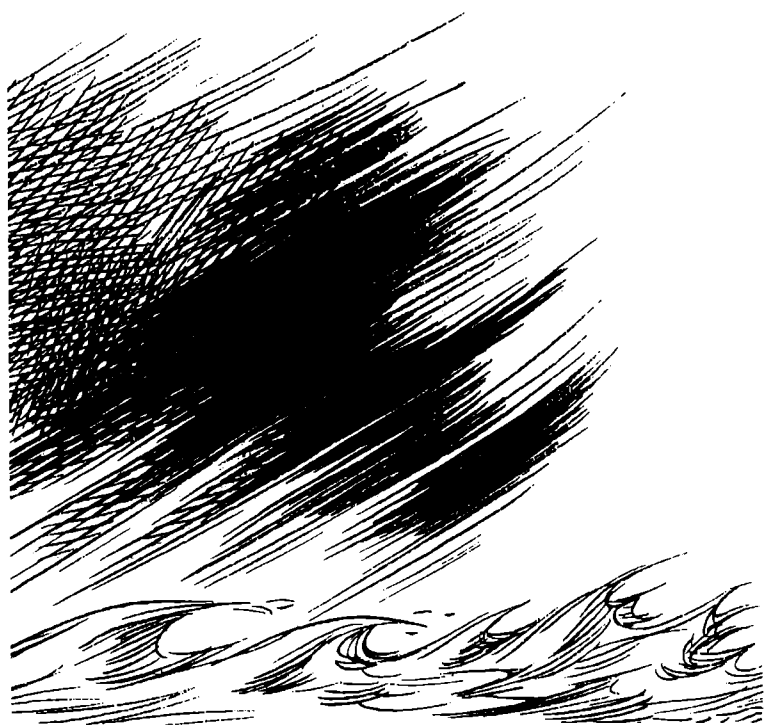
Шрайки и гоблины в упор смотрели друг на друга. На залитую кровью сцену будто упал черный занавес. Это приземлились скалистые демоны.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

ДУХИ ТАЙНОГРАДА

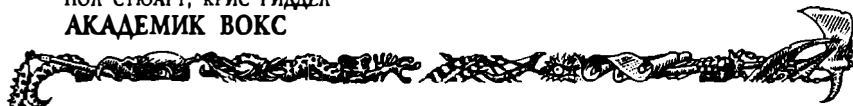
ерепрыгивая через две ступеньки, Плут очертя голову летел вниз по лестнице дворца, уставленной статуями. Снаружи раздавался непрерывный грохот: хлещущие с неба ливневые потоки смывали каменные фигуры и они падали на землю. На площадке нижнего этажа юноша застыл как вкопанный. По мраморным плитам приемного зала к лестнице спешила Гестера Кривошип.

Плут отступил на шаг и наткнулся на шаткое каменное изваяние. Статуя качнулась и рухнула на пол, увлекая за собой три соседние фигуры.

— Гестера! Берегись! — крикнул кухарке юноша.

Но старуха гоблинша даже не остановилась, когда три каменных гиганта разлетелись на куски прямо перед ней. Она торопливо добежала до лестницы и начала взбираться вверх. Плут заметил, что на бегу она потеряла свой капор, и ее круглый, обтянутый голой кожей череп блестел от влаги. Платье Гестеры насквозь вымокло от дождя.

— Иду, иду, — ворковала она, будто успокаивала ребенка. — Иду, иду, моя радость...

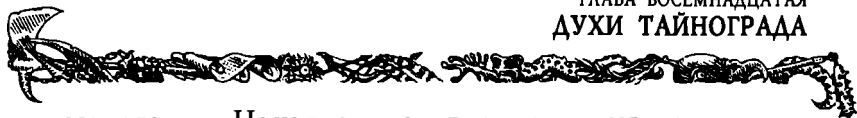

Кухарка промелькнула мимо Плута, окинув его невидящим взором, и, сверкнув маленькими, налитыми кровью глазками, понеслась дальше. В руках она держала объемистую бутылку с красной жидкостью. На фляге была приклеена этикетка «Забвение. Специального разлива».

В мраморной прихожей Плут чуть не грохнулся, поскользнувшись на каменном полу. Из дверей кухни, бурля, текли потоки воды и разливались по всему приемному залу. Промокшие рецепты, горшочки, баночки с мазями и притираниями, бутылочки и склянки качались на поверхности растекающегося озера. Плут увидел, как мимо него проплыл зеленый флакон с надписью: «Рвотное. Для стимуляции сердечной деятельности».

Шлепая по залитому водой полу, Плут добрался до больших дубовых дверей и потянул за ручку. За дверями слышался рокот, который перерос в оглушительный рев: как только двери отворились, могучий поток хлынул в зал, свалив с ног Плута и отбросив его к противоположной стене. Статуи, обрамляющие верхние пролеты лестницы, свергались с высоты, их тотчас же подхватывал водоворот. Плут с трудом пробрался обратно к двери.

На улице творилось что-то невообразимое, такого Плут не видел никогда — настоящий потоп. Дождь лил как из ведра, струи превратились в плотный занавес, сотканный из мириад тоненьких серебряных нитей. Завывал ураганный ветер, ливень заливал пер-

вые этажи. Началось наводнение, и уровень воды поднялся все выше и выше.

«Да защитят и направят меня Небеса!» — взмолился Плут, бредя по колено в воде.

Тяжелые капли дождя с силой били по макушке, по плечам, скатывались за шиворот, но юноша, втянув голову в плечи и прикрывшись рукой, продолжал свой путь. Нижний Город преобразился: улицы и аллеи превратились в каналы с грязной пенящейся жижей. На сером горизонте едва маячили башни ворот у Дороги через Великую Топь.

Плут неотрывно думал о Библиотечной флотилии. Удалось ли ей преодолеть рискованный путь? Он шлепал и шлепал по затопленным улицам.

Над головой раздался какой-то странный звук. Плут поднял глаза: в небе мелькнула белая фигура. В одно мгновение призрак перелетел через улицу и запрыгал по крышам. Пронзительный свист смешался с ревом стихии, и в ответ с другого конца улицы прозвучали отзывы. Плуту удалось спрятаться от хлещущего наискось дождя за могучими спинами дуркотрогов.

— Только бы добраться до ворот, к Топи, там мы будем в безопасности, — сказал кто-то в их компании. — Не дрейфь, Тупорыл, Духи Тайнограда покажут нам дорогу.

— Что вы сказали? — воскликнул Плут, не в силах сдержать волнение.

Дуркотроги, устремившись вперед под низвергающимся ливнем, не обратили на его слова ни малейшего внимания, и Плут отстал. Сзади напирала

встревоженная толпа горожан, он попал в людской водоворот, боясь, что его затопчут в толчее. Неподалеку молодая гоблинша-утконос с младенцем на руках, зажатая грудой тел, споткнулась и, потеряв равновесие, дико закричала.

Прежде чем Плут смог броситься ей на помощь, с гребня крыши на землю, подняв тучи брызг, спустилась белая фигура и подхватила и мать, и дитя. Плут разглядел залатанную куртку из отбеленной кожи головонога, белую шапку из крысиных шкурок и абордажный крюк, зажатый в белой костлявой руке.

— А теперь иди и береги ребенка! — сказал призрак, аккуратно ставя гоблиншу на землю.

— Спасибо, сэр, — пробормотала гоблинша. — Да благословят вас Небеса!

Плут, открыв рот, уставился на белого призрака.

— Вы... Вы один из них, — залопотал он, увлекаемый потоком людей. — Вы Дух Тайнограда!

Спасатель повернулся к Плуту, и юноша увидел обветренное лицо кучкогнома с пронзительно-голубыми глазами.

— Не останавливайся, дружок, — улыбнулся кучкогном, грациозным движением руки метнув абордажный крюк.

Крюк зацепился за кровлю соседнего дома, и призрак, туго натянув канат, мелькнул в воздухе со скоростью ядра, выпущенного из катапульты.

— Подожди! — крикнул Плут ему вслед. — У меня есть друг, Феликс. Может быть, ты...

Но призрак уже исчез за коньком крыши.

Улица выходила на площадь, и сквозь густую сетку дождя Плут смог различить очертания башен. Тысячи горожан плотными потоками вытекали на площадь. Дуркотроги, семейства гоблинов-утконосов, мастерские и купцы, бывшие рабы... Степенная мамаша из рода дуркотрогов, завернутая в черный дождевик, пересчитывала свой выводок. Испуганный дрыготрог с фонарем под глазом и забинтованной рукой торопливо проскочил мимо нее, бормоча себе под нос:

— Будь ты проклят, Титтаг, будь ты проклят со своими молотоголовыми...

За ним плелась согнутая в дугу, подслеповатая от старости гоблинша-утконос, ее под локоть поддерживала широконогая юная девица с толстыми навоенными косичками, прижимавшая к груди обернутый тряпкой меч.

С площади орда горожан бросилась к Воротам на Дорогу через Великую Топь — под натиском толпы ворота закачались, заскрипели, и за их створками раздалось встревоженное кукареканье самцов-шраек и писк птенцов.

Прорываясь сквозь людское месиво к воротам, Плут хотел потом попасть на пристань, где Краевая Река соединялась с болотистой хлябью. Вопреки здравому смыслу он надеялся встретить там целую и невредимую Библиотечную флотилию.

Над головой раздался свист вращаемой веревки, затем глухой шлепок. Так повторилось несколько раз — это абордажные крюки впились в верхнюю перекладину ворот. На венце ворот появились белые Духи Тайнограда. Победные крики жителей Нижнего Города слились с воплями самцов-шраек и птенчиков: огромные створки ворот медленно отворились.

Горожане рассыпались по широкому деревянному настилу. Плут посмотрел вперед: извиваясь змеей, над белесой Топью ползла дорога.

Здесь, за воротами заставы, ураганный ливень сменился мелкой моросью. Горожане торжествовали победу: танцевали джигу, обнимались, воздавали хвалу Небесам, упав на колени. Петляющая тропка спускалась от настила к Краевому Причалу.

Плут оглянулся, и сердце у него сжалось: он увидел ломаный контур зданий Нижнего Города, разрушенного черной бурей. На горизонте маячил силуэт Башни Ночи: она вспыхивала как исполинский факел под кривыми вилами молний... Весь этот ночной кошмар, подумал Плут, он устроил собственными руками. Это он накормил Воксова младенца и запалил взрывоопасный металлический шар... Именно он, Плут Кородер, стал причиной разразившегося шторма, хотя и предпринял все возможное, чтобы предотвратить

катастрофу. Юноша в бессилии принялся стучать кулаками по дощатому настилу: его душило отчаяние и чувство вины...

В небе мелькнул белый ворон и опустился пониже.

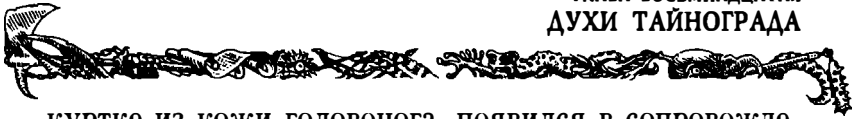
— Каррр! — хрипло крикнул он. — Пррривет, Плут!

Плут поднял голову, и белый ворон сел на землю рядом с ним.

— Гаарн! — воскликнул Плут. — А Феликс где?

— Я всегда рядом! — послышался знакомый голос, и Феликс, крупный, мускулистый парень, в белой

куртке из кожи головонога, появился в сопровождении Духов Тайнограда.

— Ах, Феликс! — обрадовался Плут. — Когда я видел тебя в последний раз?! Ведь все гибнет!

— Ты прав, мой друг! — Феликс похлопал Плута по плечу. — Нижнего Города больше нет. И теперь наше будущее — и твое, и мое — ждет нас вон в той стороне. — Он показал рукой на Вольную Пустошь.

Толпа, собравшаяся вокруг, подхватила его призыв.

— Но ты не знаешь, — сокрушенно проговорил Плут. — Тут моя вина... Я мог бы предотвратить эту ужасную бурю и не сумел... — Он закусил губу, слезы навернулись ему на глаза.

Феликс ласково погладил товарища по плечу:

— Честно говоря, я не очень-то понимаю, в чем ты виноват, Плут, но чувствую, что тебе пришлось достаточно пережить. Не так-то легко выбраться из канализации во время шторма!.. А что с Библиотечными Учеными? Им удалось спастись?

Плут вздрогнул. Библиотекари! Он глянул на дорожку, ведущую к причалу на Краевой Реке, намереваясь бежать.

— Они выбрались из канализации на пяти баржах, и дальше флотилия поплыла по Краевой Реке. Я обещал, что встречу с ними у ворот, если мы... — Плут секунду помедлил и закончил фразу: — Если мы останемся в живых.

Феликс обратился к белому ворону:

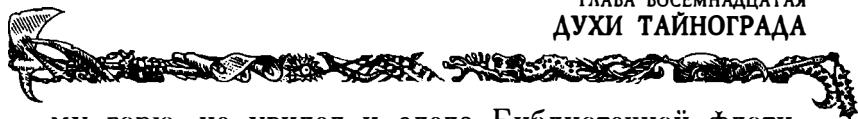
— Гаарн, слетай посмотри, что там, и сразу возвращайся.

Каркнув, белый ворон взмыл в поднебесье и, описав круг, полетел к Краевой Реке, над которой нависали черные тучи.

— Пошли, Плут, — сдавленным голосом позвал приятеля Феликс, указывая на спуск к воде. — Обещания надо выполнять.

Перегнувшись через перила, Плут глянул вниз, и его охватила дрожь. Когда он совершал рейды на небоходе, ему приходилось видеть ленивую Краевую Реку: напоминая змеиные кольца, она медленно несла свои воды вдоль илистых берегов. Теперь река превратилась в широкий поток, по которому, пенясь, с рокотом гуляли волны, угрожая снести опоры пристани и погубить причал.

У Плута закружилась голова. Он с тревогой оглядывал берег, волны, сходни — все вокруг, но, к свое-

му горю, не увидел и следа Библиотечной флотилии. Они давно должны были причалить! Вцепившись в поручни, Плут низко склонился к воде, изучая течение вздыбленной реки...

— Они все там? — спросил Феликс взволнованно. — Весь совет? И Варис? И мой отец?

— Да, — ответил Плут. — И Варис, и твой отец были на второй барже.

Они молча смотрели на бушующие волны. А в это время на платформе Духи Тайнограда занимались подготовкой к великому исходу жителей Нижнего Города по мосту через Топь. Пристань под ногами у приятелей сотрясалась от ударов волн.

— Видишь ли, Плут, — проговорил Феликс, — пристань скоро обрушится и ворота тоже не устоят. Если мы сейчас не выберемся отсюда, мы погибнем.

— Давай еще чуточку подождем, — взмолился Плут. — Между прочим, на барже твоя сестра с отцом, Феликс.

Феликс устался себе под ноги. Мускулы от напряжения играли на его лице.

— Я всю жизнь хотел, — тихо молвил Феликс, — чтобы отец гордился мной. И теперь, когда я могу без стыда и страха посмотреть ему в глаза, его нет рядом со мной. Я не хочу думать, что он погиб! Неужели ты считаешь, что я отказываюсь ждать своих родных и близких? — Он изо всех сил ударил кулаком по перилам.

— Прости меня, — ответил Плут. — Я только...

— Знаю, знаю, — кашлянув, откликнулся Феликс.

Пристань угрожающе качнулась. Наверху раздались крики, и группка Духов Тайнограда спустилась по трапу, подталкивая вперед двух упирающихся Стражей Ночи в черных плащах.

— Мы обнаружили эту парочку у Ворот на Дорогу через Великую Топь, Феликс, — доложил соратник Феликса, кучкогном. — Что с ними делать? Перерезать им глотки и сбросить в реку? Это милосерднее, чем отдать их на растерзание разъяренной толпе.

Стражи Ночи перестали сопротивляться, как только Феликс откинул их капюшоны.

Плут остолбенел.

— Магда! — задыхаясь, воскликнул он. — И Ксант!

— Отпусти их, Карнаух, — приказал Феликс. — У этой девушки, как ты видишь, форма пилота под плащом. Она из Библиотечных Рыцарей, идиот! А что касается молодого человека...

— Я могу поручиться за него! — сверкая глазами, храбро перебила Феликса Магда.

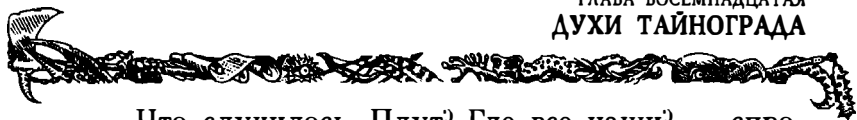
— Это действительно так? — вмешался Плут.

— Он спас мне жизнь, Плут.

— Феликс, — поторопил товарища кучкогном, — пора выбираться отсюда.

— Я знаю, Карнаух...

Плут неохотно оторвал руки от перил и, повесив голову, отошел от воды. Магда тотчас подбежала к нему, и они вместе поднялись по сходням на площадку у ворот.

— Что случилось, Плут? Где все наши? — спросила она. — В канализации кишмя кишат скалистые демоны, а в Центральном Книгохранилище полно гоблинов. Мы ожидали увидеть Библиотечную флотилию здесь...

— И я тоже, — пробормотал Плут. — Ах, Магда, все библиотекари...

— Библиотекари! Библиотекари! — пронесся радостный вопль.

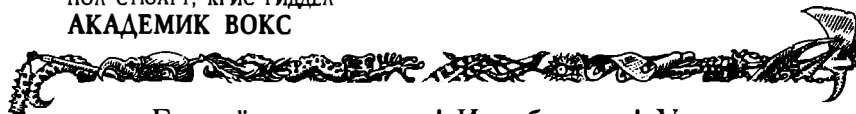
Ликующие жители Нижнего Города толпой бросились к воротам, указывая на реку. Плут обернулся.

— Это они! — воскликнул он. — Это Библиотечная флотилия! Ура!

Миновав излучину реки, показалась первая, самая крупная баржа: мелькали весла, в воздухе шуршали трущиеся друг о друга подвесные кабинки, звенели крики капитана, подстегивающего гребцов командами прибавить ходу. А над ними в поднебесье с громким карканьем кружил белый ворон. Затем появилась и вторая баржа, а за ней — третья, четвертая, пятая — все посудины были связаны одним канатом.

«Какая взаимовыручка! — восхитился Плут. — Так всегда поступают настоящие библиотекари: один за всех и все за одного!»

Стремглав спустившись по шатким ступеньками сходней, Плут сложил раструбом ладони у рта и крикнул во все горло, обращаясь к капитану первой баржи:

— Бросайте мне канат! И побыстрее! У нас мало времени!

Ответа не было, но баржа шла прямо к пристани.

— Налегай! — грубые окрики командира баржи перекрывали грохот волн. — И — раз! И — два!

Духи Тайнограда сбежали вниз по сходням, когда судно подошло к берегу, мигом перехватили бухты каната, брошенные с борта, туго закрутили швартовы вокруг колец, обрамлявших причал.

Библиотечные Ученые были измождены до предела. Притихшие, подавленные, они вышли на причал. Пристань дрожала, готовая рухнуть в любой момент. Когда появился Фенбрус Лодд с пятой баржи, деревянные опоры, поддерживающие настил над болотистой хлябью, хрустнули и причал тряхнуло.

— Разгружайте баржи! — зычно гаркнул он. — И побыстрее!

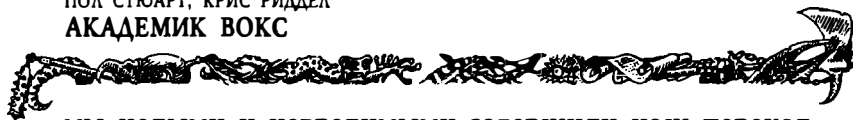
Библиотекари с помощью Духов Тайнограда и дуркотрогов сообща завершили разгрузку. Плут, Магда и Ксант, брезгливо швырнувшие ненавистные черные плащи в бурлящие волны, тоже приняли участие в разгрузке. Когда последний небоход и подвесные кабинки-читальни были сняты с палубы и перенесены на площадку перед воротами, причал исчез под водой. Баржи тоже ушли на дно: весь флот, так же как и Нижний Город, навеки поглотила черная пучина.

Ученый Совет, охраняемый Духами Тайнограда, державшими в руках зажженные факелы, собрался в центре площадки. Таллус Пенитакс, Профессор

Тьмы, стоял плечом к плечу с Ульбусом Весписом, Профессором Света, а рядом со стариками была Варис Лодд. Каулквейп, который за время путешествия осунулся и выглядел старше своих лет, сидел в самом центре, на старинном резном сундуке. Там же — и Фенбрус Лодд, Верховный Библиотекарь. Он поднял руку, призывая к тишине.

— Мои дорогие Библиотечные Ученые! — Его голос был таким же звучным и торжественным, как всегда. — Воздадим хвалу Земле и Небесам, за то, что

мы целыми и невредимыми завершили наш переход. Но нам предстоит другое трудное путешествие, и я надеюсь, что мы преодолеем все трудности благодаря честным и добрым жителям Нижнего Города, которые решили разделить нашу участь. И еще я от имени всех библиотекарей и жителей Нижнего Города хотел бы выразить глубокую благодарность тем, кто помог нам добраться до цели: это, ммм... я думаю, что вам всем они известны как Духи Тайнограда, и особенно их вожаку...

Жители Нижнего Города радостно зашумели, когда Феликс выступил вперед и пламя факела осветило его лицо.

— Да-да, — подтвердил Фенбрус, — их вожаку, которого зовут... Назови мне свое имя, о храбрый юноша! Глаза Феликса и Фенбруса Лодда встретились.

Фенбрус широко раскрыл глаза, челюсть у него отвалилась...

— Феликс? — пробормотал он.

Счастливая улыбка озарила лицо Феликса. С распростертыми объятиями он бросился к отцу. По щеке Верховного Библиотекаря скатилась слеза.

— Я... я... я не знаю, что сказать... — Фенбрус Лодд зарделся от смущения, откашлялся и энергично похлопал Феликса по плечу.

Воцарилось неловкое молчание. У Феликса вытянулось лицо. Как же это? Он так ждал этой встречи! А отец только похлопал его по плечу!

Барис подскочила к брату, крепко обняла его, но в глазах Феликса застыли разочарование и обида.

— Мои дорогие Библиотечные Ученые, жители Нижнего Города и Духи Тайнограда! — Голос Фенбруса Лодда снова стал звучным и чистым. — Нам предстоит долгий и трудный путь, но если мы будем держаться вместе, будем заботиться друг о друге, мы получим шанс начать жизнь сначала и уже не будем делиться на библиотекарей, горожан и Духов Тайнограда, мы все станем свободными людьми, жителями Вольной Пустоши!

В толпе раздались одобрителные возгласы. Горожане подхватили свои вещички, библиотекари забросили на спину рюкзаки и, погрузив сокровища в реквизированные повозки шраек, вместе с Духами Тай-

нограда приготовились к долгому марш-броску по Дороге через Великую Топь.

Плут, Магда и Ксант старались держаться поближе к Феликсу. По мрачному выражению его лица было понятно, что он не желает ни с кем разговаривать.

Когда они миновали контрольно-пропускной пункт, Плут разглядел впереди своих давних друзей толстолапов, тащивших паланкин с Воксом.

— Виг! Вурало! — окликнул толстолапов Плут. — Вумеру! Молин! Вира-лова. Вух-вух виг! *Вам тяжело нести такой груз! Пусть другие сменят вас!*

Что-то странное происходило с толстолапами. Его старые друзья, не отвечая на приветствие, продолжали понуро шагать по Дороге через Великую Топь.

Занавеси паланкина шевельнулись. «Все хорошо, друзья мои, — ледяной голос застучал в голове Плу-та. — Идите вперед, не оглядываясь...»

Плут потянул Феликса за рукав. Глаза у его приятеля остекленели.

— Все хорошо, — лопотал он. — Идите вперед...

— Нет! — заорал Плут.

Выхватив у Феликса абордажный крюк с острыми зубцами, он изо всех сил запустил его в паланкин. Зубцы вонзились в деревянную стойку, и Плут ощутил тугое натяжение каната, другой конец которого он крепко привязал к перилам моста.

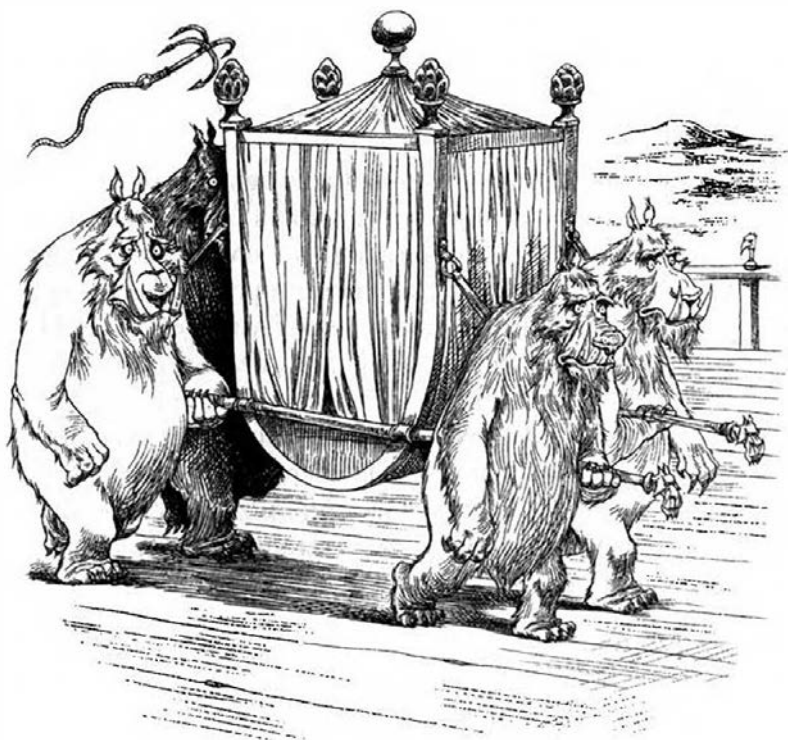
Толстолапы пытались тащить свою ношу, но тут раздался треск: дерево хрустнуло и стойка раскололась пополам. Толстолапы повалились на землю, кру-

ша и ломая рамы паланкина вместе с шестами, на которые была водружена переносная беседка. Плут стремглав бросился к животным, а за ним понеслись Магда, Ксант и Феликс.

— Не знаю, что на меня нашло, — сказал Феликс, потряхнув головой.

— Кажется, я знаю, — ответил Плут. — Одного я не могу понять: в паланкине должен быть Вокс, которого Каулквейп обещал перенести в безопасное место...

Толстолапы, постанывая, вставали на ноги.

— Вега-вурра-лора, — пробормотала Вумеру, разминая лапы. — *Чары Темного Леса рассеялись, как дым.*

— Вух-вух, вугера. Лух-виг, — вздрагивая, добавила Молин. — *Мой разум возвращается ко мне. До этого я слышала только эхо, принесенное ветром.*

Плут успокаивал толстолапов.

— Вег-виг. Виигера, веера, вух-вух, — переливчато пропел он, прикоснувшись пальцами к груди. — *Не бойтесь. Ваше путешествие во сне не принесет вам вреда, о друзья моего сердца.*

— Вокс? — за спиной у Плута раздался ворчливый голос Каулквейпа. — Это ты, Вокс? Мы выполнили наши обязательства по договору, но ты обманул нас, желая уничтожить всех! Позор на твою голову!

За хрупкой фигурой старика следовал весь Ученый Совет. Каулквейп остановился перед поломанным паланкином, переводя взгляд на толстолапов.

— Ай-ай-ай! — улыбаясь, проговорил он. — Здесь, кажется, произошел несчастный случай. Надеюсь, никто не пострадал? Все целы? А как ты, Вокс?

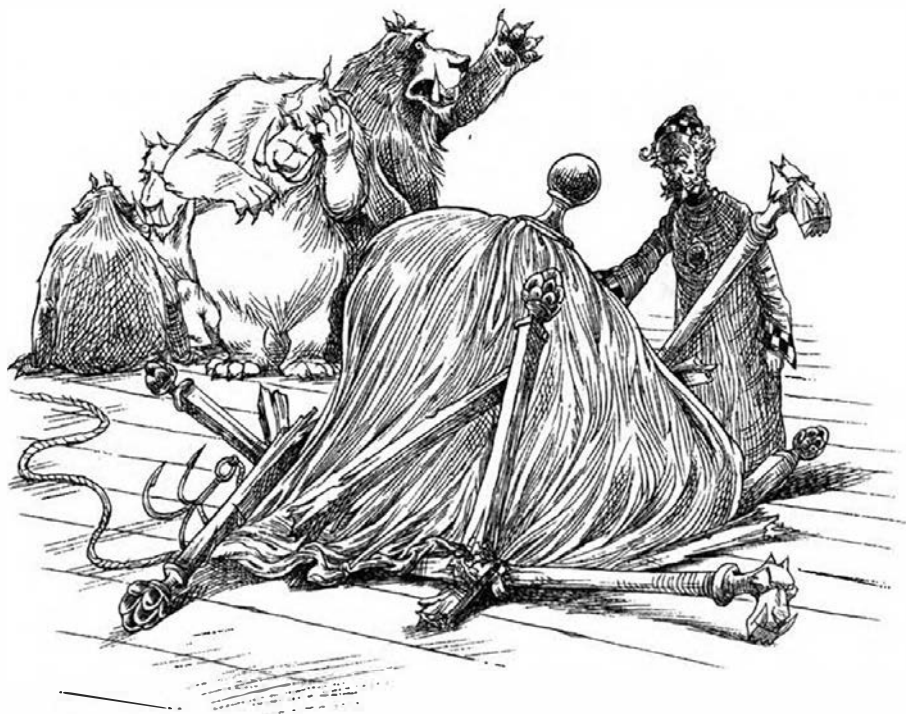
Каулквейп отдернул толстый занавес, за которым копошилась какая-то живая масса. Под балдахином, обалдело озираясь, восседала Фламбузия Лисохвост, к своей пышной груди она прижимала маленького испуганного эльфа.

— Ну скажи мне хоть что-нибудь, душенька, — ворковала она. — Скажи хоть слово...

Плут подошел к оgrade и отвязал канат. В последний раз он бросил взгляд на Нижний Город, утнувший в черном вихре туч. «Все кончено», — подумал он с облегчением, будто с души у него сняли тяжелый груз.

Плут снова был со своими верными друзьями — Феликсом, Магдой, толстолапами и Ксантом, их ждали новые увлекательные приключения.

Несколько минут он постоял у оgrade, вцепившись в нее так крепко, что костяшки пальцев у него

побелели от напряжения. Ему показалось, что как раз в этот момент с грохотом разваливается на куски Дворец Статуй.

Плут оторвал руки от перил и с улыбкой посмотрел вслед процессии. Горожане, Библиотечные Ученые и Духи Тайнограда дружно шагали по Дороге через Великую Топь.

— Жители Вольной Пустоши! — пробормотал он.

мберфус, — еле слышно пробормотал Вокс, когда беспощадная правда раскрылась перед ним до конца.

— Я дала ему особое снадобье, и он велел Костоглоту добавить его в твой напиток забвения, — объяснила Гестера. — А потом эльф занял твое место в паланкине. Фламбузия уговаривала меня ехать вместе с ними, — добавила она, — а я ответила, что хочу остаться здесь. — Гестера снова расплылась в улыбке, на лице ее появились незнакомые Воксу морщинки. — Я никогда не оставлю тебя, моя радость. Никогда в жизни.

Дворец задрожал. Западное крыло дворца полностью лежало в руинах. Между ними с воем гулял ветер.

— Меня предали! — пробормотал Вокс. Он шлепнулся на пол, как кусок теста, и застыл, обхватив голову руками. — Предали! — завыл он, и его жирные тела затряслись от рыданий.

Гестера, склонившись над хозяином, ласково положила руку ему на плечо. По потолку пошли трещины, и в образовавшиеся дыры с шумом хлынула

вода. Вокс сел, и его злые глазки сузились, превратившись в щелочки.

— Так это ты! — свирепо зашептал Вокс. — Ты передала Амберфусу отраву...

— Именно так, моя радость, — подтвердила Гестера, отвинчивая пробку на бутылке с этикеткой «Забвение. Специального разлива».

— Значит, тебе были известны его планы, — промямлил Вокс, — и ты ничего не сказала мне!

Вместо ответа Гестера мертвой хваткой вцепилась Воксу в дряблый тройной подбородок и, оттянув нижнюю челюсть, заставила его открыть рот.

— И-и-и-и! — как поросенок, завизжал Вокс, оказывая сопротивление гоблинше.

— Ну конечно, я ничего не сказала тебе, моя радость, — засюсюкала Гестера, опрокидывая бутылку со снадобьем ему в рот.

Вокс перестал воевать со своей кухаркой: руки его опустились и он покорно глотал напиток из склянки, которую Гестера держала крепкой рукой.

Взгляд Вокса потускнел, глаза закрылись, голова свесилась набок. Трещина на потолке расширялась, зал дрожал, готовый обрушиться с минуты на минуту.

— Я всегда этого хотела! Наконец-то сбылась моя мечта, Вокс, счастье мое! — сказала Гестера, укладывая массивную голову академика себе на колени, прикрывшие фартуком, и нежно укачивая своего любимца, как малое дитя. — Теперь ты мой, радость моя. Мой, и только мой.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	9
Глава первая. Утренний патруль	15
Глава вторая. Тайноград	31
Глава третья. Провалившийся дворец	61
Глава четвертая. Гибельная дыра	93
Глава пятая. Номер одиннадцать	111
Глава шестая. Гестера Кривошип	137
Глава седьмая. Кормление младенца	161
Глава восьмая. Глаз Вокса	187
Глава девятая. Два Верховных Академика	223
Глава десятая. Ровно в одиннадцать	245
Глава одиннадцатая. Ксант Филантайн	271
Глава двенадцатая. Библиотечная флотилия	289
Глава тринадцатая. Дуркотрог на посту	305
Глава четырнадцатая. Амберфус	331
Глава пятнадцатая. Шлак, Коттедер и Стикс	355
Глава шестнадцатая. Каменная голова	379
Глава семнадцатая. Битва на мосту из черного дерева	397
Глава восемнадцатая. Духи Тайнограда	421

С 88 **Стюарт П., Риддел К.**
Академик Вокс / Пер. с англ. Ю.Шор. — СПб.: Азбука-классика, 2005. — 448 с.: ил.

ISBN 5-352-01397-9

Страшная засуха и каменная болезнь иссушили земли Края, превратили Каменные Сады в пустынь, погубили все летучие корабли. Нижним Городом правят молотоголовые гоблины — Стражи Ночи, а библиотечные ученые вынуждены скрываться в подземном Тайнограде. Жители Санктафракса предчувствуют приближение катастрофы, одного Верховного Академика Вокса это не пугает. Всеми забытый правитель строит хитроумные злокозненные планы на будущее, и важная роль в них отводится Плуту Кородеру, Библиотечному Рыцарю. Плут все бы отдал за то, чтобы воздушные корабли снова бороздили небо Края, а пока ему предстоит выдержать немало испытаний, опасных и неожиданных: рабство у Гестеры Криволипп, отвратительная роль предателя, решающая схватка с беспощадными ирайками в туннелях Тайнограда. Но Академик Вокс зря надеется на успех. Настоящий воздушный пират всегда остается верным своей мечте!

Литературно-художественное издание

Пол Стюарт, Крис Риддел
АКАДЕМИК ВОКС

Ответственный редактор Евгений Тихонова
Редактор Сергей Кузьмичев
Художественный редактор Валерий Макаров
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Корректоры Анна Быстрова, Галина Тимошенко
Верстка Алексея Положенцева

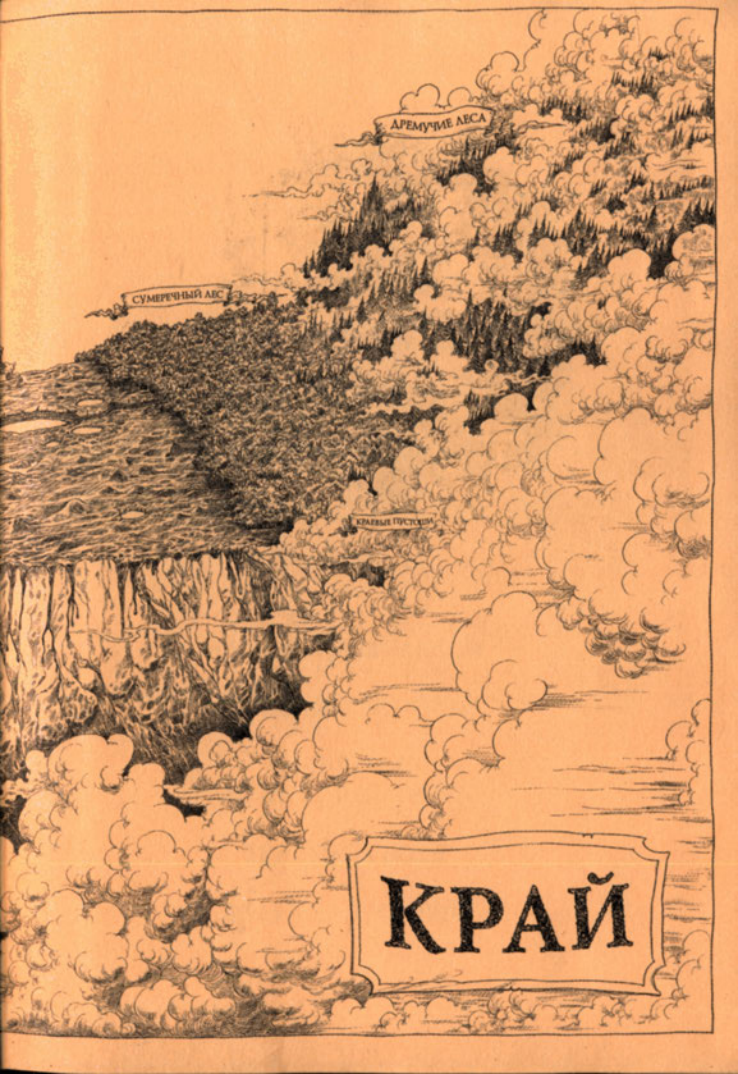
Директор издательства Максим Крютченко

Подписано в печать 28.09.2005. Формат издания 60×84^{1/16}.
Печать офсетная. Гарнитура «Обыкновенная повая». Тираж 5000 экз.
Усл. печ. л. 26,04. Изд. № 1397. Заказ № 6271.

Издательство «Азбука-классика».
196105, Санкт-Петербург, а/я 192. www.azbooka.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ФГУП «Печатный двор» им. А. М. Горького
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям.
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

ДРЕМУЩИЕ ЛЕСА

СУМЕРЧНЫЙ ЛЕС

КРАЕВЫЕ ГОСТОКИ

КРАЙ